

Е.А. ПРУДНИКОВА

· ИСТОРИЧЕСКОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ ·

ТВОРЦЫ ТЕРРОРА

Историческое расследование (Вече)

Елена Прудникова

Творцы террора

«ВЕЧЕ»

2014

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)

Прудникова Е. А.

Творцы террора / Е. А. Прудникова — «ВЕЧЕ»,
2014 — (Историческое расследование (Вече))

Репрессии тридцать седьмого года представлены в истории и в массовом сознании как «сталинские». Произошло это еще в 50-е годы, когда Хрущев и его пиарщики запустили в массовое сознание сказочку о злодее и тиране, уничтожавшем партию исключительно из-за собственного властолюбия. Между тем все было совсем не так. Знаете ли вы, сколько среди репрессированных было членов партии? Вы будете сильно удивлены. Знаете ли вы, что собой представлял «лимит» на расстрелы? Вы будете удивлены еще больше. И так много, много раз. На самом деле репрессии выглядели совсем не так, как принято думать. И, разобравшись в их механизме, мы убедимся, что слишком многие процессы там до боли знакомы. А вспомнив события 90-х годов в России и совсем уже недавние на Украине, мы поймем, от какой опасности спасали страну, пусть и такой страшной ценой.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)

© Прудникова Е. А., 2014
© ВЕЧЕ, 2014

Содержание

Введение	6
Часть 1	10
Глава 1	11
Демократия и жизнь	11
Демократия и судебная система	13
Как это было на практике	18
Усмирение судейских	21
Глава 2	26
Миф о «нарастании беззакония»	26
Роковые статьи	29
Сказка о «тройке»	34
Легенда о «сталинском прокуроре»	38
Глава 3	46
Гражданский синдром	46
Из реки по имени «факт»	51
Часть 2	60
Глава 4	64
Заложники гражданства	64
«Зачистка»	69
Гладко было на бумаге...	72
Глава 5	78
«Чужие здесь не ходят»	79
Нравы «новых меченосцев»	83
Приручение «варяга»	89
Глава 6	93
Так кто все же санкционировал пытки?	93
«Ежовые рукавицы», как они есть	97
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Елена Прудникова

Творцы террора

© Прудникова Е. А., 2014

© ООО «Издательство «Вече», 2014

* * *

Правда остается правдой, а ложь становится историей.
Гай Юлий Орловский.
Ричард Длинные Руки

Победителей можно и нужно судить.
Сталин

Введение

Сколько выводов мы сделали, исходя из слов всего одного человека!
Агата Кристи

...Чем чудовищнее солжешь, тем скорее тебе поверят. Рядовые люди скорее верят большой лжи, чем маленькой. Это соответствует их примитивной душе. Они знают, что в малом они и сами способны солгать, ну а уж очень сильно солгать они постесняются. Большая ложь даже просто не придет им в голову. Вот почему масса не может себе представить, чтобы и другие были способны на слишком уж чудовищную ложь. И даже когда им разъясняют, что дело идет о лжи чудовищных размеров, они все еще будут продолжать сомневаться и склонны будут считать, что, вероятно, все-таки здесь есть доля истины... Солги посильней, и что-нибудь от твоей лжи да останется.
Йозеф Геббельс

Речь Генерального секретаря ЦК КПСС Н. С. Хрущева на XX съезде партии – один из известнейших политических документов российской истории. С этим, думаю, никто не станет спорить.

Она, эта речь, дала отсчет новой эпохе – и это утверждение, полагаю, будет правильным. Какой эпохе – это уже второй вопрос.

В этой речи впервые на весь мир партия устами ее руководителя заговорила о кровавой сталинской тирании, о необоснованных репрессиях, унесших множество жизней. И это верно.

Ну, и за каким, простите... им это понадобилось? Кто их за язык тянул? С чего вдруг первые лица государства кинулись обливать себя и свою страну дерьмом на виду у всего мира? Притом что и до, и после того никогда партия коммунистов не предавалась публичному самобичеванию, наоборот, все нехорошее тщательно скрывалось. Как до – при Сталине, так и после – при Хрущеве. Более того, когда весной 1953 года с подачи Берии «Правда» сообщила о «нарушениях законности» в ходе «дела врачей», те же соратники, которые через три года станут так пугающе откровенны, подвергли его жесткой критике.

Так какая муха их укусила?

Еще работа над биографией Лаврентия Берии («Берия: последний рыцарь Сталина») привела меня к выводу, что 26 июня 1953 года в стране состоялся военно-политический переворот. Не верхушечная разборка в борьбе за власть, а полноценный государственный переворот. Все признаки налицо: введенные в столицу войска, убийство второго (а де-факто – первого) человека в государстве, генералы с пистолетами, стоящие за спинами членов Политбюро. То, что последние потом приложили самые отчаянные усилия, чтобы замаскировать случившееся, – ничего не меняет в сути событий. Это просто и понятно: сделанного не воротишь, а жить как-то надо.

Изменился ли в результате путча политический строй? А то! Партия, точнее, партаппарат, в последнее десятилетие все больше отодвигаемый Сталиным от штурвала, насильственным образом узурпировал власть. С этого момента *авторитарное государство*, все более дрейфующее к демократии, каким СССР был начиная с середины 30-х годов, сменилось *диктатурой партийной олигархии*.

Формироваться эта олигархия начала отнюдь не в 50-е годы. Ничего исключительного здесь нет, наоборот, все уныло банально. Конфликтами царей и бояр, королей и герцогов переполнена мировая история в лучшие ее годы. В худшие, вроде нынешних демократических,

кланы так называемой «элиты» властвуют напрямую – нельзя же считать марионеток в государственных верхах каким-либо препятствием! Классический тому пример – Украина. Рассуждая об этом государстве, некоторые особо циничные политологи вообще не берут в рассуждение партии (кое-кто даже президентов), а прямо говорят: к власти пришли «днепропетровские», вытеснив «донецких» (или наоборот?) Если кто думает, что в США не так... Как же там может быть не так, когда сам смысл демократии – убрать с дороги последнее препятствие в виде не до конца подконтрольных финансовым воротилам наследственных монархов. То есть подконтрольных, конечно – но не до конца, понимаете? Взбрыкнуть могут, убивать придется, кровью дворцовые паркеты пачкать – потом не отмоешь...

Естественно, не избежали общей участи и советские лидеры. Ленин крепко бодался со своим окружением, Сталин воевал с ним не на жизнь, а на смерть (в прямом смысле, если судить по числу расстрелянных государственных деятелей). Острота конфликта усугублялась еще и тем, что раскол шел не только по плоскости «власть – оппозиция». Даже самый упрямый олигарх в конце концов либо договорится с государством, либо разорится, поскольку он поневоле государственный, ему работать надо. А тут столкнулись между собой два психологических типа: *созидатели-«государственники»* и *разрушители-«революционеры»*, которым любая созидательная деятельность была глубоко фиолетова. Не надо забывать, что к власти в октябре 1917 года пришла радикальная политическая партия, так что «революционеров» в ней, а соответственно и в советской верхушке, абсолютное большинство. «И вечный бой, покой нам только снится!»

Ленин, хотя поневоле решал и созидательные задачи, все-таки был радикальным политиком и неплохо находил общий язык с этой публикой. Но Сталин-то по своей биографии – рабочий лидер. В этой среде разрушители приживаются плохо, а если и приживаются, то ненадолго. Уже в 20-е годы крики о том, что «нет у революции конца» разбивались о стену самого искреннего непонимания именно рабочего класса: «Мы победили, заводы теперь наши, надо их восстанавливать и работать, сколько же можно на митингах орать». Как пелось в популярной в 20-е годы песне: «И по камушку, по кирпичику собирали мы этот завод».

Сталин, рабочий лидер, выходец из патриархальной среды, эти устремления понимал и разделял. Поэтому-то в борьбе с так называемой оппозицией он и смог опереться на народ и выкинуть неуспокоившихся сперва из партии, а потом тех, кто не уgomонился, и из жизни.

И тут подоспел еще один раскол – самый страшный из всех. О нем и пойдет речь.

Основным путеводителем по времени для нас будет «документ эпохи» – доклад Хрущева на XX съезде. Можете сколько угодно на меня обижаться, но пользоваться им как историческим источником нельзя. Раньше я пыталась как-то использовать свидетельства Хрущева, но когда начинаешь проверять то, что Никита Сергеевич говорил и писал... В общем, рядом с ним голливудские исторические фильмы достоверны, как машина времени.

А вот если рассматривать этот труд упорный как оружие информационной войны – о, тогда совсем другое дело! Доктор Геббельс на сто процентов прав в своей «похвале лжи». Чем крупнее ложь, тем больше от нее остается. Хрущевский доклад полностью врос в историю, подменив собой то, что было на самом деле. При жестоком дефиците реальной информации его положения цитировались и переписывались столько раз, что стали аксиомами, которые «все знают». Это нам и поможет – мы не можем пользоваться ими напрямую, но можем использовать «с обратным знаком». Раз Хрущев говорит об этом – значит, не просто так говорит, какой-то смысл в этом есть. Образно выражаясь, если волк надевает овечью шкуру, он собирается в овчарню, если телячью – в коровник, а ошейник – стало быть, решил притвориться псом и навестить избу.

Для пояснения приведу пример. Хрущев в докладе не устает повторять о сталинской диктатуре, о режиме жесточайшей личной власти, о том, что вокруг него были лишь бессловесные

перепуганные исполнители. А давайте-ка послушаем другого свидетеля. Был такой человек – И. А. Бенедиктов, сталинский министр сельского хозяйства. В 1980–1981 годах он дал корреспонденту Гостелерадио В. Литову несколько интервью, опубликовать которые удалось лишь в наше время. И вот что рассказывает бывший нарком...

Из интервью И. А. Бенедиктова:

«Вопреки распространенному мнению, все вопросы в те годы (конец 30-х гг. – *Авт.*), в том числе и относящиеся к смещению видных партийных, государственных и военных деятелей, решались в Политбюро коллегиально. На самих заседаниях Политбюро часто разгорались споры, дискуссии, высказывались различные, зачастую противоположные мнения в рамках, естественно, краеугольных партийных установок. Безгласного и безропотного единодушия не было – Сталин и его соратники этого терпеть не могли. Говорю это с полным основанием, поскольку присутствовал на заседаниях Политбюро много раз...»

«Сталин, ставивший на первое место интересы дела, принимал решения, как правило, выслушав мнения наиболее авторитетных специалистов, включая противоречащие точке зрения, к которой склонялся он сам. Если «диссиденты» выступали аргументированно и убедительно, Сталин обычно либо изменял свою позицию, либо вносил в нее существенные коррективы, хотя, правда, были и случаи, когда с его стороны проявлялось неоправданное упрямство. Хрущев, действия которого со временем все больше определялись личными амбициями, относился к специалистам, особенно «инакомыслящим», иначе. В моду стали входить те, кто умел послушно поддакивать, вовремя предугадать и «научно обосновать» уже сложившееся мнение Первого, которое он не менял даже вопреки очевидным фактам...»

«Именно Хрущев начал избавляться от людей, способных твердо и до конца отстаивать свои взгляды. Многие сталинские наркомы, привыкшие говорить в лицо самую горькую правду, постепенно уходили со своих постов. А те, кто оставался, превращались, за редким исключением, в умных царедворцев, прекрасно сознававших всю пагубность хрущевских «начинаний», но считавшихся со сложившейся расстановкой сил и тем, кто ее в конечном счете определял...»

«Может быть, вам и неизвестно, но я еще не забыл, что в 30-е и 40-е гг. Хрущев водил прочную дружбу с Л. М. Кагановичем, «железным наркомом», занимавшим в Политбюро самые жесткие, непримиримые позиции по отношению к «врагам народа». В тесном контакте с Кагановичем Хрущев сначала в Москве в предвоенные годы, а затем на Украине в послевоенные весьма, пожалуй, даже чересчур решительно очищал партийные организации от «переродившихся» и «вредительских элементов». В ходе чисток пострадало немало честных людей, что вызвало недовольство Сталина и послужило одной из причин утраты доверия его к Кагановичу. Хрущеву же удалось реабилитировать себя бесспорными успехами восстановления разрушенных войной сельского хозяйства и промышленности Украины».

Есть и еще примеры, что на самом деле в сталинском Политбюро все обстояло именно так, а за сталинский Хрущев выдал собственный стиль управления. И тогда вопрос: **зачем понадобилась сказка о деспотизме Сталина?**

Попытка ответить на этот вопрос привела к настолько интересным выводам, что я о них здесь даже упоминать не буду. Дальше, дальше по тексту все будет... И это, и многое другое...

Козырной туз хрущевского доклада – хватающий за душу рассказ о колоссальных необоснованных репрессиях, в ходе которых по указке злодея Сталина хватали невинных людей, пытали, расстреливали без суда. Позднее официальные и «демократические» историки и журналисты, «ища себе чести, а князю славы», довели их число до десятков миллионов, а советский человек, привыкший доверять печатному слову и ученой степени, не жуя и не сомневаясь, все это проглотил.

Ну все, – скажете, – мадам в своем оголтелом сталинизме договорилась до того, что никаких репрессий не было! Приехали!

Были репрессии, были – и еще какие! Куда больше, чем говорил Хрущев, – и по числу жертв, и по жестокости, и по цинизму. Вот только это были совсем *другие* репрессии, и проходили они совсем в *другом* обществе, чем принято думать. Но они, действительно, ключ ко всему, поскольку парадоксальны и в своей бредовой невозможности не лезут ни в какие ворота. Ну не могли они быть такими в то время!

Но ведь были!

Значит, есть что-то такое, чего мы не знаем...

Часть 1

Две «законности» страны советов

«...Массовые аресты и ссылки тысяч и тысяч людей, казни без суда и нормального следствия порождали неуверенность в людях, вызывали страх и даже озлобление...»

«...Сталин ввел понятие «враг народа». Этот термин сразу освобождал от необходимости всяких доказательств идейной неправоты человека или людей, с которыми ты ведешь полемику: он давал возможность всякого, кто в чем-то не согласен со Сталиным, кто был только заподозрен во враждебных намерениях, всякого, кто был просто оклеветан, подвергнуть самым жестоким репрессиям, с нарушением всяких норм революционной законности...»

Из доклада Н. С. Хрущева «О культе личности и его последствиях»
25 февраля 1956 года

Может быть, не всем читателям то, о чем я сейчас буду говорить, интересно. Да, конечно, от меня ждут раздирающего душу рассказа о том, как власть уничтожала собственный народ – а я зачем-то приглашаю в дебри юриспруденции. Тем не менее экспедиция эта абсолютно необходима. К сожалению, когда речь идет о нашей несчастной истории, то перед тем, как идти на прогулку в прошлое, приходится строить дорогу. По болоту далеко не уйдешь...

Итак, что собой представляли закон и его исполнители в Советской России?

...В результате вала публикаций последних пятидесяти лет у читателя должно было появиться стойкое ощущение, что вторая половина 30-х годов была временем торжества беззакония. То есть до 1934 года все было нормально: судья, прокурор, адвокат, все по УК и УПК, и законы хорошие, а потом злодей Сталин начал эту машину расшатывать. Почему такое ощущение появилось, понять нетрудно: потому, что судопроизводство конца 30-х годов сравнивали с современной *теорией* судопроизводства (даже не с практикой!)

На самом деле все было, конечно, совсем не так. У нас сложилась традиция рассматривать довоенную советскую жизнь как постоянный произвол власти. Само собой, он был, и в достаточной мере, однако нельзя говорить о Советском Союзе того времени – вообще нельзя! – не принимая во внимание произвол *исполнителей*. Очень хорошо этот фактор советской жизни иллюстрирует знаменитая история с арестом Тухачевского в июле 1918 года. Тухачевский поссорился с командующим фронтом, и тот велел строптивого командарма арестовать. А конвоиры приняли собственное решение: раз арестовали, то давайте уж заодно и расстреляем. Спасся будущий «красный маршал» исключительно благодаря находчивости и присутствию духа.

И так было всегда и везде!

В том числе, конечно, и в юридической сфере. При том, что «нормы законности» в СССР существовали одни для всех, самих «законностей» было две: та, что разрабатывалась «наверху», и та, что бытовала «внизу»...

Глава 1

Откуда пошла судебная система

Ты как судить будешь: по закону али по совести?
Поговорка

Принято думать, что Временное правительство было демократическим, а большевики, мол, устроили в стране диктатуру. Э, нет! Та «диктатура пролетариата», о которой они столько говорили, на самом деле изначально была демократией, и еще какой! Это потом они поумнели...

Идею Учредительного собрания, с которой либералы носились в семнадцатом, большевики поддерживали еще в начале века, а к 1917 году она стала ленинцам тесна, и ее заменили лозунгом «Вся власть Советам!». А Советы – это уже химически чистая демократия, бесприимесная. Причем лозунг этот большевики намеревались претворить в жизнь и на полном серьезе попытались это сделать. Если бы они сразу начали с диктатуры партии, и крови, и слез пролилось бы гораздо меньше...

Демократия и жизнь

Лучший аргумент против демократии – пятиминутная беседа со средним избирателем.
Уинстон Черчилль

Это на самом деле так: новая власть честно попыталась построить в Советской России идеальное демократическое государство. Первый раз это стремление пришло в столкновение с реальной жизнью уже в декабре 1917 года, когда появился специальный наркомат по местному самоуправлению и стало ясно, что он собой представляет и какую демократию несет в массы. Дело в том, что засели там левые эсеры, у которых было свое, специфичное представление о государственной дисциплине и центральной власти – как можно меньше и того, и другого. Это уже была «демократия суперплюс».

Большевистские власти к тому времени успели слегка поумнеть и быстро осознали, к чему ведет страну наркомат. А поскольку против эсеров средства не было, организацией работы Советов явочным порядком занялся Наркомат внутренних дел (нарком Г. И. Петровский). Уже 14 января появилась инструкция о правах и обязанностях местных Советов – учитывая загруженность наркомвнудельцев, сроки просто рекордные! Наши бы чиновники, при своих огромных аппаратах, с такой скоростью рожали документы!

Идея была красивой – Советы призваны стать органами, регулирующими всю местную жизнь. Однако хотели как лучше, а получилось, как всегда.

Во-первых, лозунг «Вся власть Советам!» на местах поняли буквально. Центральная власть в 1918 году была номинальной, реальной силы за пределами столиц она не имела. Вскоре по всей стране стали появляться республики – губернские, уездные, даже волостные, со своими миниатюрными совнаркомчиками, которые делали, что хотели, вплоть до выпуска собственных денег и установления дипотношений с пограничными государствами¹.

Но это еще полбеды... Идея Советов пришла в столкновение с жизненными реалиями в самой своей основе. Ведь что такое Совет? Это нормальный выборный орган управления.

¹ По этой теме можно порекомендовать книгу Е. Лукина «Алая аура протопарторга» – там результаты воздействия демократии на державу показаны очень выразительно.

В деревне, где Сидор Карпыч знает Фрола Кузьмича как облупленного, в Совете еще могли оказаться путные люди – если Фролу Кузьмичу охота там заседать вместо того, чтобы крышу перекрывать. А если неохота, то даже в деревенском Совете заседают всякие никудышные людишки, у которых других дел нету, а то и неизвестно откуда забредшая сволочь. Факты – несколько ниже.

Это в деревне. А уже в небольшом городе сразу же начинали работать избирательные технологии. В то время они были крайне простыми: здоровая глотка, уверенный вид и набор эффектных терминов. Всем этим в максимальной мере обладали две категории населения: революционно настроенная интеллигенция и уголовники, которых после амнистии Керенского шлялось по России немерено². (Факты показали, что первая категория легко и скоро превращалась во вторую). В крупных городах, где имелись коммунистические либо эсеровские организации, процесс формирования власти еще как-то иной раз удавалось контролировать, но в целом по необъятной матушке России в местные Советы такого навывбирали... Не говоря уже о том, что и мандаты во властных структурах выдавали кому попало, а часто эти мандаты и вовсе бывали липовыми – трудно нарисовать, что ли?

Из реки по имени «факт»:

Об одном из таких типов рассказывал в своих мемуарах адвокат Н. В. Полибин, работавший в начале 20-х годов на Кубани.

«...Мне хочется вспомнить одного из “государственных деятелей”. Это был председатель станичного Совета станицы Славянской, представлявший в своем лице высшую государственную власть в селе. В той же станице в должности следователя по уголовным делам работал один из дореволюционных судебных следователей Донской области. По какому-то делу ему нужно было допросить в качестве свидетеля председателя местного Совета Майского. Он послал ему повестку, и на следующий день к следователю пришел одетый в высокие сапоги, синие “галихве” с красными донскими лампасами, в заливчатской донской смушковой шапке с красным верхом и в пиджаке Майский.

В старое время в Донской области как-то орудовала шайка “степных дьяволов”. Они напали на хутора, вырезали целые семьи, поджигали пятаки свечкой, выпытывая деньги. Они были переловлены, осуждены и получили каторгу.

Следователь сразу узнал вошедшего. Это был один из главарей шайки, которого он допрашивал в свое время. Тот его тоже узнал, но вида они не подали. Правда, следователь на следующий день “заболел” и перевелся в другое место».

И такими персонажами местные Советы были полны под самую завязку. Уголовники, как известно, народ наглый и предприимчивый, и должность «Советской власти» для них была хорошей «крышей». А те, кто не имел уголовного прошлого, легко приобретали такое настоящее – власть, жратва, бабы, самогон...

По счастью, большевики, в отличие от либералов, оказались людьми практичными. Быстро сообразив, к чему ведет демократия на местах, они принялись перехватывать рычаги управления. В то время в стране была одна хотя бы относительно централизованная и дисциплинированная структура – повторяю, *относительно!* – партия большевиков. Которую и стали использовать как приводной ремень для любой мало-мальски значимой работы. Так что, говоря о законности первых советских лет, надо очень четко понимать: самые управляемые, работоспособные и, в конечном итоге, самые гуманные структуры были те, что контролирова-

² Интересный психологический казус: почему российскую интеллигенцию с такой силой тянет к уголовникам? За примерами далеко ходить не надо: именно творческая интеллигенция раскрутила процесс романтизации «блатной» жизни. Кстати, по этой теме стоит почитать «Очерки уголовного мира» Варлама Шаламова – ко всему блатному вызывает могучий иммунитет, до рвотного рефлекса.

лись «сверху», из Москвы: партия, ВЧК. Поэтому, например, внесудебные полномочия этих органов не были чем-то дурным. Суды, контролируемые Советами, работали кто во что горазд, до полного беспредела. ЧК тоже поначалу существовали при Советах, но они раньше подпали под влияние центральной власти, да и вообще были дисциплинированной. Ну и там не обходилось без кровавых зверей, кто же спорит! Но в целом чекисты все же были приличней «революционных судей».

Демократия и судебная система

Демократия – это процесс, в ходе которого люди свободно выбирают козла отпущения.

Из книги «Цитаты Питера»

Уже Февральская, а тем более Октябрьская революции отменили и прежние законы, и прежнюю юстицию. При Временном правительстве судебная система еще как-то работала, агонизируя, как и все в государстве. После Октября все рухнуло. Надо было конструировать что-то новое, причем делать это на ходу: разрабатывать новые законы, приспособливать их к жизни и одновременно наводить в стране порядок. Картина маслом: идет строительство паровоза, сборка там, подгонка деталей, и одновременно этот же паровоз тащит поезд «Москва – Владивосток». Великий Дали отдыхает!

При этом на местах далеко не всегда понимали ситуацию, цели и задачи так, как в столице, более того, сплошь и рядом их видели вообще по-другому. Давайте напряжем фантазию и представим себе, как понимал, скажем, слесарь с тремя классами церковно-приходской школы смысл слова «буржуазия»? А пастух из комбеда? Ну, а уж та простая истина, что теперь мы – власть, а значит, жратва, самогон и бабы – наши, в разъяснениях и вовсе не нуждалась.

В такой обстановке рождалась советская юстиция.

Создание судов и всяких там прокуратур-адвокатур не было первоочередной задачей Советской власти – имелись вопросы и поважнее. Однако жизнь заставила. С одной стороны, раз есть преступление, то должно быть и наказание. С другой, уже начиная с февраля 1917 года новые суды возникали сами собой. Назывались они с разной степенью патетики: народный суд, пролетарский суд, революционный суд, суд общественной совести, а дела они решали, исходя из революционного чутья да народной совести. О результатах догадаться нетрудно. К счастью, население в то время еще имело некоторые иллюзии и не совсем озверело, иначе все было бы уже вовсе печально...

Первой попыткой упорядочения стихии стал декрет Совнаркома «О суде», подписанный 24 ноября 1917 года, который отменил прежнюю судебную систему. Ей на смену пришли новые суды, создававшиеся на демократической основе – то есть, их формировал Совет. Уже весело! То ли еще будет...

Органов правосудия было два типа: местные суды и революционные трибуналы. Первые занимались не крупной уголовщиной (до двух лет лишения свободы) и небольшими гражданскими исками (до трех тысяч рублей). Они могли даже руководствоваться старыми законами Российской империи, если те не были отменены новой властью и не противоречили революционной совести.

Это был народный суд в чистом виде – судью и двух заседателей, как уже говорилось, выбирал местный Совет, и предполагалось, что в идеале, после окончательной победы революции, их будет избирать население. Предварительное следствие также должны были проводить судьи. Впрочем, никто не торопил местные власти с наведением порядка в этой области – кому надо, те пусть сами и чешутся. Так что сплошь и рядом раньше народных судов появлялись

ревтрибуналы, которым приходилось тащить на себе и мелкие, и крупные дела. Как они это делали, мы увидим чуть ниже.

Ревтрибунал должен был заниматься более серьезными вещами – собственно «контр-революционными преступлениями», а также деяниями, которые были признаны опасными для Советской власти: мародерством, хищениями, саботажем, «преступлениями по должности», то есть злоупотреблениями и коррупцией. Опять же надо понимать, что преступления разделялись не по формальному признаку: заговор – это политика, а спекуляция – уголовщина, а по степени опасности для государства. Хотя... а почему, собственно, это неправильно?

Ревтрибуналы тоже формировались Советами. Чтобы суд был максимально объективным, поначалу, не имея хороших кадров, пытались брать количеством – этот орган ранней советской юстиции должен был состоять из судьи и целых шести заседателей (правда, практически сразу его ужали до трех человек). Более того, в основе его работы даже лежали вполне официальные нормативные акты, которые успели разработать в течение какого-то месяца! Первым из них стало «Руководство для устройства революционных трибуналов» Наркомюста (28 ноября 1917 г.), затем вышла Инструкция ревтрибуналам. Правда, существовала одна неприятная заковыка – законов написать не успели, так что судьи все равно руководствовались революционной совестью и революционным правосознанием. Ну, а кто бы на месте большевистского правительства успел за месяц разработать законодательство?

Несмотря на чрезвычайное время, при ревтрибунале существовала даже коллегия обвинителей и защитников. Правда, туда мог записаться кто угодно, лишь бы он имел рекомендацию от Совета. И еще нюанс: трибунал мог допускать или не допускать участия в деле обвинения и защиты – как хотел. И что уже совсем удивительно, в июне 1918 года, *в условиях войны*, был создан кассационный отдел при ВЦИК, для рассмотрения жалоб и протестов на приговоры трибуналов.

Теперь о кадрах. Кое-где в составе судов попадались юристы царского времени. Комиссар юстиции Ярославской губернии тов. Сергеев в 1918 году, на съезде комиссаров юстиции Московской области, жаловался на судейских крючкотворов: «Нет особенной нужды в старых опытных юристах – на практике их помощь дает нехорошие результаты, – они каждый декрет истолковывают по-своему – по-юридическому, – и так, что спорить с ними не приходится, тогда как чувствуется, что декрет этот должен пониматься иначе».

Однако в целом по России около 80 % судейских работников пришли в систему извне и учились всему по ходу работы. По счастью, 90 процентов состава первых ревтрибуналов были членами РСДРП(б), что давало хоть какую-то тень организованности, хотя учитывая, что собой в то время представляла партия большевиков... м-да! Зато целых 14 процентов судейских имели высшее образование (странно, ведь «старых юристов» было 20 процентов – куда еще шесть подевали? В зубы статистике?), 26 процентов – среднее образование и 60 процентов – низшее. Это в ревтрибуналах, а в обычных судах низшее, то есть начальное, образование имели около 70 процентов. Так что старая поговорка: «Ты как судить будешь – по закону али по совести?» приобрела неожиданный и грозный смысл. По совести, дорогие товарищи, по нашей пролетарской революционной совести. Поскольку если разобрать по складам текст закона, имея за плечами церковно-приходскую школу, еще можно, то уж понять в нем что-либо... Впрочем, ни читать, ни понимать всю эту юридическую премудрость не приходилось, поскольку самих законов тоже не было...

Ну и как вам картинка? Впечатляет?

Очень красочно отразил процесс раннесоветского судопроизводства поэт Михаил Голодный в своей балладе «Судья ревтрибунала». Пройти мимо такого текста и не привести его просто невозможно, поэтому отвлечемся на несколько минут и послушаем советского революционного барда – оно того стоит...

Судья ревтрибунала

*На Диевке-Сухачевке
Наши отряд.
А Махно зажег тюрьму
И мост взорвал.
На Озерку не пройти
От баррикад.
Заседает день и ночь
Ревтрибунал.
Стол накрыт сукном судейским
Под углом.
Сам Горба сидит во френче
За столом.
Суд идет революционный,
Правый суд.
Конвоиры гада эсеницину
Ведут.
«Ты гражданка Ларионова?
Садись!
Ты решила, что конина
Хуже крыс.
Ты крысятину варила нам
С борцом!
Ты хлеба нам подавала
Со стеклом!
Пули-выстрела не стоит
Твой обед.
Сорок бочек арестантов...
Десять лет!»
Суд идет революционный,
Правый суд.
Конвоиры начугрозыска
Ведут.
«Ну-ка, бывший начугрозыска,
Матяш,
Расскажи нам, сколько скрыл ты
С Бенеи краж?
Ты меня вводил, Чека вводил
В обман,
На Игрени брал ты взятки
У крестьян!
Сколько волка ни учи –
Он в лес опять...
К высшей мере без кассаций –
Расстрелять!»
Суд идет революционный,
Правый суд.
Конвоиры провокатора*

*Ведут.
«Сорок бочек арестантов!
Виноват!..
Если я не ошибаюсь,
Вы – мой брат.
Ну-ка, ближе, подсудимый.
Тише, стоп!
Узнаю у вас, братуха,
Батин лоб..
Вместе спали, вместе ели,
Вышли – врозь.
Перед смертью, значит,
Свидется пришлось.
Воля партии – закон.
А я – солдат.
В штаб к Духонину!³ Прямей
Держитесь, брат!»
Суд идет революционный,
Правый суд.
Конвоиры песню «Яблочко»
Поют.
Вдоль по улице Казанской
Тишина.
Он домой идет, судья.
Его спина
Чуть сутулится. А дома
Ждет жена.
Кашу с воблой
Приготовила она.
Он стучит наганом в дверь:
«Бери детей.
Жги бумагу, две винтовки
Захвати!
Сорок бочек арестантов!..
Поживей.
На Диевку-Сухачевку
Нет пути!»
Суд идет революционный,
Правый суд.
В смертный бой мои товарищи
Идут.*

...По сути, в стране существовали две «законности»: одна шла сверху, вторая поднималась снизу. И не только во время войны, но и в двадцатые годы, и в тридцатые первая медленно, шаг за шагом изживала вторую. Сказать, что это было трудно – значит не сказать ничего.

Поначалу смертная казнь в перечне наказаний отсутствовала – все же большевики были большими идеалистами, и это сказывалось... Но уже в 1918 году началась война, и одновре-

³ На языке Гражданской войны означало расстрел.

менно страну все сильнее захлестывал вал преступности. И все же держалась власть долго. Еще весной 1918 года самым жестоким наказанием было лишение свободы на 10 лет – знаете, за что? За перевод зерна на самогонку – поскольку надвигался голод. Смертную казнь ввели лишь летом 1918 года, точнее, даже не ввели, а *позволили*. 16 июня в постановлении о трибуналах наркомюст разрешил им применять любые меры наказания, не оговаривая точно, какие именно. Поскольку в стране давно уже шла война и дядюшка Линч куролесил вовсю, это была чисто формальная мера: теперь вот и по суду шлепнуть человека можно, да... (Кстати, первыми стрелять по-настоящему начали не красные. Еще в начале 1918 года, за полгода до «красного террора», отряд полковника Дроздовского, пробиравшийся из Румынии на Дон, уже вовсю практиковал массовые расстрелы без суда и следствия.) Хорошо бы, конечно, всегда соблюдать права человека, кто же спорит, это очень-очень здорово, вот только объяснить такую простую истину озверевшим мужикам с винтарами почему-то не всегда удается. Почему бы это, а?

К 1921 году, когда более-менее определились с наказаниями, губернский ревтрибунал, например, имел право выносить высшую меру наказания, то есть расстрел, за следующие преступления: принадлежность к контрреволюционной организации и участие в заговоре против Советской власти; государственная измена, шпионаж, укрывательство изменников, шпионов; подделка денежных знаков, подлог документов в контрреволюционных целях; бандитизм, разбой и вооруженный грабеж; незаконная торговля кокаином; участие в поджогах и взрывах в контрреволюционных целях. То есть, как видим, участие в поджогах и взрывах из хулиганства, по идее, смертной казнью уже не каралось... хотя нет, это подходит под статью «бандитизм»...

Впрочем, все познается в сравнении. Приведем рассказ о судах другой революции – в стране, которую в России почему-то считали образцом для всяческих подражаний.

Чтобы быть арестованным в революционной Франции образца 1789–1993 годов, не требовалось совершать никаких преступлений. Одним из основных документов французского революционного правосудия был декрет о подозрительных. *«Подозрительными считаются все те, кто своими действиями, сношениями, речами, сочинениями и чем бы то ни было ещё навлекли на себя подозрение»*. Таковые подлежали немедленному аресту и суду Революционного трибунала. Вот что вспоминает об этом органе один из парижских адвокатов:

«Обвинительные акты революционного трибунала обычно формулировались следующим образом: “Раскрыт заговор против французского народа, стремящийся опрокинуть революционное правительство и восстановить монархию. Нижеследующее лицо является вдохновителем или сообщником этой конспирации”. При помощи этой простой и убийственной формулы буквально каждому невиннейшему поступку можно было приписать преступное намерение.

Одной из многочисленных улик при обвинениях в заговоре было констатирование намерения заморить французский народ голодом, чтобы побудить его к восстанию против конвента. Считался виновным в этом преступлении тот, кто хранил у себя дома или в другом месте предметы первой необходимости или продукты для обычной пищи в количестве большем, чем нужно на один день. Так, один богатый фермер, отец десяти детей, был присуждён к смертной казни за то, что один из его слуг, просеивая рожь на веялке, рассыпал отруби по земле.

Подобное же обвинение было возбуждено против одного парижанина за то, что его кухарка накопила кучу хлебных корок в глубине буфета, что было обнаружено во время домашнего обыска. Это были те домашние обыски, которые революционные комитеты и комиссары производили у лиц, подозреваемых в отсутствии гражданских чувств⁴, –

⁴ Как видим, тоталитаризм появился не в XX веке, отнюдь. Более того, в наше время он как-то выплел, что ли... Подозревать в отсутствии чувств – до этого и Оруэлл не додумался.

под предлогом поисков спрятанного оружия, боевых припасов, пищевых продуктов в количестве, превышающем потребности одного дня, и, наконец, в поисках доказательств великого заговора против французского народа. Редко обыскивающие уходили с пустыми руками. Когда они не находили ничего, что считалось по их инструкции подозрительным, они забирали или каждый за себя и тайно, или сообща и явно – драгоценности, часы, золотую и серебряную посуду и даже золотые и серебряные деньги...

...Г. Дюпарк, бывший консьерж Тюильрийского дворца, был узнан агентом партии на «Новом мосту» и отведён в кордегардию. Его обвинили в том, что он раздавал входные билеты аристократам, которые должны были «убивать народ». Был заслушан только один свидетель-доносчик. Когда он заявил о раздаче билетов, я потребовал, в качестве защитника, чтобы он описал форму их. Он ответил, что они были круглые. Обвиняемый опроверг его, говоря, что все билеты, которые выдавались при входе во дворец со времени пребывания короля в Париже, были четырехугольные. Свидетель был смущён; ропот негодования пронёсся по залу, но мой клиент, тем не менее, был приговорён к казни...

Если мне и удавалось иногда добиться в суде непризнания состава преступления, то я больше преуспевал, прибегая к другому способу. Я убеждал, я заставлял Фукье-Тенвиля (государственный обвинитель. – Авт.) дать отсрочку моему делу под предлогом, что я ожидаю оправдательных документов, удостоверений от установленных властей, от революционных комитетов или народных союзов... Фукье-Тенвиль отлагал дело в сторону. С той минуты об обвиняемых просто забывали, потому что смертоносная деятельность трибунала была такова, что у него еле хватало времени для новых дел, которые возникали ежеминутно...»⁵

Это была не глухая провинция, где, в общем-то, возможно все, что угодно. Это была столица Франции, центральный орган революционного правосудия. Нет ни одного хоть сколько-нибудь заслуживающего внимания свидетельства, что хотя бы что-то сравнимое творилось в Москве.

Как это было на практике

*Дубинка – укороченная версия закона
Мечислав Шарган, польский литератор*

«На местах», конечно, все выглядело несколько по-другому. Тут надо понимать: тогдашняя Россия была не только неподконтрольна центральной власти, но и связи-то с ней толком не имела. О радио и междугородном телефоне и не слышали – лишь телеграфные провода да редкие проверяющие со странными бумажками под названием «мандат», а кто их, эти мандаты, давал – поди проверь... Газеты не доходили, декреты и указания центра в каждом городе понимали по-своему, да и саму революцию там тоже понимали по-своему, в меру революционной совести или бандитской бессовестности.

Из реки по имени «факт»:

Летом 1919 года московский коммунист К. К. Краснушкин, отправленный в глухую провинцию, описал в своем докладе то, что там творилось:

«Отдел розысков и обысков при ревтрибунале, а также комиссары при производстве обысков отбирали вещи и продукты совершенно незаконно, на основании лишь личных сообщений и произвола, причем, как видно было из переписок по дознаниям, отобранные предметы исчезали неизвестно куда. Эти отобрания и реквизиции производились сплошь и рядом, как можно было судить по жалобам письменным и устным, с совершением физических наси-

⁵ Цит. по: Никонов А. Конец феминизма.

лий. Эти действия, в особенности отдел розысков и обысков, настолько возбуждали население района, что был признан необходимым возможно скорейший разгон этого отдела, что, однако, не было приведено в исполнение, потому что наступил момент общего восстания в Хоперском районе и необходимости срочной эвакуации ввиду наступления денкинских банд.

Деятельность ревтрибунала, основанного, вопреки декретам, по принципу смешанному: ревтрибунал плюс ЧК, с безапелляционными приговорами, без участия защиты, при закрытых дверях, – была настолько резко вызывающая и настолько не соответствовала духу партии и Советской власти, что это бросается в глаза при поверхностном ознакомлении с его делами. Как будет видно дальше, одной из серьезных и главных причин всеобщего восстания в Хоперском районе была, несомненно, и террористическая по отношению к мирному населению политика ревтрибунала, руководимая неправильными указаниями из Граждунпра и несоответствующему толкованию этих указаний руководителями трибунала, сначала председателя трибунала Германа, а затем Марчевского при непосредственном горячем участии сотрудников трибунала Цислинского и Демкина.

Дело в том, что трибунал разбирал в день по 50 дел, а поэтому можно судить, насколько внимательно разбирались дела. Смертные приговоры сыпались пачками, причем часто расстреливались люди совершенно неповинные: старики, старухи и дети. Известны случаи расстрела старухи 60 лет неизвестно по какой причине; девушки 17 лет по доносу из ревности одной из жен, причем определенно известно, что эта девушка не принимала никогда никакого участия в политике. Расстреливали по подозрению в спекуляции, шпионстве. Достаточно было ненормальному в психическом отношении Демкину во время заседания трибунала заявить, что ему подсудимый известен как контрреволюционер, чтобы трибунал, не имея никаких других данных, приговаривал человека к расстрелу.

Ревтрибунал после приговора осужденных сажал в темный погреб и держал там до момента расстрела. Был случай, когда один осужденный, не имевший возможности двигаться, был пристрелен в этом самом погребе сотрудником Цислинским. Расстрелы производились часто днем на глазах у всей станицы по 30–40 человек сразу, причем осужденных с издевательствами, с гиканьем, криками вели к месту расстрела. На месте расстрела осужденных раздевали догола, и все это на глазах у жителей. Над женщинами, прикрывавшими руками свою наготу, издевались и запрещали это делать. Всех расстрелянных слегка закапывали близ мельницы, недалеко от станицы. Результатом этого – около мельницы развелась стая собак, злобно кидавшихся на проходящих жителей и растаскивавших руки и ноги казненных по станице. Только в последнее время, уже в июне месяце, расстрелы как будто бы прекратились, в особенности после того, как, по моему убеждению, под давлением общественного мнения и нарастания озлобления среди населения райбюро потребовало от ревкома изменения политики ревтрибунала. Кстати, и из Граждунпра последовало предложение умерить политику террора под благовидным предлогом того, что наступают мирные времена, а как мне кажется, под влиянием того, что Граждунпр увидел результаты своих инструкций на деятельности зарвавшихся дельцов в ревтрибунале.

С самого начала моего приезда я с помощью товарищей коммунистов из центра повел энергичную борьбу с райбюро и ревкомом, настойчиво требуя смещения состава ревтрибунала и предания его суду. Этого удалось почти добиться, однако наступил острый момент восстаний и, наконец, эвакуации, почему разрешение этого вопроса было отложено. Начало восстаний было положено одним из хуторов, в который ревтрибунал в составе Марчевского, пулемета и 25 вооруженных людей выехал для того, чтобы, по образному выражению Марчевского, «пройти Карфагеном по этому хутору».

И стоит ли удивляться, что население на такую деятельность отвечало восстаниями?

... Впрочем, сами большевики не делали секрета из того, что под видом революционеров какая только сволочь не захватывала власть в городах и селах. Тот же Краснушкин пишет:

«От населения ст. Урюпинской и от должностных лиц мне стало известно... что член Хоперского ревкома Рогачев судился за подлоги и растраты, а также был известен как взяточник при старом режиме». А раз один член ревкома таков и об этом все знают, а мер не принимают, стало быть, и не ревком это вовсе, а банда. Впрочем, бандиты в роли «Советской власти» на местах – явление для того времени настолько обычное, что даже нашло отражение в культовой книге того времени, «Энциклопедии гражданской войны» – романе Алексея Толстого «Хождение по мукам».

Из реки по имени «факт»:

Еще один случай приводит в своих «Записках адвоката» Н. В. Палибин.

«В глухую станицу Старо-Джерелиевскую тайно ночью пришел отряд частей особого назначения (ЧОН) в количестве пятнадцати человек. Наутро председатель столичного Совета, бывший клоун бродячего цирка «Рыжий», алкоголик, созвал на площади митинг. С дощатой наскоро сколоченной трибуны он, охрипшим пьяным голосом, ораторствовал о власти Советов, о воле народа и о врагах нового строя, затем стал называть некоторые фамилии по списку и спрашивал собравшихся: “Хороший это человек? Кто “за”, подымите руку”. В списке он делал отметки тем, за кого было подано много голосов.

Присутствующие не подозревали, что они выносят смертный приговор. Наоборот, после речи председателя, говорившего о врагах революции, им казалось, что чем больше они подымут рук, тем сильнее будет защита подозреваемого. Они голосовали за честных порядочных людей, домовитых хозяев, тружеников хлеборобов.

Через час после наступления темноты люди, получившие подавляющее большинство голосов, со связанными руками были заперты в сарае при станичном управлении. Я был в это время заведующим детским домом в этой станице. Я слышал, как ночью в отдельной хате, где помещалась наша кухня, кухарки и уборщицы, «красноармейские вдовушки», гуляли с бойцами ЧОНа и распевали пьяные песни. А в предрассветных сумерках двадцать один мужчина и четыре женщины были выведены за станицу и порублены шашками. Наутро ко мне в детский дом привезли фуру пожертвованной «для детей» мужской и женской одежды и сложили в кладовой. Вскоре явилось и несколько чоновцев, под тем предлогом, что хотели проверить, как содержатся дети... Начальник чоновцев, выше среднего роста, широкий, черный как уголь, с волосами, растущими из носа и ушей, слепой на один глаз и со ирамом на лице, спросил меня: “Одежду получил?” Я ответил, что получил. Несколько мгновений длилось молчание. Вдруг один мальчуган сказал:

– Дядечка, а на одежде-то кровь...

– Молчи, дурак, это глина, а не кровь, – ответил чоновец. – Пошли, товарищи!

И группа повалила на кухню опохмеляться».

Трудно сказать, что там конкретно произошло. «Записки адвоката» принадлежат перу врага Советской власти, который факты-то излагает, да, а вот сопутствующие обстоятельства явно опускает. Между прочим, дело было на Кубани в 1920 году, когда повсеместно происходили восстания, и с какого перепугу отряд частей особого назначения явился в эту станицу, если в ней было тихо? Так что это могло быть все, что угодно, от банального полубандитского налета, которыми тоже были славны местные власти по всей стране, до карательной экспедиции по поводу какого-нибудь восстания. А вот то, что так оно и было, сомневаться нет оснований. Это именно та «революционная законность», с которой начинало советское правосудие. И не стоит думать, что подобного не было. Равно как и не стоит думать, что так было везде. Было по-разному... но все же не так, как во Франции!

Вернемся в нашу «просвещенную Европу». Из Парижа в провинцию едут комиссары – подавлять повсеместно вспыхивающие восстания. С собой они везут передвижные гильо-

тины – стало быть, эти люди тоже облечены судебными полномочиями. Вообще революционный террор во Франции считается «эталонным», но мало кто пишет о том, как он выглядел.

В Нанте гильотины не справляются. Тогда карательная рота имени Марата начинает расстрелы. В день расстреливают от 100 до 500 человек. Но потом то ли становится жалко боеприпасов, то ли еще что – «блюстители закона» переходят на утопление. 90 священников сажают на баржу, вывозят на середину реки и топят вместе с баржей – не отсюда ли многочисленные легенды о затопленных баржах с заключенными во время «красного террора»? Мужчин и женщин связывают попарно и бросают в воду – это называется «республиканская свадьба». Маленьких детей привязывают к матерям – и туда же...

В Аррасе детей казнят в присутствии матерей, казни проводятся под звуки оркестра. В селении Бур-Бедуен ночью срубили так называемое «Дерево Свободы». Тогда карательный отряд сжигает селение, убивает не только всех жителей, от грудных младенцев до стариков, но даже домашних животных. В Медоне из волос гильотинированных женщин делают парики, а из кожи казненных шьют брюки.

Может быть, это байка? Наверняка часть всего этого действительно байка. Например, младенцы, которых топили привязанными к матерям, встречаются еще в рассказе о «новгородских казнях» Ивана Грозного. По-видимому, это переходящий образ. Но, в любом случае, какой бледной и невыразительной кажется рядом с историей Французской революции даже обличительная книга С. Мельгунова «Красный террор», где он, наряду с конкретными фактами, собрал все «страшные» рассказы о «зверствах большевиков». Ленин, оказывается, не так уж и ужасен – если поместить его между Робеспьером и Гитлером; а эти чоновцы вообще какие-то дилетанты. Казнили всего два десятка человек, вместо того чтобы сжечь станицу полностью, с курами и собаками, опять же, одежду применили к делу, а тела казненных так и не использовали – кстати, большевики вообще никак тела к делу не применяли. Нет, в этой стране, наверное, хозяйствовать не научатся никогда...

Усмирение судебных

Он до того усердный судья, что, будь его воля, всегда выносил бы обвинительный приговор обеим сторонам.

Джулио Мазарини, французский кардинал

...Но в нашей дикой, непросвещенной стране то, что творилось с судопроизводством в Гражданскую, считается ужасным. Ладно, пусть ужасно – в конце концов, так оно на самом деле и обстоит: любой человек есть вселенная, микрокосм, и любой человек есть образ Божий. Особенно, конечно, святость человеческой жизни ощущается после трех лет мировой войны – первой, в которой уничтожение стало по настоящему массовым, где повсюду применялись артиллерия, пулеметы, газы... И это, конечно, очень правильно – взвалить ответственность за выпущенного на свободу зверя в человеческом образе на большевиков. А что? Последний – всегда крайний. Остальные – и держава, воспитывающая своих граждан так, что те с легкостью необыкновенной превращаются в зверье, и организаторы мировой бойни – они тут совершенно ни при чем...

В любом случае, мы увидели уровень, с которого стартовало советское правосудие и на котором оно держалось еще очень долго – и чем дальше от центра, тем дольше. Вспомним же о недодавленной «революционной законности», когда будем говорить о 1937 году.

Ну вот... После окончания Гражданской войны большевистское правительство, в полном соответствии со своей звериной беспредельной сущностью, стало пытаться навести порядок в местном судопроизводстве. Славно оное судопроизводство было тремя вещами: бардаком, коррупцией и «классовым подходом». По поводу последнего вспомним о командире чонов-

цев – автор «Записок адвоката» еще раз встретился с ним, когда тот выступал уже в качестве обвиняемого.

Из реки по имени «факт»:

«С начальником описанного мною отряда я встретился позднее в 1925 году, когда я был уже членом коллегии защитников – в эпоху расцвета НЭПа. Я был гражданским истцом от имени троих детей а он – обвиняемым, подозреваемым в убийстве их матери. Дело слушалось в станице Петровской под председательством народного судьи Разумова.

Обстоятельства дела были таковы. ЧОН был ликвидирован, но бойцы ЧОНа были разбросаны по станицам. Функции их никому не были известны, но чоновицы даже имели винтовки. В 1923 году в станице был украден у кого-то мешок пшеницы. Подозрение пало на одну вдову, мать троих детей. Поймав в степи дочку этой вдовы, бывший начальник чоновцев стал ее допрашивать. Та не сознавалась. Чоновец стал бить ее кнутом, но признания так и не получил. Тогда он связал ее ноги возжами и опустил в степной колодец вниз головой, затем извлек ее оттуда, посиневшую, с рубцами от кнута на теле, и тут уже девочка «чистосердечно» призналась в краже и указала на мать. Сев на фуру, чоновец погнал в станицу и подъехал к хате подозреваемой. Та сидела на завалинке. Чоновец вскинул винтовку и выстрелил. Пуля попала в печень, и в страшных мучениях женищина на заходе солнца умерла. Двое девочек, бывших дома, от ужаса спрятались в русской печи и закрылись заслонкой. Убийца произвел обыск в хате, но никаких следов кражи не обнаружил. Он добрался и до русской печи, вытащил оттуда обезумевших девочек, при допросе порвал на них одежду, вырвал часть волос, и девочки «сознались».

Это преступление было совершено не в эпоху военного коммунизма, а при НЭПе, но судебное расследование не начинали два года, так как обвиняемый был связан с ГПУ. По той же причине я и проиграл это дело. Как же суд вышел из положения?

В Уголовном кодексе РСФСР есть статья 8-я, согласно которой суд может признать обвиняемого виновным, но наказанию не подвергать: «Если конкретное действие, являющееся в момент совершения его... преступлением, к моменту расследования его или рассмотрения в суде потеряло характер общественно опасного вследствие ли изменения уголовного закона или в силу одного факта изменившейся социально-политической обстановки, или если лицо, его совершившее, по мнению суда, к указанному моменту не может быть признано общественно опасным, действие это не влечет применения меры социальной защиты к совершившему его».

Против этого закона нельзя спорить. Он разумен и логичен; и присяжные заседатели старого суда оправдали бы обвиняемого, если бы налицо были соответствующие закону обстоятельства. Но картины пыток и убийства были на суде установлены с полной точностью. Кроме того, была приподнята завеса над прошлой жизнью и деятельностью обвиняемого. В старое время он был конокрадом. Где-то около города Ейска он был при погоне ранен казаками из дробового ружья в лицо, но сумел ускользнуть. Так он потерял глаз и получил ирамы. Выяснению этих обстоятельств советский судья всячески препятствовал...

Суд применил указанную выше 8-ю статью и признал этого убийцу невинной женищины, истязателя детей и конокрада социально неопасным, а потому никакому наказанию не подверг... И народный суд, и кассационная инстанция знали о заинтересованности в этом деле ГПУ, и поэтому проигрыш его истцами был обеспечен. А мои доверители, опасаясь оставшегося на свободе убийцы, отказались от дальнейшего ведения дела».

Как видим, закидоны ранней Советской власти относительно «классового подхода», «социальной опасности» и прочего здесь еще работают на полную катушку. В 30-е годы убийца уже получал свое, как бы ни изменилась обстановка, – эту победу государство над «революционной законностью» сумело одержать.

Что же касается коррупции, то она в принципе непобедима, но ее размеры зависят... да, зависят! При почти полном отсутствии контроля за судьями она приняла те размеры, которые и должна была принять – то есть имелись, конечно, отдельные судейские работники, которым брать было «западло», однако... И снова слово Полибину (надеюсь, еще не надоело).

Из реки по имени «факт»:

«На совещании судебных работников при краевом суде в Ростове-на-Дону... выступил бывший присяжный поверенный Шик, человек уже в летах, с импозантной фигурой и бритым лицом, напоминающим римского патриция, прекрасный и смелый оратор с большой эрудицией, человек неподкупной политической честности. Отвечая на упреки о высоких гонорарах, он сказал:

– Вы упрекаете нас в том, что мы дорого обходимся населению. Но как же я могу взять высокий гонорар, когда ко мне приходит клиент-крестьянин, я назначаю ему плату в сто рублей, а он спрашивает: «Как это сто рублей, с гарантией?» Я объясняю ему, как крестьянину, что своевременно вспашу, посею доброкачественным зерном, и за этот труд я беру с него сто рублей. Клиент мне отвечает: «Это дорого, сто рублей и без гарантии, когда мне обещал за пятьдесят рублей и с гарантией сам судья»».

Вот так, по-простому, без намеков и комплексов. И стоит ли удивляться, что адвокаты при Советской власти были мало востребованы? А зачем, собственно, они нужны при таких «гарантиях»?

«...Несколько случаев лихоимства мне хотелось бы описать подробно. Взять хотя бы народного судью Черкезова. Был он, должно быть, бывший полковой писарь, по крайней мере не выше писаря штаба дивизии военного времени. Кабинет его помещался в одном дворе с его квартирой и с квартирой его секретаря. Это было подворье, отнятое у какого-то казака. Входит в его кабинет адвокат:

– Петр Иванович, завтра слушается дело Костомарова. Как вы на это смотрите?

– А ты сколько взял за защиту?

– Ну, сколько бы я ни взял, а вы сколько возьмете?

Судья заламывает сумму, превышающую гонорар адвоката. Тот восклицает:

– Помилуйте, не могу же я свои доплачивать?

– Ну, как хочешь, тогда буду судить по закону».

Ну и как вам сценка? А вот и еще одна:

«Входит в кабинет судьи цыган (они частенько носят фамилию Мирошниченко, а имя – Максим). Улики налицо: он был задержан с краденой лошадью на ярмарке. Хотя цыган и уверял, что, в сущности, не он украл лошадь, а она его, так как он по ошибке сел на нее, а она как сумасшедшая помчалась, скакала 35 верст и остановилась у ярмарки, – ввиду публичности разбора дела адвокаты не могли гарантировать цыгану оправдания, и он пошел по совету добрых людей к самому судье.

О чем они говорили – осталось неизвестным, так как разговаривали они наедине. Но на следующее утро, когда в суд явились судья и секретарь, было обнаружено, что одного шкапа с делами на месте не оказалось. Шкап был небольшой, жиденький, отнятый у какого-то крестьянина. Был составлен протокол о краже шкапа из народного суда. В протоколе указывалось, что «злоумышленники» проникли в здание через незапертое окно и в него же вытащили шкап. По следам колес и подковам лошадей было установлено, в какую сторону уехали похитители, а дальше на главной дороге все следы смешались.

Пропало около ста дел, в том числе и дело цыгана. Если бы было уничтожено только дело цыгана, его можно было бы восстановить путем передопроса потерпевшего и свидетелей. Восстановить же сотню дел было невозможно. При уничтожении одного дела могло пасть подозрение на секретаря или судью. Здесь же все было чисто.

...Позже похищенный обгорелый шкаф с теплом от дел был обнаружен в глухом месте за станицей. Протокол о вещественных доказательствах был приобщен к делу «о неизвестных злоумышленниках, сданному в архив».

Сколько же заплатил судье цыган-конокрад, если тот пожертвовал ради него целой сотней дел, по многим из которых тоже ведь можно было что-то взять?

Читаем дальше.

«Еще один народный судья, Разумов (тот самый, который судил бывшего начальника отряда ЧОН. – Авт.), в дальнейшем получивший повышение и должность члена краевого Краснодарского суда. Плюгавенький человечико, где-то учившийся, облик мелкого мещанина, и, конечно же, член партии.

...Судья Разумов был на откуп у одного из адвокатов... Как-то мы сидели с ним (адвокатом. – Авт.) в отдельном кабинете сельского духана. Откуда ни возьмись, явился судья Разумов. По окончании трапезы мой коллега приказал принести две бутылки водки навынос, т. е. нераскупоренные, и передал их судье: одну, видимо, от себя, другую – от меня. Тот каким-то быстрым, воровским приемом сунул их под рубашку, как мышь юркнул в дверь и скрылся. Ни за что он, конечно, не платил. Я много видел за свою судебную деятельность разных преступных типов. И мне показалось по тому, как Разумов быстро и незаметно спрятал водку, что в прошлом он был мелким ворюшкой и юридическое образование получил в тюрьме.

Народный судья Рязанов брал только крупные взятки, но был опасным человеком, так как мог, взявши взятку, «засыпать», если взятка оказывалась маленькой. Это было известно в адвокатской «семье». Зато «свой парень в доску» был народный судья станицы Крымской Гофман. Этот не брезговал ничем, брал театральными билетами, коврами, водкой, угощениями и, конечно, деньгами. Гофман даже конкурировал с адвокатами и сам писал «за вознаграждение» кассационные жалобы на свои решения и приговоры. Был он героем гражданской войны и, потеряв ногу выше колена, ходил на одном костыле. А больше о нем известно ничего не было. Если решить дело в пользу лиходателя было чересчур уж нахально, он решал «по закону», но указывал, кому нужно дать в Краевом суде, чтобы отменить решение в кассационном порядке. Его примеру подражали и два следователя, причем один дошел до того, что по делу о фальшивых деньгах освободил настоящего обвиняемого, а машинку для печатания денег, найденную у него, приобщил к делу другого человека...»

Власть, как могла, боролась с коррупцией – хотя, как известно, победить ее до конца невозможно. Кроме того, распустить население можно легко и быстро, а «нормализовывать» потом приходится десятилетиями. Но все же, если как следует взяться за дело, то справиться удавалось, и чем более высокая инстанция занималась этим делом, тем больше было надежды, что взяточник свое получит. Прекрасно характеризует нравы еще одна история адвоката Полибина:

«Взятки не в одной лишь глуши были обычным явлением. То же самое происходило и в крупных городах. Так, народный судья 4-го участка Екатеринодара (Краснодара) Данилов брал деньгами, водкой, хорошо очищенным самогоном, продуктами, а с женицин – натурой. Защитник В., красный партизан гражданской войны, решил его изобличить. Но обвинение во взяточничестве опасно тем, что может повлечь встречное обвинение в ложном доносе по ст. 95 УК РСФСР. Так оно и случилось, тем более что два следователя, допрашивавшие свидетелей, указанных защитником В., прибежали при допросе к помощи наганов, и свидетели отказались от всего им известного.

Кроме того, председатель Краснодарского краевого суда вызвал к себе в кабинет защитника В., запер на ключ дверь и, сев за письменный стол, выдвинул боковой ящик. Это всегда так делалось, для убедительности (дверь на замке, а в ящике револьвер): «Как ты смеешь марать нашего судью, члена партии, да я тебя...» – дальше следовала брань. Дело дошло до того, что председатель выхватил револьвер, а защитник схватил со стола чернильницу, бросил

в белый костюм председателя, воспользовавшись растерянностью залитого чернилами председателя, выпрыгнул в окно и отправился на телеграф посылать телеграмму прокурору республики: «Прошу немедленно прислать следователя по важнейшим делам».

Приехал следователь. До его приезда защитник В. скрывался. Следователь, просмотрев производство по делу, тоже стал склоняться к «ложному доносу». Тогда защитник В. принес ему альбом с фотографиями входной двери дома, где жил судья Данилов (защитник жил напротив). «Почему эта женщина выходит из дверей дома судьи, когда она живет совершенно в другом месте? Фамилия ее такая-то, и ее дело, за номером таким-то, о варке самогона находится в народном суде 4-го участка. А этот мужчина, входящий в дверь, обвиняется в растрате. Номер его дела такой-то. Еще двое мужчин. Их дело тоже в народном суде. И еще одна женщина, с делом за номером таким-то...»

Теперь уже колесо завертелось в обратную сторону... Судья был предан суду и осужден на четыре года».

«Свой парень» судья Гофман тоже пострадал. Он, два следователя, два адвоката и секретари были привлечены к суду.

«Процесс продолжался двадцать один день. Но дело кончилось почти впустую. Суд учел пролетарское происхождение Гофмана, его заслуги перед революцией, и он, как главный виновник, получил два года. Остальные – меньше двух лет. Судил Гофмана краевой суд, может быть, в составе тех самых судей, к которым восходили решенные «по закону» его дела для кассационного рассмотрения».

Однако в столицах было не так. В 1924 году на всю страну грянул процесс по делу ленинградских судебных работников, обвинителем на котором выступил начинавший тогда свою карьеру в советской юстиции Вышинский. «Едва ли я ошибусь, – говорил он, – сказав, что дела такого исключительного значения, как это, наша республика еще в своих летописях не записывала». А сказать такое в 1924 году, после десятков грандиозных политических процессов, – это, простите, не кот начихал.

По делу проходило 42 человека, из которых пятнадцать были работниками судов, за взятки «гасившими» дела. «Эта фабула, – говорил Вышинский, – так же проста, как и грязна, и заключается она в том, что преступник, настигаемый правосудием, умел находить себе из числа служителей правосудия помощника и защитника: он покупал этого “служителя правосудия” и оставался безнаказанным».

Какое значение придавала власть борьбе с коррупцией в судах, говорит то, что по этому делу – без всякой политики! – девятнадцать человек были приговорены к высшей мере наказания – расстрелу и восемь человек получили наивысшие по тому времени сроки – десять лет. Остальные отделались меньшими сроками.

И так вплоть до самого 1936 года судебная система все больше приближалась к стандартному «буржуазному» судопроизводству. До судов присяжных дело, правда, не дошло – впрочем, а что в них хорошего?⁶ Но к 1937 году у нас уже была та система, которую мы знаем и сейчас, – судья, прокурор, адвокат, право апелляции и пр. Разве что дела о терроризме, государственной измене и пр. решал не народный суд, а Военная коллегия Верховного суда, которой подчинялись трибуналы – не «революционные», а самые обычные, военные, флотские и пр. Право подавать апелляции по этим делам было значительно усечено. Но страна, по сути, тогда жила уже по законам военного времени...

⁶ Сторонникам судов присяжных можно порекомендовать детективы американского писателя Гарднера – там они показаны во всей красе.

Глава 2

Мифы о страшном сталинском правосудии

Да, ужас... Но не «ужас, ужас!»
Из анекдота

Как это легко, просто и удобно: взяли наши сегодняшние нормы судопроизводства, следствия и пр. (да и то не реальные, а теоретические), объявили эталоном и давай обличать! Какой ужас – внесудебные расправы! Кстати, вам, уж коль скоро придется быть подсудимым, с кем хотелось бы иметь дело – с чекистами, которые имеют четкие инструкции, что им можно и чего нельзя, или с полуграмотным бандитом из ревтрибунала, что руководствуется «революционной совестью», а сам поглядывает на ваши сапоги: уж больно хороши и как раз ему по ноге, так может, шлепнуть буржуя? А то: какой ужас, какой ужас, нарушение основополагающих принципов юриспруденции!

И куда ни ткни пальцем, мы встретим все то же самое: мифы, мифы и мифы...

Миф о «нарастании беззакония»

А кто устережет самих-то сторожей?
Ювенал

Напомним еще раз: в результате публикаций последних шестидесяти лет у читателя должно было появиться стойкое ощущение, что все 30-е годы были временем нарастания беззакония. То есть, чем больше Сталин укреплялся у власти, тем больше зверел до того милосердный и гуманный советский суд.

(Ну, что касается милосердия и гуманности... то, по всей видимости, до советского правительства постепенно доходила та простая истина, которая все никак не может дойти до нынешних законотворцев: гуманные законы при ближайшем рассмотрении оказываются куда более жестокими, чем не гуманные. Во-первых, потому, что нормальный, законопослушный, невооруженный гражданин в этом случае гораздо меньше защищен. А во-вторых, потому, что представители правоохранительных органов начинают сами судить преступников и приводить приговоры в исполнение. Маленький пример: отмена смертной казни привела к тому, что террористов у нас живыми не берут. Никого. Даже четырнадцатилетнюю обманутую девочку, которая при менее гуманном законодательстве имела бы шансы отсидеть, выйти и стать нормальным человеком, без пощады шлепнут на месте. Это всего один пример. А их много.)

Между тем, конечно, все было совсем не так. Не будем снова копаться в «низах», поговорим... ну хотя бы о наркомках. Вот латыш Петерис Стучка – один из первых наркомов юстиции РСФСР, а затем председатель Верховного суда. Этот человек, уже далеко не мальчик (в 1917 году ему исполнилось 52 года), писал: «Слово «преступность» не что иное, как вредная отрывка буржуазной науки... Возьмем... крестьянина, который напился «вдрызг» и в драке убил случайно того или другого... Если крестьянин совершил убийство по бытовым побуждениям, мы этого убийцу могли бы отпустить на свободу с предупреждением... И наоборот, кулак, эксплуататор, даже если он формально и не совершал никаких преступлений, уже самим фактом своего существования в социалистическом обществе является вредным элементом и подлежит изоляции»⁷.

⁷ Цит. По: Кожин В. Россия. Век XX (1939–1964). Опыт беспристрастного исследования.

Узнаете? Это не что иное, как теоретическое обоснование «классового подхода». По счастью, на местах у судей все же было несколько иное мнение, а если они разделяли теории товарища Стучки, то их поправляло «общество», разбираясь с «предупрежденными» с помощью все того же дядюшки Линча. Самосуды были проблемой в 1920 году, и они оставались проблемой пятнадцать лет спустя – так народ корректировал неподходящие ему теории.

...Первый Уголовный Кодекс появился в 1922 году, четыре года спустя последовал второй, что позволяет судить о качестве первого. Что же касается УПК⁸, то о нем еще долго спорили, и этот спор сам по себе достоин баллады. Вот что пишет по этому поводу американский исследователь Питер Соломон.

«Весной и осенью 1927 г. прокурор РСФСР Н. Крыленко выдвигал идею о необходимости нового уголовно-процессуального кодекса... Крыленко был давно недоволен проведением сложных формальных судебных разбирательств в том виде, в котором они реализовывались губернскими судами. Поскольку иногда такие суды оканчивались победой обвиняемых, Крыленко объявил, что наступило время сократить объем состязательности на процессах, ликвидировать нормы, которые защищали подсудимого и давали в распоряжение защитников ресурсы, способные отвести наказание от врагов революции. Крыленко... предложил разрешить присутствие судебной защиты во время процессов исключительно по усмотрению судей. Исключения должны были делаться при следующих условиях: присутствие на суде прокурора, несовершеннолетие обвиняемого или в случае, если на помощь подсудимому приходил профсоюз... Проект кодекса давал судьям право прекращать в любое время допрос любого свидетеля, полностью приостанавливать на любом этапе судебное разбирательство, а также вообще не прибегать к судебному разбирательству, если обвиняемый признавал свою вину. В последнем случае суд непосредственно приступал к вынесению приговора.

В довершение всего этого, Крыленко... настаивал на том, что при социализме уголовный процесс должен рассматриваться не как вопрос юридического права, а как техника, а поэтому правила для ведения этого процесса не должны быть обязательными для исполнения. Вместо длинного, замысловатого кодекса, состоящего из 400 статей, судебные работники должны были иметь в своем распоряжении краткий кодекс, который бы определял структуру судебного разбирательства... В дополнение к этому кодексу, издавался бы административный наказ, включавший в себя технические правила для направления работы судей в данный, конкретный момент. Наказ выполнял бы роль “ориентировки”, а не роль инструкций, подлежащих обязательному исполнению»⁹.

Ясно, о чем тут речь? Говоря по-простому, суд должен человека осуждать, а не оправдывать. А для этого надо прижать защиту и дать побольше прав судьям, да и свободу заодно им предоставить, заменив законы «наказами», которые при желании можно исполнять, а можно вешать в сортире. Высокое, однако, доверие судьям – такое, словно бы они олицетворяют все человеческие добродетели. В каких отношениях на самом деле находились судьи и добродетель, мы уже говорили...

Товарищ Крыленко, между прочим, был в то время не каким-нибудь газетным горлопаном, а прокурором РСФСР, а потом – наркомом юстиции. Пусть его предложения и не прошли, но взгляды-то остались при нем. А сколько народу на самых разных уровнях правоохранительной системы их разделяло? Не говоря уже о том, что любое упрощение любой юридической процедуры само по себе воспринималось как команда «Фас!» И не говоря уже о том, что на местах сплошь и рядом вообще не исполняли законы – просто потому, что не считали нужным. А при таких наркомах, судьях и прокурорах...

⁸ УПК – Уголовно-процессуальный кодекс.

⁹ Соломон П. Советская юстиция при Сталине. М., 1998. С. 67–68.

...Все же к 1927 году советское правосудие удалось более-менее привести в чувство. В центре – скорее более, на местах – скорее менее. И тут началась коллективизация – и все по новой! Братья полибинских чоновцев по всей стране воспряли в качестве бойцов «колхозного фронта» – ура, мы снова делаем революцию! И опять принялись наводить порядок, руководствуясь все тем же революционным правосознанием, ломая напрочь едва проклюнувшиеся ростки правового государства. О том, как обстояло дело с «законностью» на местах, говорится в секретной инструкции партийно-советским работникам, органам ОГПУ, суда и прокуратуры, датированной 8 мая 1933 года:

«В ЦК и СНК имеются сведения, из которых видно, что массовые беспорядочные аресты в деревне все еще продолжают существовать в практике наших работников. Арестовывают председатели колхозов и члены правлений колхозов. Арестовывают председатели сельсоветов и секретари ячеек. Арестовывают районные и краевые уполномоченные. Арестовывают все, кому не лень и кто, собственно говоря, не имеет никакого права арестовывать. Неудивительно, что при таком разгуле практики арестов органы, имеющие право ареста, в том числе и органы ОГПУ, и особенно милиции, теряют чувство меры и зачастую проводят аресты без всякого основания, действуя по правилу: “сначала арестовать, а потом разобраться”».

И – по-видимому, в который уже раз! – говорится:

«Воспретить производство арестов лицам, на то не уполномоченным по закону...

Аресты могут быть производимы только органами прокуратуры, ОГПУ или начальниками милиции.

Следователи могут производить аресты только с предварительной санкции прокуратуры.

Аресты, производимые начальниками милиции, должны быть подтверждены или отменены районноуполномоченными ОГПУ или прокурорами по принадлежности не позднее 48 часов после ареста».

Это уже почти середина 30-х годов – а воз и ныне... ну, если не там, то близко от точки старта.

3 марта 1935 года Прокурором Союза стал А. Я. Вышинский – профессиональный юрист высокого класса и, кроме того, человек чрезвычайно активный (это назначение было из ряда сталинских мер по превращению СССР в правовое государство). И уже 17 июня появляется Постановление Совнаркома и ЦК, где говорится: *«Во изменение инструкции от 8-го мая 1933 г., аресты по всем без исключения делам органы НКВД могут производить лишь с согласия соответствующего прокурора».*

С этого дня прокурорский надзор над работой НКВД присутствует постоянно. Как присутствует, то есть каковы сами прокуроры, – это уже другой вопрос. Но та мера, о которой сегодня знает каждый школьник – прокуратура осуществляет надзор за следствием, – была введена в действие именно в 1935 году, и добился этого именно Вышинский. Он еще долго препирался с наркомом внутренних дел Ягодой по поводу полномочий прокуратуры – чекистам, само собой, хотелось поменьше контроля, однако основная победа над стихией была одержана.

Но с кадрами в советских правоохранительных органах и в органах юстиции была просто беда. В мае 1936 года на встрече Вышинского со следователями прокуратур прокурор Калининской области доложил об образовательном уровне своего аппарата. Даже в 1936 году 65 процентов следователей имели низшее образование, и еще 19 процентов – среднее. Не лучше обстояло дело и в НКВД. По состоянию дел на 1 января 1940 года высшее и незаконченное высшее образование имели всего 9,1 % чекистов, среднее – 36,2 % и низшее – 54,7 %. Это уже после того, как из органов была «вычищена» значительная часть выдвиженцев времен Гражданской войны, и при том, что на работу в «органы» старались брать людей хотя бы со средним образованием. Что же там творилось до «чистки»?

Учились все эти кадры по ходу работы, а как с правовой точки зрения выглядела эта работа, мы уже говорили.

Стоит ли удивляться, что, когда вновь наступило чрезвычайное положение, все многолетние усилия опять пошли насмарку, и снова воцарилась все та же низовая, «революционная» законность Страны Советов. Но центральная власть тут была совершенно ни при чем. Главную роль сыграли объективные факторы – какая была культура следствия и суда, такая и была, выше головы не прыгнешь. А роковую роль – факторы субъективные. Но о них – несколько позже.

Роковые статьи

*Пятьдесят восьмую дают статью,
Говорят: «Ничего, вы так молоды...»*

В. Высоцкий

Итак, что же это за кошмарная статья такая, которая вошла в мемуары, песни и легенды? Появилась на свет она в 1926 году, вместе с новым Уголовным кодексом, и содержала меры наказания за так называемые «контрреволюционные», или, говоря современным языком, антигосударственные преступления. То есть в нее трансформировались инструкции ревтрибуналам, дающие право приговаривать к высшей мере наказания за антигосударственные преступления: участие в заговоре против власти, государственную измену, шпионаж, саботаж, диверсии и т. п.

А теперь смотрите, что такое информационная война, на конкретном примере. В 1997 году в Новосибирске вышла книга «Без грифа “секретно”» (сборник документов, имеющих отношение к «большому террору»), составленная кандидатом исторических наук И. Кузнецовым. Казалось бы, что тут можно сделать? Сборник документов готовил к печати профессиональный историк, не станет же он врать.

А сделать, оказывается, можно немало...

Возьмем документ № 2. «Уголовный кодекс РСФСР (1928 г.) (Извлечения)». Вот как в нем приводится, например, ст. 58–2, «основная», устанавливающая меры ответственности за «контрреволюционные» преступления, на которую идут постоянные ссылки в других пунктах этой статьи.

«С. 58–2. Вооруженное восстание или вторжение в контрреволюционных целях на советскую территорию вооруженных банд, захват власти в центре или на местах в тех же целях, влекут за собой высшую меру наказания социальной защиты (так в тексте! – Е. П.) – расстрел или объявление врагом трудящихся с конфискацией имущества и с лишением гражданства».

А теперь приведем этот пункт целиком (по УК 1926 года).

«58–2. Вооруженное восстание или вторжение в контрреволюционных целях и, в частности, с целью насильственно отторгнуть от СССР и отдельной республики какую-либо часть ее территории или расторгнуть заключенные СССР с иностранными государствами договоры, влекут за собою высшую меру социальной защиты – расстрел или объявление врагом трудящихся, с конфискацией имущества и с лишением гражданства союзной республики и, тем самым, гражданства СССР и изгнанием из пределов СССР навсегда, с допущением при смягчающих обстоятельствах понижения до лишения свободы на срок не ниже трех лет, с конфискацией всего или части имущества».

Чувствуете разницу? Вот вам, уважаемые, и «сборник документов»!

Как же выглядела «роковая статья» полностью?

Статья 58 Уголовного кодекса РСФСР 1926 г.

Статья 58–1а, б, в. Контрреволюционным признается всякое действие, направленное к свержению, подрыву или ослаблению власти рабоче-крестьянских советов и избранных ими, на основании Конституции СССР и Конституций союзных республик, рабоче-крестьянских правительств Союза ССР, союзных и автономных республик, или к подрыву или ослаблению внешней безопасности СССР и основных хозяйственных, политических и национальных завоеваний пролетарской революции. В силу Международной солидарности интересов всех трудящихся такие же действия признаются контрреволюционными и тогда, когда они направлены на всякое другое государство трудящихся, хотя бы и не входящее в СССР.

Статья 58–2. Вооруженное восстание или вторжение в контрреволюционных целях и, в частности, с целью насильственно отторгнуть от СССР и отдельной республики какую-либо часть ее территории или расторгнуть заключенные СССР с иностранными государствами договоры, влекут за собою высшую меру социальной защиты – расстрел или объявление врагом трудящихся, с конфискацией имущества и с лишением гражданства союзной республики и, тем самым, гражданства СССР и изгнанием из пределов СССР навсегда, с допущением при смягчающих обстоятельствах понижения до лишения свободы на срок не ниже трех лет, с конфискацией всего или части имущества.

Статья 58–3. Сношение в контрреволюционных целях с иностранным государством или отдельными его представителями, а равно способствование каким бы то ни было способом иностранному государству, находящемуся с СССР в состоянии войны или ведущему с ним борьбу путем интервенции или блокады, влекут за собой меры социальной защиты, указанные в ст. 58–2 настоящего Кодекса.

Статья 58–4. Оказание каким бы то ни было способом помощи той части международной буржуазии, которая, не признавая равноправия коммунистической системы, приходящей на смену капиталистической системе, стремится к ее свержению, а равно находящимся под влиянием или непосредственно организованным этой буржуазией общественным группам и организациям в осуществлении враждебной против СССР деятельности, влечет за собой лишение свободы не ниже трех лет с конфискацией всего или части имущества, с повышением при особо отягчающих обстоятельствах вплоть до высшей меры социальной защиты – расстрела или объявления врагом трудящихся, с лишением гражданства союзной республики и, тем самым, гражданства СССР и изгнанием из пределов СССР навсегда, с конфискацией имущества.

Статья 58–5. Склонение иностранного государства или каких-либо в нем общественных групп, путем сношения с их представителями, использования фальшивых документов или иными средствами, к объявлению войны, вооруженному вмешательству в дела СССР или иным неприязненным действиям, в частности: к блокаде, к захвату государственного имущества СССР или союзных республик, разрыву дипломатических отношений, разрыву заключенных с СССР договоров и т. п., влечет за собою меры социальной защиты, указанные в ст. 58–2 настоящего Кодекса.

Статья 58–6. Шпионаж, т. е. передача, похищение или собирание с целью передачи сведений, являющихся по своему содержанию специально охраняемой государственной тайной, иностранным государствам, контрреволюционным организациям или частным лицам, влечет за собой лишение свободы не ниже трех лет, с конфискацией всего или части имущества, а в тех случаях, когда шпионаж вызвал или мог вызвать особо тяжелые последствия для интересов СССР – высшую меру социальной защиты – расстрел или объявление врагом трудящихся с лишением гражданства союзной республики и, тем самым, гражданства СССР и изгнание из пределов СССР навсегда, с конфискацией имущества.

Передача, похищение или собирание с целью передачи экономических сведений, не составляющих по своему содержанию специально охраняемой государственной тайны, но не подлежащих оглашению по прямому запрещению закона или распоряжению руководителей ведомств, учреждений и предприятий, за вознаграждение или безвозмездно, организациям и лицам, указанным выше, влекут за собою лишение свободы на срок до трех лет.

Статья 58–7. *Подрыв государственной промышленности, транспорта, торговли, денежного обращения или кредитной системы, а равно кооперации, совершенный в контрреволюционных целях, путем соответствующего использования государственных учреждений и предприятий или противодействия их нормальной деятельности, а равно использование государственных учреждений и предприятий или противодействие их деятельности, совершаемое в интересах бывших собственников или заинтересованных капиталистических организаций, влекут за собою меры социальной защиты, указанные в ст. 58–2 настоящего Кодекса.*

Статья 58–8. *Совершение террористических актов, направленных против представителей Советской власти или деятелей революционных рабочих и крестьянских организаций, и участие в выполнении таких актов, хотя бы и лицами, не принадлежащими к контрреволюционной организации, влекут за собою меры социальной защиты, указанные в ст. 58–2 настоящего Кодекса.*

Статья 58–9. *Разрушение или повреждение с контрреволюционной целью взрывом, поджогом или другими способами железнодорожных или иных путей и средств сообщения, средств народной связи, водопровода, общественных складов и иных сооружений государственного или общественного имущества влечет за собою меры социальной защиты, указанные в ст. 58–2 настоящего Кодекса.*

Статья 58–10. *Пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву, ослаблению Советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений (ст. ст. 58–2–58–9), а равно распространение, изготовление или хранение литературы того же содержания влекут за собою лишение свободы не ниже шести месяцев.*

Те же действия при массовых волнениях или с использованием религиозных или национальных предрассудков масс, или в военной обстановке, или в местностях, объявленных на военном положении, влекут за собою меры социальной защиты, указанные в ст. 58–2.

Статья 58–11. *Всякого рода организационная деятельность, направленная к подготовке или совершению предусмотренных в настоящей главе преступлений, а равно участие в организации, образованной для подготовки или совершения одного из преступлений, предусмотренных настоящей главой, влекут за собою меры социальной защиты, указанные в ст. 58–2.*

Статья 58–12. *Недонесение о достоверно известном, готовящемся или совершенном контрреволюционном преступлении влечет за собою лишение свободы на срок не ниже шести месяцев.*

Статья 58–13. *Активные действия или активная борьба против рабочего класса и революционного движения, проявленные на ответственной или секретной (агентура) должности при царском строе или у контрреволюционных правительств в период гражданской войны, влекут за собою меры социальной защиты, указанные в ст. 58–2 настоящего Кодекса.*

Статья 58–14. *Контрреволюционный саботаж, т. е. сознательное неисполнение кем-либо определенных обязанностей или умышленно небрежное их исполнение со специальной целью ослабления власти правительства и деятельности государственного аппарата, влечет за собою лишение свободы на срок не ниже одного года с конфискацией всего или части имущества, с повышением, при особоотягчающих обстоятельствах, вплоть до высшей меры социальной защиты – расстрела, с конфискацией имущества.*

Как видим, ничего экстраординарного здесь нет – нормальная статья, предусматривающая меры наказания за антигосударственную деятельность.

Жесткая? Да, однако если кто думает, что мягкими мерами можно было привести в нормальный вид те первобытные джунгли, которые после Гражданской войны представляла собой Советская Россия... Ситуация в стране, знаете ли, тоже была мрачная – не до гуманности.

Кстати, косвенно, уже по перечислению преступлений и наказаний за них, можно себе представить, что творилось в то время в СССР и в какой обстановке работало правительство Страны Советов. Чего стоит, например, п. 58–14, по которому преступную халатность и должностные преступления легко можно перевести в разряд антигосударственных со всеми вытекающими отсюда последствиями. А с другой стороны, в то время, в которое принимался этот кодекс, деяния подобного рода и *были* антигосударственными, потому что от четкой работы промышленности и госструктур зависело само существование государства. А с третьей стороны, когда из-за бардака и разгильдяйства происходит, например, взрыв на шахте, а виновные отделываются легким сроком, а то и вообще увольнением с работы... Да-да, конечно, все это нечаянно, они не хотели... Вы это семьям погибших объясните!

И еще один очень важный нюанс. Вы уже заметили, что здесь нет мер *наказания*, а есть меры *социальной защиты* – то есть власть не наказывает преступников, она заботится в первую очередь о том, как защитить общество от подобного рода преступлений. Это очень ярко выражено в 20-х годах, и лишь постепенно советская юстиция все же приходит к понятию «преступления и наказания». Хотя все равно законодательство Страны Советов и тогда остается активно *антигуманистическим*.

Не спешите приходить в ужас, давайте сначала разберемся, что такое гуманизм. Это философское течение, которым нас одарила Франция перед тем, как в ней на практике восторжествовали лозунги свободы, равенства и братства (я имею в виду Французскую революцию). За два с половиной века практического применения гуманизм оформился и несколько видоизменился. Мы отлично знаем его нынешнюю формулу в применении к практической жизни: все во имя человека, все во благо человека. Современный гуманизм танцует от личности и ее *прав*, лукаво не замечая, что общество тоже имеет некие права, из которых вытекает тот факт, что личность имеет не только права, но и *обязанности*. (Словосочетание «права человека» каждый из нас слышал много сотен раз. А кто-нибудь когда-нибудь слышал об «обязанностях человека»? То-то же) На поверку гуманизм, примененный к реальному обществу, оборачивается приоритетом частного над общим. Вот ты, вот твои права, а все остальное – постольку, поскольку оно тебе, любимому, жить не мешает.

Отличный, великолепный принцип построения государства! Для врагов. Сначала внушить им эти золотые принципы, потом дать время их усвоить, хорошенько загнить – а затем брать тепленькими. Так и нас, кстати, взяли в конце 80-х...

Забавно, что общества, где много кричат о гуманизме, в практической жизни им не страдают. Это так, цветные стекляшки для дикарей. Так вот: сталинский режим тоже не страдал гуманизмом. В нем был установлен жесточайший приоритет общего над частным. И не усвоив этого, мы вообще не поймем то время. А также не поймем, почему Сталин сумел «взять Россию с сохой, а оставить ее с атомной бомбой».

Само собой, установить такие приоритеты было трудно. Это и вообще нелегко, поскольку человек – животное эгоистичное, а тем более в то время, после всех этих войн и революций «во имя трудового народа». И при первом же требовании чем-то поступиться (а поступаться приходилось многим) тут же поднимался крик: «За что боролись!» И хорошо, если только крик, а не стрельба. Страну пришлось «нормализовывать» долго и жестоко. Выбор был невелик: если бы этого не сделал Сталин, то Россию «нормализовал» бы Гитлер, которому вообще-то было нужно всего 10 миллионов русских, а остальные пустьдохнут. Это к вопросу о гуманизме...

Кроме «роковой» статьи, широко применяли еще принятые в 1934 году новые правила борьбы с террористами. Появились они как ответ на убийство Кирова. Читая их, видишь, что это убийство правительство восприняло не как обычный теракт, а как объявление войны, и отреагировало соответственно.

Из постановления ЦИК и СНК СССР «О внесении изменений в действующие уголовно-процессуальные кодексы союзных республик».

«Внести следующие изменения в действующие уголовно-процессуальные кодексы союзных республик по расследованию и рассмотрению дел о террористических организациях и террористических актах против работников Советской власти:

- 1. Следствие по этим делам заканчивать в срок не более десяти дней.*
- 2. Обвинительное заключение вручать обвиняемым за одни сутки до рассмотрения дела в суде.*
- 3. Дела слушать без участия сторон.*
- 4. Кассационного обжалования приговоров, как и подачи ходатайств о помиловании, не допускать.*
- 5. Приговор к высшей мере наказания приводить в исполнение немедленно по вынесении приговоров».*

Любопытно было бы установить конкретного автора этого документа. Поскольку, если бы враги советского государства озаботились как можно лучше прикрыть свою деятельность и нанести как можно больше вреда, они пролоббировали бы принятие именно такого закона. Что можно успеть за десять дней? Установить самого террориста и его ближайшее окружение, и то если он не заупрямится. А если заупрямится? А потом – приговор, и все концы оборваны. Не говоря уже о том, что приговоренных к высшей мере, если окажется, что дело сфабрикованное, уже не вернешь. А следователи были... мы уже видели, какие, и еще увидим.

Так вот очень интересно: с чьей подачи появился этот документ?

Несколько ранее, 8 июня 1934 года, когда уже наметился переход к великодержавной, имперской политике, появилось в наших законах и понятие измены Родине.

Из постановления ЦИК Союза ССР «О дополнении положения о контрреволюционных и особо для Союза ССР опасных преступлениях против порядка управления статьями об измене Родине».

«1–1. Измена Родине, то есть действия, совершаемые гражданами Союза ССР в ущерб военной мощи Союза ССР, его государственной независимости или неприкосновенности его территории, как то – шпионаж, выдача военной или государственной тайны, переход на сторону врага, бегство или перелет за границу – караются высшей мерой уголовного наказания – расстрелом с конфискацией всего имущества, а при смягчающих обстоятельствах – лишением свободы на срок 10 лет с конфискацией всего имущества.

1–2. Те же преступления, совершенные военнослужащими, караются высшей мерой уголовного наказания – расстрелом с конфискацией всего имущества».

Здесь самое интересное – это разделение общества по мере ответственности на военнослужащих и всех прочих. Современная точка зрения какая? Военный – это такой же человек, как и все, с теми же правами, за которые следует бороться. В те времена – и это видно очень четко – военный был человеком с особыми обязанностями, из которых вытекала и особая ответственность. А поскольку эти обязанности не подкреплялись привилегированным материальным положением (таковым обладали, в первую очередь, люди с высшим образованием и творческая интеллигенция), то здесь приоритет общего над частным просматривается особенно явно. А также становится понятно, почему сталинский строй, несмотря ни на что, оказался таким прочным. Потому что государство было построено не по принципу прав, а по

традиционному для России принципу обязанностей, или *повинностей*. А когда народ живет согласно менталитету, то его, народ, это устраивает, несмотря на объективные обстоятельства. Взять наше время: все демократические права налицо, хоть ты голым по улице ходи, газеты полны бабами во всех позах, жратвы и тряпок уж всяко больше, чем в 30-е. А все равно, от великолепного жития нашего во рту привкус, как будто в дешевой столовке пообедал...

Да, времена изменились разительно. Слово Родина, например, даже в законах писали с большой буквы. А в позднебрежневские времена был популярен такой анекдот:

«Пригрело солнышко. Вылезли два червяка на верх навозной кучи. Маленький червячок спрашивает старшего:

- Папа, а мы могли бы жить в яблоке?
- Могли бы, сынок!
- А в ананасе?
- Могли бы, сынок!
- Почему же мы живем в навозной куче?
- Понимаешь, сынок, есть такое слово – родина!»

Говорят, были времена, когда за сравнение своей страны с навозной кучей можно было получить десять лет. Не знаю, фактов таких не встречала. Но что совершенно точно, были времена, когда за такой анекдот можно было конкретно схлопотать по морде. Они прошли, те времена, мы стали куда просвещенней, гуманней, цивилизованней. Но, дамы и господа! Перед тем как однозначно осудить этих непросвещенных тоталитарных дикарей, давайте все же попробуем их понять. Да-да, дело нелегкое, из навозной-то кучи... Ну а вдруг получится?

Сказка о «тройке»

Эх, тройка! птица тройка, кто тебя выдумал?

Гоголь

Еще один миф – то, что абсолютное большинство расстрелянных было приговорено к смерти чекистскими «тройками», даже без видимости правосудия. Потому что в сталинском времени есть один нюанс: тогда любая комиссия из трех человек называлась «тройкой». Ну не подумали они о нас, несчастных, которым потом в этих «тройках» разбираться, голову ломать...

...Полностью этот орган назывался: ВЧК – Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем; ОГПУ – Объединенное государственное политическое управление; ГУГБ НКВД – Главное управление государственной безопасности в составе НКВД. То есть это аналог нынешнего ФСБ – скажите еще, что он не нужен, потому что у России врагов нет...

Появился он на свет 7 декабря 1918 года, как реакция на всеохватывающий чиновничий саботаж. Это ведь только в кино Максим приходил и вот так сразу начинал управлять банком¹⁰, а в реальности новая власть испытывала чудовищную нехватку специалистов, и саботаж чиновников был тяжелейшей проблемой. Очень скоро в ведение этой структуры перешла борьба с «контрреволюцией» и с теми преступлениями, которые были признаны угрожающими для существования государства.

ВЧК не зависела ни от НКВД, ни от наркомата юстиции, а была создана прямо при Совнаркоме. На местах, к сожалению, ЧК создавались все при тех же Советах, однако их работой

¹⁰ Эпизод из знакового фильма советских времен «Выборгская сторона».

руководили (насколько вообще в той обстановке можно было хоть чем-то руководить) все же не местные власти, а ВЧК.

Поначалу чекисты занимались в основном оперативной и следственной работой, хотя имели право применять и некоторые меры воздействия: лишение продовольственных карточек, конфискацию имущества, составление и публикацию списков «врагов народа». Кстати, этот термин отнюдь не Сталин придумал – в России он появился еще в 1917 году (хотя в то время объявление «врагом народа» было мягким, скорее моральным наказанием). Хрущев не мог об этом не знать, но предпочел забыть...

Однако после начала Гражданской войны чекисты тоже стали жить по законам военного времени, получив чрезвычайные полномочия. В первой половине 1918 года в ВЧК была создана первая «тройка», выполнявшая функции суда. В нее входили Дзержинский, Александрович и Петерс. Летом «тройка» получила право приговаривать и к смертной казни, но для этого приговор должен был быть единогласным, притом что в «тройку» входили люди серьезные, не слесари и не пастухи.

Следующей точкой отсчета стало 5 сентября 1918 года, день принятия постановления о «красном терроре». В те дни право расстрела получили и низовые ЧК, вплоть до районных – правда, приговор должен был утверждаться ВЧК, что уже само по себе связывало руки. Впрочем, практически сразу, уже 28 октября, эти права были у них отобраны, сохранившись только в местностях, объявленных на военном или осадном положении, и то после утверждения Коллегией ВЧК. Наконец, 1 декабря 1918 года с этим вопросом окончательно разобрались. Право приговаривать во внесудебном порядке к расстрелу получили губернские, фронтовые, армейские и областные ЧК. Причем мало того, в качестве надзора на этих заседаниях, за неимением прокуроров, должны были присутствовать представители райкомов РКП(б).

Всю Гражданскую войну эти полномочия становились то чуть больше, то чуть меньше, но до беспредела не доходили и действовали в основном в районах, объявленных на военном положении.

По полномочиям ВЧК можно изучать историю: из ее функций видно, какие преступления в тот или иной момент представляли наибольшую опасность для страны. 11 июня 1919 года Дзержинский на Пленуме ЦК предложил распространить расстрелы на торговцев кокаином, взломщиков общественных лавок, поджигателей, фальшивомонетчиков, шпионов, предателей, должностных преступников и семьи военных, перешедших на сторону белых. Пленум согласился, но только в местностях, объявленных на военном положении, и исключил из этого списка семьи перебежчиков, несмотря на то, что постоянные предательства офицеров стоили Красной Армии такой крови... (Интересно, а если сейчас провести референдум относительно применения высшей меры к торговцам наркотиками, что скажет страна?)

Или еще пример: 21 октября 1919 года был издан декрет Совнаркома о создании Особого ревтрибунала при ВЧК – специально для дел о крупной спекуляции. Приговоры его были окончательными и обжалованию не подлежали. Представляете себе, каким бичом была спекуляция?

А впрочем, едва обстановка в стране нормализовалась, как 17 января 1920 года смертная казнь в отношении врагов Советской власти была вообще отменена, как по приговорам ВЧК, так и по приговорам трибуналов. Но началась польская война, и снова чрезвычайные права были возвращены. К концу войны, в 1921 году, ГубЧК имели право применять высшую меру только за шпионаж, бандитизм и участие в вооруженном выступлении.

...Так что, как видим, никаких ужасных полномочий чекистам не предоставляли. Все перечисленное – деяния, за которые в условиях войны, да еще в прифронтовой полосе, вполне можно схлопотать пулю без суда в *любом* государстве, хоть самом расцивилизованном и супердемократическом. Равно как и заложники берутся в любых войнах. (Хотя, пожалуй,

в эпоху авианалетов и массированных бомбардировок институт заложников утратил смысл, поскольку таковыми становится все население.)

Из одной публикации в другую кочуют страшные рассказы о сотнях тысяч и миллионах людей, расстрелянных кровавыми чекистами. Но ведь существуют и статистические материалы. Согласно статистике, в 34 губерниях Советской России органами ВЧК за 1918 год было расстреляно 6300 человек, за семь месяцев 1919 года – 2089 человек (из них за контрреволюционные преступления 1637 и 387 человек соответственно. Остальные – бандиты, спекулянты и прочие уголовники). В 1921 году, когда за порядок в стране взялись всерьез, был расстрелян 9701 человек, и тоже в подавляющем большинстве уголовники¹¹. (Кстати, часто приговоры к «вышей мере» являлись условными.) Таков масштаб «террора», осуществляемого «кровавыми чекистами».

Правда, впоследствии, с легкой подачи эмигрантов, чекистами стали называть всех членов всех комиссий, занимавшихся борьбой с уголовниками и контрреволюционерами. Но не надо путать одно с другим: есть ЧК, есть ревтрибунал, а есть пьяный комэскадрона, вообразивший себя первым после Ленина... Это все абсолютно разные вещи.

Но вот война закончилась, а вместе с ней окончила свое существование и ВЧК, как чрезвычайный орган военного времени. 6 февраля 1922 года ему на смену пришло ГПУ – Государственное политическое управление. Правда, говорить об отмене чрезвычайного положения было рановато – страну по-прежнему захлестывала преступность. Так что у ГПУ снова появились чрезвычайные права: а именно – расстрел бандитов, пойманных на месте преступления с оружием в руках. Однако нас интересуют совсем не эти полномочия. Что ГПУ могло делать со своим основным «контингентом» – политическими противниками власти?

Органов, наделенных правом выносить приговоры, в ГПУ было несколько, и не надо их, опять же, путать. Первый из них – Особое Совецание, созданное 31 июля 1922 года при НКВД (в который, напоминая, тогда входило ГПУ) и состоявшее из представителей НКВД и наркомюста. Права у него были точно те же, что и у его тезки и предшественника – Особого Совецания при МВД Российской империи: в случае, когда улики для суда не хватает, а человек, по мнению чекистов, достаточно опасен, к нему можно применить в административном порядке ссылку или высылку на срок до трех лет, в крайнем случае – заключение в концентрационный лагерь. В том же виде этот орган сохранился и позднее, когда ГПУ было выведено из состава НКВД и стало называться ОГПУ, и когда оно снова вошло в состав наркомата под именем Государственного управления госбезопасности.

В постановлении ЦИК и СНК об Особом Совецании при наркоме внутренних дел (1934 г.) говорится:

«Предоставить Народному Комиссариату внутренних дел Союза ССР право применять к лицам, признаваемым общественно опасными:

а) ссылку на срок до 5 лет под гласный надзор в местности, список которых устанавливается народным комиссариатом внутренних дел Союза ССР;

б) высылку на срок до 5 лет под гласный надзор с запрещением проживания в столицах, крупных городах и промышленных центрах Союза ССР;

в) заключение в исправительно-трудовые лагеря на срок до 5 лет;

г) высылку за пределы Союза ССР иностранных подданных, являющихся общественно опасными...

...В заседаниях Особого Совецания обязательно участвует прокурор Союза ССР или его заместитель, который, в случае несогласия как с самим решением Особого Совецания, так и с

¹¹ Мозохин О. Право на репрессии. С. 145.

направлением дела на рассмотрение Особого Совещания, имеет право протеста в Президиум Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР...»

И все. Больше ни на что Особое Совещание прав не имело.

Право выносить смертные приговоры имела Коллегия ОГПУ и имели так называемые «тройки».

Вот мы до них, наконец-то, и добрались...

В разное время в ОГПУ существовали разные «тройки». По борьбе с отдельными видами преступлений – например, с подделкой денег; «тройки» при управлениях и отделах; при полпредствах¹² ОГПУ. Известно, что при полпредствах они имели право вынесения приговоров, в том числе и к высшей мере. В центральном аппарате «тройки» при управлениях и отделах занимались предварительным рассмотрением дел, а приговоры выносила Коллегия ОГПУ – почему она и ухитрялась рассматривать иной раз до нескольких сотен дел в течение одного заседания.

Однако в июле 1934 года все это закончилось. 10 июля 1934 года органы госбезопасности были включены в состав наркомата внутренних дел, а Коллегия и «тройки» упразднены. Право на внесудебные репрессии сохранилось только за Особым Совещанием, права которого впоследствии были несколько расширены, но не до беспредела. Выносить смертные приговоры Особое Совещание по-прежнему не могло.

Хотя в то же время существовали еще какие-то «тройки», наделенные судебными полномочиями. Так, 19 сентября 1934 года Молотов посылает шифротелеграмму Кагановичу из Новосибирска, где, по примеру 1930 года, предлагает предоставить право на применение высшей меры наказания некоей «тройке». После дебатов этот орган в составе Рындина, Чернова и Шохина получил право утверждать смертные приговоры¹³. Ну и попробуй пойми, что все это значит?

Все же фамилии членов кое о чем говорят. Если Шохина найти не удалось, а Чернов – фамилия распространенная, то с Рындиным все ясно: это первый секретарь Челябинского обкома. То есть речь явно идет о какой-то другой, не чекистской «тройке».

В ноябре 1934 года в Узбекистане правом внесудебного вынесения приговоров, вплоть до высшей меры, также обладала комиссия из трех человек. Персональный состав: Куйбышев, Икрамов, Хаджаев. Здесь вообще нет ни одного чекиста: деятель из Центра, секретарь узбекской компартии и предсовнаркома Узбекистана.

Да, путает нас термин, путает...

Снова «тройки» вылезают уже в 1937 году, в знаменитом приказе Ежова № 00447. Что о них известно? Председателем этого органа являлся, как правило, начальник Управления НКВД соответствующего региона, членами – первый секретарь и прокурор.

Ну и какое это имеет отношение к чекистским «тройкам», окончившим свое существование в 1934 году? Мало ли в состав какого органа может входить начальник управления?

Нет, это совсем иной орган, порожденный ситуацией. Логика властей совершенно понятна: чрезвычайные обстоятельства, суды не справляются (а пропускная способность их невелика) – что делать? Вот и решили образовать самую авторитетную из всех возможных комиссий: первый секретарь партии, прокурор, начальник НКВД.

Да, да, конечно – когда резко возрастает количество дел, а бывает это, как правило, в чрезвычайных обстоятельствах, надо срочно создавать новые суды... Это при том, что и на старые-то грамотных судей не хватает! Но надо их обязательно создать, найти достойных слу-

¹² Полпредство – полномочное представительство.

¹³ Мозохин О. Право на репрессии. С. 140.

жителей закона и решить все по УПК... Как? А это уже ваше дело, Иосиф Виссарионович, крутитесь как хотите, но требования господ правозащитников, пожалуйста, удовлетворите. Сами бы попробовали, говорите? А их дело не работать, их дело – высочайше указывать, как работающим поступать надлежит...

А если перестать изгаляться, а сказать по-простому, то власть в чрезвычайной ситуации выбрала наилучшее решение, поручив судейскую работу *самым надежным*. Почему же получилось то, что получилось? А потому, что наложились друг на друга несколько процессов... но об этом потом. Само решение-то было абсолютно правильное.

По сути, эти «тройки» были не чем иным, как трибуналами – чрезвычайными судами. Кстати, если в приказе № 00447 еще говорится о проведении дел «административным порядком», то в статистике репрессивной деятельности, которую приводит в своей книге «Право на репрессии» О. Мазохин – иная картина¹⁴.

Собственно говоря, в этих таблицах вообще нет никаких «троек». Но, поскольку мы знаем, что они выносили приговоры по абсолютному большинству дел, то вычислить их нетрудно. Называются они «особые трибуналы». То есть органы хотя и чрезвычайные, но все же скорее судебные и уж во всяком случае не имеющие ничего общего с «тройками» ОГПУ.

Вот и вся сказка о «тройке»...

Легенда о «сталинском прокуроре»

*Ты никогда не решишь проблему, если будешь думать так же,
как те, кто ее создал.*

Альберт Эйнштейн

Хрущевцы и те, кто после них шумел о «сталинских репрессиях», ненавидели этого человека лютой ненавистью. Что уже само по себе любопытно – по отношению, например, к тому же Ежову, напрямую ответственному за пытки и «липовые» дела, они были куда более сдержанны. Тем более что во времена XX съезда основной аргумент – громогласные речи Вышинского на «московских» процессах, – еще не могли ставиться ему в вину, поскольку о реабилитации Зиновьева, Каменева, Бухарина и прочих их фигурантов в то время и речи не было. Интересно, чем он их так уел?

В 90-е годы для Вышинского нашли новое амплуа – «цепного пса», которого вождь спускал на неугодных. Что само по себе странно, поскольку роль псов если кто и играл, так это НКВД. (Хотя если вспомнить железную убежденность российской интеллигенции в священности и первичности слова, то и не странно, пожалуй.)

Но участие в судебных процессах являлось далеко не главным занятием Прокурора Союза. Вышинский вообще был в этом смысле исключением – остальные главные прокуроры редко появлялись в судах. У них были совсем другие функции. Основная задача прокуратуры – тотальный надзор за всей юридической сферой: НКВД, милицией, судами, а тогда еще и за госчиновниками. Ну, а Вышинский судебную работу, по-видимому, просто любил, тем более что он был одним из лучших ораторов своего времени.

Исключением был Вышинский и в другом смысле. В то время, когда почти все ключевые посты в стране занимали непрофессионалы, он работал по специальности. Да и вообще странная у него биография, одна из тех, что настолько выламывается из наших представлений о том времени, что прямо хоть все представления меняй...

¹⁴ Данные О. Мозохина приведены в приложении.

Начиналось все обыкновенно. Андрей Януарьевич Вышинский родился в 1883 году в Одессе, в семье провизора. Вырос в Баку, там окончил гимназию, начал заниматься революционной деятельностью. В 1901 году поступил на юридический факультет Киевского университета. За участие в студенческих волнениях в 1902 году был из университета исключен, после чего возвратился в Баку. В 1903 году он вступил в РСДРП, а после раскола партии примкнул к меньшевикам. Активно участвовал в событиях 1905 года, создал боевую дружину, на митингах оттачивал ораторский талант. Несколько раз его арестовывали, а в апреле 1908 года приговорили к тюремному заключению. Считают, что именно тогда он познакомился со Сталиным, с которым сидел в одной камере, – но это вряд ли. Два не последних в своих организациях социал-демократа, работавших в одном городе, наверняка знали друг друга и раньше. (Что любопытно, членство в меньшевистской партии Вышинскому никогда не ставили в вину. Один-единственный раз во время какой-то из чисток ему пришлось убеждать комиссию, что с меньшевистским прошлым он порвал, и больше его не трогали. Это первая странность биографии, хотя далеко не последняя.)

Но все же, в отличие от Сталина, революция не стала главным делом жизни Андрея Вышинского. У него была «одна, но пламенная страсть» – юриспруденция. Отсидев, он сумел добиться восстановления в университете, блестяще окончил юридический факультет, его даже хотели оставить для подготовки к профессорскому званию по кафедре уголовного права и процесса. Однако революционное прошлое сыграло свою роль: университетское начальство не дало «добро». Вышинский вернулся в Баку, где его тоже хорошо знали, так что пришлось перебиваться случайной работой. Наконец, в 1915 году он отправляется в Москву и здесь поступает помощником к знаменитому адвокату Малянтовичу, который занимался политическими делами – впоследствии Малянтович стал министром юстиции Временного правительства.

После Февральской революции меньшевик Вышинский становится председателем Якиманской районной управы в Москве, работает комиссаром милиции, добросовестно выполняя все указания власти (но и это впоследствии ему никто в вину не ставит). После того как к власти пришли большевики, он, в отличие от многих товарищей по партии, не заморачиваясь политикой, сразу же идет на службу к новой власти, но не в сферу юриспруденции – «революционное правосознание» «законнику» Вышинскому глубоко чуждо. Впоследствии он открытым текстом говорил, что в его работе «сильно мешают пережитки революции» – то есть как раз стремление решать дела «по революционной совести».

А вот и еще одна странность биографии. В любом деле есть области незаметные, однако жизненно важные, от которых зависит само это дело. В то время одной из таких областей было продовольственное снабжение. Меньшевик Вышинский работает в этой сфере, к концу войны дослужившись до поста в Наркомпроде. Казалось бы, колоссальное поле для злоупотреблений – и опять впоследствии ни одного худого слова! Неужели и вправду кристальной честности был человек?

В 1920 году он делает, наконец, и политический выбор – вступает в партию большевиков. И в то же время возвращается в юриспруденцию, пока что в качестве адвоката – одновременно с работой в Наркомпроде состоит в коллегии защитников. Но адвокатура – не его стезя. Уже в 1923 году он начинает выступать в судах в качестве общественного обвинителя и вскоре становится прокурором уголовно-судебной коллегии Верховного суда РСФСР.

Это неудивительно – в конце концов, надежных профессионалов с высшим образованием в то время во всех областях жизни было немного. Удивительно другое. В 1925 году ученый совет Московского университета избирает Вышинского ректором, что заставляет несколько по-иному посмотреть на всю его биографию. Человеку с двухлетним стажем работы по специальности таких предложений не делают – даже в то безумное время... именно в то безумное время, поскольку тогда ученые еще не были приучены, что начальство назначает обком,

это все пришло позже... Это можно объяснить только одним – Вышинский занимался научной работой постоянно: и когда служил помощником адвоката, и в первые годы Советской власти (кстати, еще до работы в прокуратуре он некоторое время являлся деканом экономического факультета института народного хозяйства), был, действительно, крупным ученым, и научная общественность знала его не по чинам, а *по работам*.

Но расставание с практической юриспруденцией было непродолжительным. Уже в мае 1928 года он возвращается в органы юстиции. Ведет в качестве председателя специального судебного присутствия процесс по «шахтинскому делу», затем председательствует на процессе «Промпартии». Оба дела – сложнейшие, здесь надо разбираться не только в юриспруденции, но и в экономике, и в производстве. Версия, что эти дела фальсифицированы, запущена опять же в наши дни, а на самом деле считать так нет особых оснований. То, что все подсудимые реабилитированы – не аргумент: с самого начала, уже с 50-х годов, реабилитировали не исходя из невиновности, а по политическим мотивам, а в 90-е снимали обвинения вообще со всех, без разбору...

11 мая 1931 года Вышинский становится Прокурором РСФСР, а через десять дней – и заместителем наркома юстиции. С тех пор он львиную долю сил и энергии посвящает обузданию безграничного произвола в судах, прокуратуре, органах внутренних дел. Что интересно, он, один из лучших ораторов своего времени, не оставляет судебную трибуну, выбирая для себя иногда дела громкие и значимые, а иногда маловажные, но чем-либо интересные и поучительные. Работоспособность этого человека просто феноменальна: он успевает руководить прокуратурой, выступать в судах (а за каждым выступлением стоит огромный труд по знакомству с делом и его осмыслению), писать книги и статьи... И, несмотря на такой объем работы, его никто и никогда не обвинил в халтурном отношении к делу.

20 июня 1933 года была учреждена Прокуратура Союза. Первым Прокурором СССР стал известный революционер и политический деятель И. А. Акулов, а его заместителем – Вышинский. Не совсем понятен смысл назначения Акулова – он не только не был юристом, но даже не имел высшего образования. Так что вся практическая работа все равно легла на плечи Вышинского, фактически он с самого начала исполнял обязанности союзного прокурора. 3 марта 1935 года он и де-юре стал, наконец, Прокурором СССР.

Впрочем, это все ни о чем не говорящие факты биографии. А какие мы знаем конкретные дела Вышинского, кроме того, что он выступал обвинителем на процессах людей, которые потом были реабилитированы, и не жалел для них бранных слов? Ах да, он еще утверждал, что признание – «царица доказательств», почему-то, при блестящем знании русского языка, употребляя средний род вместо женского. Ладно, что касается сути, то человек имеет право защищать любую точку зрения, но почему признание – и вдруг «царица». С чего бы вдруг?

А с того, что ничего подобного Вышинский не говорил. На самом деле он писал следующее: *«В достаточно уже отдаленные времена, в эпоху господства в процессе теории так называемых законных (формальных) доказательств, переоценка значения признаний подсудимого или обвиняемого доходила до такой степени, что признание обвиняемым себя виновным считалось за непреложную, не подлежащую сомнению истину, хотя бы это признание было вырвано у него пыткой, являвшейся в те времена чуть ли не единственным процессуальным доказательством, во всяком случае, считавшейся наиболее серьезным доказательством, “царицей доказательств”. ...Этот принцип совершенно неприемлем для советского права и судебной практики...»*¹⁵ То есть те, кто пустил гулять эту «дезу», не смогли даже разобратся в достаточно простом тексте и понять, что «царица доказательств» – не признание,

¹⁵ Цит. по: Суховерский В. Царица доказательств // Дуэль. 2000. 18 апреля.

а пытка. Ну а то, что Вышинский был против этой практики, естественно, выпущено сознательно.

На самом же деле еще в 1932 году он писал, и не в статье, а в циркуляре для работников прокуратуры, где риторика неуместна: *«При расследовании дел о контрреволюционных преступлениях, в частности о террористических актах, существеннейшее значение имеют показания самих обвиняемых... Однако сознание обвиняемого и в особенности оговор им других лиц в качестве соучастников ни в какой мере не устраняет необходимости критического подхода со стороны следствия к показаниям обвиняемого, равно как не устраняет необходимости для следствия самым инициативным образом собирать и исследовать объективные доказательства...»* Ну прямо как в воду глядел! Впрочем, и вправду глядел – не мог ведь не знать, с кем дело имеет, и всеми способами пытался взять под контроль следствие. Другое дело, что невозможно это было, и сделать тут никто ничего не мог. Кадров, которые решали все, был жесточайший дефицит, да и одного прокурорского надзора в этом деле недостаточно – чтобы ситуация изменилась, надо было начать расстреливать чекистов за нарушения законности. Только тогда что-то сдвинулось, и то слабо...

Хотя с точки зрения современных правозащитников, которые, как правило, сочувствуют преступникам, а не жертвам и уж всяко не обществу, Вышинский все равно был еретиком. Он мог, например, заявить следующее: *«Не буква закона, не юридическое крючкотворство, не слепое подобострастное преклонение перед законом, а творческое отношение к закону, такое отношение, когда требования закона (то есть тех юридических формул, в каких он выражен) корректируются пониманием цели, которой он призван служить...»*¹⁶

Впрочем, это очень старый спор. Век живи – век учись! В книге американского юриста Питера Соломона я прочитала такие строки: «В первое время после победы Октябрьской революции многие большевистские руководители встали на точку зрения оценки характера права как орудия власти. Не придавая праву священной ценности и всегда подчеркивая его подчиненный статус, В. И. Ленин и его коллеги...» ну, и так далее. Это что же получается, что в Америке право священо? То есть выше цели, которой оно служит, в том числе и справедливости?! И они, на полном серьезе, это и нам предлагают?!¹⁷

...Свою практическую работу на посту Прокурора Союза Вышинский начал с проверки жалоб тех, кто был выслан из Ленинграда после убийства Кирова, – в результате этой проверки 14 % жалоб были удовлетворены. Высылали, как известно, формально, «по букве», а возвращали, надо полагать, «по духу». Дальше – больше. 27 января 1936 года в три адреса: ЦК, Совнарком и НКВД – пришла следующая телеграмма из Уфы:

*«Мы, нижеподписавшиеся юноши и девушки в возрасте от 18 до 25 лет, высланные из Ленинграда за социальное прошлое родителей или родственников, находясь в крайне тяжелом положении, обращаемся к Вам с просьбой снять с нас незаслуженное наказание – административную высылку, восстановить во всех гражданских правах и разрешить проживание на всей территории Союза. Не можем отвечать за социальное прошлое родных, в силу своего возраста с прошлым не имеем ничего общего, рождены в революции, возвращены и воспитаны Советской властью, являемся честными советскими студентами, рабочими и служащими. Горячо желаем снова влиться в ряды советской молодежи и включиться в стройку социализма»*¹⁸. И 21 подпись.

Ребята не знали, куда обращаться. Молотов переправил письмо в прокуратуру Вышинскому. Практически сразу тот пишет свои соображения: «считаю необходимым поставить...

¹⁶ Цит. по: Звягинцев А., Орлов Ю. Прокуроры двух эпох. М., 2001. С. 21.

¹⁷ Если судить по американским же книгам и фильмам, судебный процесс в США является чем-то вроде спортивного состязания, где важна не истина, а результат: какая сторона в итоге возьмет верх.

¹⁸ Письма во власть. Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и советским вождям. М., 2002. С. 290.

вопрос о целесообразности в отношении молодежи, оказавшейся высланной только в связи с социальным положением или деятельностью в прошлом их родителей, принять общее постановление... – высылку отменить и разрешить свободное проживание в СССР».

Тогда все делалось быстро. Уже 26 февраля 1936 года было принято постановление ЦК и СНК «О членах семей высланных из Ленинграда – учащихся высших учебных заведений или занимавшихся общественно-полезным трудом». А уже 1 апреля был закончен пересмотр дел. 1802 человека из шести тысяч получили право жить, где захотят. Это тоже пример того, как дела были разрешены «по букве», а пересмотрены «по духу».

А вы думали, я сейчас об оппозиционерах говорить буду? Да достали уже с этими оппозиционерами! Понимаю, они «социально близкие», а часто и родственники нашей пишущей журналистской и правозащитной братии – но ведь и кроме них были люди в стране!

Соблюдая тот же принцип, в декабре 1935 года Вышинский обратился в ЦК с предложением пересмотреть приговоры, вынесенные по печально известному закону от 7 августа 1932 года – закону, как его называли в народе, «о трех колосках». В результате десятки тысяч людей получили свободу.

И еще один случай – не пример, а так, штрих, даже штришок – по поводу равнодушия к человеческим судьбам...

26 мая 1935 года из Тюмени в четыре адреса: секретарю ЦИК Акулову, наркому внутренних дел Ягоде, предсовнаркома Молотову и Прокурору Союза Вышинскому пришла телеграмма. Привожу ее полностью.

«На мою долю выпала большая честь свыше 40 лет своей жизни служить революционным авангардом пролетариата, в числе первых поднять Красное знамя на юге и пронести его через всю Россию на далекий север, в Якутск. На первых баррикадах на Романовке, по тюрьмам, в ссылке и каторге всегда была на передовых позициях.

Последние 17 лет неустанно работала тому же пролетариату на ответственных постах, но достаточно было моему кухонному соседу спекулировать на бдительности, как на основании его сплетен меня схватили и сослали в Сибирь абсолютно без вины и без всякого преступления с моей стороны.

Я требую немедленного полного освобождения, в противном случае я отвечу самоубийством, предельный срок для ответа 15 июня. Политкаторжанка, ветеранка революции Екатерина Романовна Ройзман».

Казалось бы, покончит с собой высланная старуха – ну и что? Кто в то время заморачивался судьбой какой-то старой большевички, которая даже отдельную квартиру себе не выслужила? Тем более что наверняка болтала ведь что-то, подпадающее под 58–10...

И точно: по трем из четырех адресов промолчали. Лишь из прокуратуры Союза в Тюмень летит правительственная телеграмма, помеченная 11 июня 1935 года. *«Ваше заявление расследуется. Результат сообщу. Ждите. Вышинский».*

И ведь действительно дело пересмотрели, ссылку заменили сначала запрещением проживания в режимных городах, а в конце концов разрешили жить в Москве под гласным надзором. Но все же самое поразительное в этом деле – телеграмма. И это, кстати, не единственный случай, когда Вышинский вставал на защиту отдельного маленького человека.

Вы спросите, куда же делась гуманность Прокурора Союза, когда он произносил свои громоподобные речи на «московских процессах»? Чтобы это понять, надо читать не речи, а стенограммы. Вышинский вел все три процесса изо дня в день, скрупулезно и упорно допрашивая подсудимых, и, наоборот, поражаешься именно *выдержке* государственного обвинителя, который при этих допросах никогда не терял самообладания, даже шутить иногда ухитрялся.

А учитывая, о чем шла речь на этих процессах и как тогда относились к слову «Родина» и понятию, которое за этим словом стояло...¹⁹

Возможно, именно поэтому сами речи и были чисто риторическими – процессы содержали столько фактов и были так шокирующе откровенны, что речь обвинителя после всего сказанного была уже и не нужна.

Вы спросите: а его роль в репрессиях? Именно Прокурора Союза объявляют одним из их организаторов, послушным псом Сталина. О, тут все далеко не так просто, как нам пытаются представить.

А. Звягинцев и Ю. Орлов Вышинского не любят, повторяя все тот же стандартный набор обвинений. Но при этом не очень следят за примерами, так что иной раз приводят вещи просто дивные. Вот что значит – люди смотрят, да не видят...

21–22 мая 1938 года в Москве состоялось Всесоюзное совещание прокуроров, посвященное перестройке прокурорской работы в соответствии с новой Конституцией СССР. Естественно, на нем выступал и Вышинский. В докладе он, в частности, сказал:

«Едва ли найдется хоть один честный работник в системе прокуратуры, который не сознавал бы со всей очевидностью этой жгучей потребности – перестроить всю систему нашей работы. Нет ни одного честного прокурорского работника, который не ощущал бы в самой резкой форме необходимости окончательно добить, я бы сказал, затесавшихся в наши ряды врагов, вырвать с корнем изменников и предателей, которые, к сожалению, оказались и в среде прокурорских работников. Пересмотреть отношение к работе каждого из наших работников, даже в том случае, если он не поколебал к себе политического доверия, пересмотреть, следовательно, всю систему нашей работы, всю методику нашей работы...»²⁰

Вот ведь гад, а? Все никак успокоиться не может!

А потом, совсем по другому поводу – для иллюстрации того, как грубо Прокурор Союза обходился с подчиненными, – авторы приводят кусочек стенограммы, публичный допрос, иначе не скажешь, Вышинским прокурора Омской области Бусоргина. Незадолго до того в областной прокуратуре были выявлены серьезные нарушения законности, за что сняли с работы заместителя областного прокурора. И вот как Вышинский поговорил с самим прокурором, на виду у всего совещания...

«Вышинский. Мы предъявили вам тягчайшее обвинение. Эти безобразия делались при вас или без вас? Дайте оценку своим действиям.

Бусоргин. Ряд дел относится непосредственно к моей работе. Я допустил грубейшую политическую ошибку тем, что по ряду дел не проверял поступавшие материалы.

Вышинский. А почему не проверяли?

Бусоргин. Я остался один.

Вышинский. Как один? Сколько у вас в аппарате людей?

Бусоргин. Тогда было двенадцать помощников.

Вышинский. Хорош один – двенадцать помощников, сам тринадцатый. Вы читали дела, которые вы направили в суд по 58–7, скажите честно?

Бусоргин. Не читал.

Вышинский. Почему не читали?

Бусоргин. Потому что доверял докладчикам.

Вышинский. Почему доверяли?

Бусоргин. Потому что полагал, что они читали материалы и установили то, о чем говорится в деле.

¹⁹ Подробнее о «московских процессах» см. в книге: Прудникова Е., Колпакиди А. Двойной заговор. М., 2006.

²⁰ Звягинцев А., Орлов Ю. Прокуроры двух эпох. С. 183–184.

Вышинский. Значит, просто “на глаз”.

Бусоргин. Нет, если нужно было, то я читал показания свидетелей.

Вышинский. Что значит “если нужно было”? Вы сами обязаны были взять дело в руки, проверить его и только тогда подписывать обвинительные заключения. Почему вы этого не делали?

Бусоргин. Я не имел времени.

Вышинский. Аресты прокурорам вы санкционировали?

Бусоргин. Санкционировал только в одном случае.

Вышинский. То есть как это – только в одном случае?

Бусоргин. Когда товарищи выезжали в район, я давал согласие.

Вышинский. На что?

Бусоргин. На арест, в случае, если они представляют мотивированное сообщение.

Вышинский. А санкцию вы давали?

Бусоргин. Нет, я узнавал в последующем.

Вышинский. А проверяли?

Бусоргин. Не проверял.

Вышинский. Какой же вы прокурор? Сколько честных людей вы посадили в тюрьму?»

Еще отрывок.

«**Вышинский.** Скажите, как вы арестовали председателя Омского горсовета Желтовского, заведующего горфо Макаева и еще одного работника – Мартынова?»

Бусоргин. Дело возбуждено было еще старым руководством, а санкцию на арест дал я.

Вышинский. А вы – не старое руководство?

Бусоргин. Тогда я не руководил этим делом.

Вышинский. Материал доброкачественный был?

Бусоргин. В отношении материала надо признать, что материал был недоброкачественный.

Вышинский. В том-то и дело, что недоброкачественный...»

Вскоре после этого Бусоргин был арестован и получил срок. Тоже «жертва режима»...

А теперь можно еще раз перечитать первый отрывок из доклада Вышинского и задуматься: а кого конкретно имел в виду Прокурор Союза под затесавшимися в их ряды «изменниками и предателями»?

...В январе 1938 года на сессии Верховного Совета Вышинский был снова назначен Прокурором Союза, сроком на семь лет. Но уже весной 1939 года он оставляет прокуратуру. Почему – неизвестно. То ли его отправили на повышение, то ли сам... Мог и сам, поскольку к тому времени начало уже ощутимо проявляться – что, собственно, происходило в стране в 1937–1938 годах. А прокуратура, как ни крути, несла свою долю вины...

Если о деятельности Вышинского на посту Прокурора Союза пишут и говорят много, то после 1939 года все обличители как воды в рот набрали. Потому что очень это невыгодно – говорить и писать, чем он занимался потом.

Оставив прокуратуру, Вышинский отнюдь не был отправлен на скромную должность в провинцию. 31 мая 1939 года он становится заместителем председателя Совнаркома СССР. И снова, как в Гражданскую, занимается делами малозаметными, но жизненно важными – культурой и просвещением, которым в сталинские времена придавалось колоссальное значение. Но недолго занимается: уже в 1940 году его ждет новая должность. Вышинского назначают заместителем наркома иностранных дел, так что он становится дважды заместителем Молотова – и в Совнарком, и в наркоминдел. Вдумайтесь, какое значение в сталинские времена придавалось дипломатии, если наркомом иностранных дел являлся председатель Совнаркома!

А Вышинский, между прочим, у него – заместителем. Кстати, вплоть до 1953 года он считался за границей «сверхдоверенным лицом Сталина».

После войны мир изменился, изменилось и положение СССР в мире. Все еще более усложнилось: с одной стороны – «холодная война», с другой – появилась социалистическая система. Но Сталин, обладавший к тому времени всей полнотой власти в стране, не ставит на пост министра иностранных дел молодого энергичного политика. Нет, 4 марта 1949 года на этом невероятно важном по тем временам посту Молотова сменил Вышинский.

А знаете, на что это похоже? Похоже, что мы нашли еще одного крупнейшего государственного деятеля СССР, о котором после смерти Сталина насмерть молчали, как молчали о подлинной роли Берии в государстве. Потому что до сих пор непонятно, кто практически занимался в СССР того времени внешней политикой. Молотов был идеальным исполнителем, голосом Сталина, однако высокой инициативности и интеллекта, которые требовались на этом посту, за ним пока что никто не заподозрил. О том, что это был лично Сталин, особых свидетельств не сохранилось – да ему и не разорваться же! Так, может быть, Вышинский и *ведал* в то время внешней политикой, как Берия ведал в годы войны оборонным комплексом, освобождая вождя для других дел?

В марте 1953 года семидесятилетний Вышинский снова сделал шаг «вниз». Молотов вернулся на министерский пост, а бывший министр стал его первым заместителем и постоянным представителем СССР в ООН. Там, в Нью-Йорке, он и умер 22 ноября 1954 года.

И в заключение – две записи из дневника Корнея Чуковского.

23 ноября 1954 г.

«Умер А. Я. Вышинский, у коего я некогда был с Маршаком, хлопоча о Шуре Любарской и Тамаре Габбе. Он внял нашим мольбам и сделал даже больше, чем мы просили, так что Маршак обнял его и положил ему голову на плечо, и мы оба заплакали. Человек явно сгорел на работе».

Да, кстати, об отношении Вышинского к работе мы ведь не сказали. А он пахал на своем посту так, как на своем – Сталин.

И еще одна запись.

7 июля 1962 г.

«Капица сообщил, что Вышинский – посмертно репрессирован: его семью выслали из Москвы – выгнали с дачи, которую они занимали в том же поселке, где живут Капицы (Вышинский был АКАДЕМИК?!).»²¹

Вышинский действительно стал членом АН СССР в 1939 году. Но дело не в этом. После Сталина и Берии это был третий человек, к которому команда Хрущева питала совершенно звериную ненависть. А учитывая, что он был чрезвычайно доверенным лицом Сталина, этим человеком никак нельзя пренебречь, если всерьез разбираться, что же происходило в стране в то время...

²¹ Там же. С. 204.

Глава 3

Море беззакония

Капрал. ...Двоих задержали.
Пьетро. За что?
Капрал. Один вместо «да здоровствует король» кричал «да здоровствует королева».
Пьетро. А второй?
Капрал. Второй – мой сосед.
Пьетро. А он что сделал?
Капрал. Да ничего, собственно. Характер у него поганый. Мою жену прозвал «дыней». Я до него давно добиралюсь...
Евгений Шварц. Тень

Беда ведь не только в том, что сталинское время оболгано. Это бы еще ничего. Беда в другом: оно *не понятно*. О том, что делалось тогда, мы судим исходя из наших сегодняшних реалий. Реалий страны, в которой 60 лет не было настоящей войны (локальные кампании не в счет). Страны, большинство населения которой никогда не голодало и люди которой в большинстве своем не знают, что такое бороться за жизнь. Где практически все имеют среднее образование и такой уровень развития, какой полвека назад не то что населению, а и его элите даже и не снился. Это не говоря о телевизоре...

Между тем большинство нашего населения элементарно трусливо и неспособно выдержать даже некрупное испытание. Мне приходилось видеть тяжелую панику в Москве в августе 1998 года. Никто не думал, что придется всерьез голодать, речь шла всего лишь об оскудении рациона – а какая истерика охватила столицу! Мне приходилось видеть демократически настроенных людей, что были идейными союзниками чеченских сепаратистов, – но едва начались взрывы и тень опасности коснулась их собственного дома, тут же поменяли политическую ориентацию на 180 градусов, и как поменяли! Стали ратовать за то, чтобы сровнять Чечню с землей и закатать асфальтом, не смущаясь тем, что на этой территории живут женщины и дети. По счастью, они не могли ни дать свободу, ни послать бомбардировщики, поскольку относились к интеллигенции – но ведь интеллигенция у нас формирует общественное мнение!

Да, сытый голодного не разумеет... и, не уразумев, судит.

Так что давайте сначала попробуем если не почувствовать время, то хотя бы умом понять, а не просто содрогнуться...

Итак, в 1922 году «горячая» война, длившаяся семь лет, подошла к своему концу...

Гражданский синдром

Я все равно паду на той,
На той единственной, гражданской...
Булат Окуджава

Десятки исследований и романов посвящены «вьетнамскому», «афганскому» и прочим «синдромам». Какой шум в свое время наделали романы Ремарка, впервые поднявшего эту тему! В США ветераны Вьетнама стали серьезной проблемой для общества. А ведь это была всего лишь локальная кампания, война за пределами страны, в которой участвовало не так уж много людей. Равно как и война в Афганистане.

Какой же «синдром» должен был поразить тех, кто прошел через Гражданскую войну? Рядом с его жертвами ремарковские герои – невинные младенцы. И носителями его были

не несколько десятков тысяч солдатиков «ограниченного контингента», а вся страна, люди которой три года убивали других людей на «ремарковской» войне, а потом столько же времени – соотечественников на Гражданской. И ведь это лишь верхушка ледяной горы под названием «айсберг». У нас с самого конца 80-х годов кричат и кричат о том, что вот-вот начнется гражданская война. Помилуйте, какая война?! Кто и кого на ней будет убивать? Для того чтобы началась гражданская война, должны возникнуть совершенно особые условия...

Сейчас любят называть революцию 1917 года переворотом. Забывая о том, что переворот-то произошел не в октябре. Собственно государственный переворот носит у нас название Февральской революции, а Октябрьская – это и не переворот даже, а просто нашла-таки сила, которая осмелилась взять власть в доведенной до развала стране. Дальше, все четыре года (если не все двадцать), большевики всего лишь *останавливали* те процессы, которые запустили прекраснодушные либералы, захватившие власть в Феврале. Потому что к Октябрю страна, уже вкушившая «независимости», не приняла бы никакую власть, и кто бы ни стал у руля, все равно порядок пришлось бы насаждать штыком и пулей. Кто бы это ни был – хоть царь-батюшка, хоть Учредительное собрание, хоть генерал Корнилов... Нет, можно сколько угодно говорить, что пришел бы белый генерал Деникин, восстановил трон, посадил монарха, и благодарное население пало бы на коленочки и возблагодарило Бога и Антона Ивановича. Но в реальности благодетелю пришлось бы сначала полстраны из пулеметов порезать, а вторую половину плюнуть мордами в лужу крови. Ну, а уж потом, в виде особой милости, можно и на колени позволить подняться, чтобы возблагодарить, а не станешь благодарить, так вон оно, рыло-то пулеметное...

После Февраля гражданская война была неминуема...

Дело в том, что за свержением царя и всеобщим развалом последовал даже не бунт, как известно, бессмысленный и беспощадный, а столь же беспощадная, но отнюдь не бессмысленная русская смута. Слишком много взрывчатки накопилось к тому времени в обществе, слишком уж горючим материалом стали его низы.

Не стоит грезить о золотой «России, которую мы потеряли». Не было ее, этой России, да и быть не могло. Если все было так, жил себе поживал великий и богобоязненный русский народ, который развратили какие-то пришлые большевики... Если все было так, то как объяснить, что когда настало время потрясений, из рассевшегося чрева России-матушки вдруг поперло наружу оголтелое зверье. Реальная история Гражданской войны есть история немыслимых зверств, и все они – красные, белые и зеленые, партизаны, чоновцы и бандиты, все они – плоть от плоти нашей идиллической православной России. Если она была так хороша, то откуда *эти* все взялись?

В том-то все и дело, что все эти конфетки-бараночки и румяные гимназистки, упоительные вечера и хруст французской булки – все это было для 10–15 процентов населения Российской империи, не более того. Правда, именно эти 10–15 процентов были грамотны, это они создавали литературу, здесь и в эмиграции, воплощая в ней свой опыт и свои вкусы и интересы, это для них утраченная Россия действительно была «золотой». Но то была тоненькая прослойка, под которой колыхалась темная безъязыкая масса. Одни называют ее быдлом, другие – народом. У этой массы была своя Россия и свои интересы, простые, хоть в букварь записывай: земля, мир, да чтобы жить по-человечески. Знаете, что такое рабочие бараки? Расскажу как-нибудь: это не то, что в кино показывают, это круче... А рядом – красивые витрины, нарядные барыни, лебеди-саночки... И сплошь и рядом не за какие-то заслуги, а просто потому, что довелось удачно родиться...

А вы думаете, классовый подход большевики придумали? Ага, конечно, пришли злые жидомасоны с германскими деньгами и так вот прямо и попортили прекраснодушного русского человека. А до того портрет хозяина-барина у него в красном углу рядом с иконой стоял...

Ведь что, собственно, произошло в Феврале? Верхушка российского общества хотела порулить, только и всего. Они возжелали устроить демократию – *для себя*, – а масса поняла их по-своему. Ребята, а с чего вы взяли, что мы будем делать то, что вы скажете? Мы будем делать то, что мы хотим! Ребята, а кто вы, вообще-то, такие?

И покатилося по России кровавое колесо!

Война сама по себе вещь жестокая. Но гражданская... За каинов грех людей постигает особое озверение. Так, в начале XVII века, в Смутное время, среди войск самозванца никого не было хуже русских. И поляки, и шведы были просто завоевателями, охочими до баб и барахла, а наши россияне сравнивали взятые деревни с землей, не оставив «ни людины, ни скотины». Как это так – вы, соотечественники, смеее быть не с нами?! Три века ничего не изменили.

О Гражданской войне написано много книг, более или менее правдивых. Иногда между ними, по чьему-то недосмотру, проскальзывают и сугубо натуралистические описания. Какой головотяп из цензурного ведомства позволил тиражировать, например, «Железный поток» Серафимовича? Любой идеолог должен был двадцать раз запретить это батальное полотно! Хотя бы за то, что между делом проскальзывают такие вот описания:

«– У нашей станицы, як прийшли с фронта козаки, зараз похваталы своих ахвицеров, тай геть у город к морю. А у городи вывели на пристань, привязалы каменюки до шеи так стали спихивать с пристани в море. От булькнуть у воду, тай все ниже, ниже, все дочиста видать – вода сы-ыня та чиста, як слеза – ей-бо. Я там был. До-овго идуть ко дну, тай все руками, ногами дрыг-дрыг, дрыг, дрыг, як раки хвостом.

Он опять засмеялся, показал белые, чуть подернутые краснотой зубы...»

«Разыскали дом станичного атамана. От чердака до подвала все обыскали, – нет его. Убежал. Тогда стали кричать:

– Колы нэ вылизись, дитэй стубим! Атаман не вылез.

Стали рубить детей. Атаманша на коленях волочилась с разметающимися косами, неотдираемо хватаясь за их ноги. Один укоризненно сказал:

– Чого ж кричишь, як ризаная? От у мене аккурат як твоя дочка, трехлетка... В щибень закопали там, у горах, – та я ж не кричав.

Срубил девочку, потом развалил череп хохотавшей матери».

А чего отворачиваться? Вот он, народ-богоносец, во всей своей красе, воспитанный и взращенный в недрах православной Руси!

Почитаем еще. Дмитрий Фурманов: «Чапаев».

«С боем вошел в Трифоновку и на отдых расположился 220-й полк. Когда красноармейцы вошли в крайнюю халупу, их поразило обилие кровавых пятен на полу... Крестьянин повел их под навес и там на куче навоза, чуть разбросав с макушки, указал на что-то окровавленное, бесформенное, грязно-багровое: “Вот!” Бойцы переглянулись недоуменно, подошли ближе и в этой бесформенной, залитой кровью массе узнали человеческие тела. Сейчас же штыками, ножами, руками разбросали навозную кучу и вытащили два теплых трупа: красноармейцы.

Вдруг у одного из трупов шевельнулась рука, – державшие вздрогнули, инстинктивно дернулись назад, бросили его снова на навоз... и увидели, как за рукой согнулась нога, разогнулась, согнулась вновь... Задергалось веко, чуть приоткрылся глаз из-под черных налитых мешков, но мертвенный, оловянный блеск говорил, что мысли уже не было...

Два красноармейца, кашевары Интернационального полка, по ошибке попали сюда несколько часов назад, приняв Трифоновку, занятую белыми, за какую-то другую деревню, где были свои. Подъехали они к избе, спрашивают, где тут разыскать хозяйственную часть. Из избы повыскакивали сидевшие там казаки, с криком набросились на опешивших кашеваров. Стащили на землю и тотчас же погнали в избу. Сначала допрашивали, кто и откуда они,

справлялись, где и какие стоят части, сколько в каждой части народу. Сулили красноармейцам полное помилование, если только станут рассказывать правду. Верно ли, нет ли, но что-то кашевары им говорили. Те слушали, записывали, рассказывали дальше. Так продолжалось минут десять.

– Больше ничего не знаете? – спросил один из казаков.

– Ничего, – ответили пленные.

– А это што у вас вот тут, на шапке-то, звезда? Советская власть сидит? Сукины дети! На-ка, нацепили...

Красноармейцы стояли молча, видимо, чуяли недоброе. Среди присутствовавших настроение быстро переменялось. Пока допрашивали – не глумились, а теперь насчет «звезды» и брань поднялась, и угрозы, одного ткнули в бок.

– Кашу делал?

– Делал, – тихо ответил кашевар.

– Большевиков кормил, сволочь?

– Всех кормил, – еще тише ответил тот.

– Всех?! – вскочил казак. – Знаем мы, как вы всех кормили, подлецы! Все разорили, везде напакостили...

Он выругался безобразно, развернулся и ударил красноармейца по лицу. Хлынула из носа кровь... Только этого и ждали, как сигнала: удар по лицу развязал всем руки, вид крови привел моментально в дикое, бешеное, кровожадное состояние. Вскочившие с мест казаки начали колотить красноармейцев чем попало, сбили с ног, топтали, плевали...

Наконец один придумал дьявольское наказание. Несчастных подняли с полу, посадили на стулья, привязали веревками и начали вырезать около шеи кусок за куском полоски кровавого тела... Вырежут – посыплют солью, вырежут – и посыплют. От нестерпимой боли страшно кричали обезумевшие красноармейцы... Так мучили несколько минут: резали и солили... Потом кто-то ткнул в грудь штыком, за ним другой... но их остановили: можешь заколоть насмерть, мало помучится! Одного все-таки прикололи. Другой чуть дышал – это он вот теперь и умирал перед полком...

Когда из Трифоновки несколько часов назад стали белые спешно уходить, двух замученных кашеваров оттащили и спрятали в навоз...

В следующем бою красноармейцы не взяли ни одного пленного. И стоит ли удивляться?

О казаках и вообще разговор особый. Им было за что бороться: на Дону и на Кубани, например, они имели земли в десять (!) раз больше, чем иногородние, не говоря уже о прочих привилегиях. Естественно, иногородние стали за красных, а казаки, почуяв, что пахнет равенством... Ведь о чем написана книга «Железный поток»? Когда красные части стали уходить с Кубани, иногороднее население, покидав детей и пожитки в телеги, бросая все, рвануло за ними. Знали, что их ждет. Были станицы, где казаки вырезали иногородних *поголовно*...

Войны ведутся из-за денег! Мировая война шла из-за границ да рынков сбыта, ради материальных интересов «верхов» – и сколько крови! А Гражданская? Казаки защищали свои привилегии, российские верхи – упоительные вечера и хруст французской булки, крестьяне боролись за землю, городские низы – за то, чтобы жить по-человечески. Представляете себе, какова война, где затронуты материальные интересы *всего населения*?

Так что же вы думаете, неужели этот, что с жадным любопытством наблюдал агонию умирающих соотечественников, или тот, что рубил детишек, – они после войны так вот просто вернутся, заживут своим домом, примутся за честный труд, как будто ничего и не было? Те, что в озверении били пашками своих, русских, или эти, спокойные, которым убить ребенка – что муху прихлопнуть, после войны придут, обнимут жену, поправят крышу, и словно ничего не было? И отцы, братья, сыновья офицеров побратаются с их убийцами? И родные погубленных детишек ни на кого зла не затаят?

Говорят, поначалу убивать трудно. Фурманов даже целый разговор провел с Чапаевым на эту тему. Легендарный командир рассказывал:

«— Побыл бы ты с нами в тысяча девятьсот восемнадцатом году... Как же ты там без расстрела-то будешь? Захватил офицеров в плен, а охранять их некому, каждый боец на счету – в атаку нужно, а не на конвой. Всю пачку так и приканчиваешь... Да все едино – они нас миловали, што ли? Эге, батенька!

– А первый свой приговор, Чапаев, помнишь?

– Ну, может, и не самый первый, а знаю, што трудно было... Тут всегда трудно начинать-то, а потом привыкаешь...

– К чему? Убивать?

– Да, – просто ответил Чапаев, – убивать...

Говорил Федор и с другими закаленными, старинными бойцами. В один ему голос утверждали, что в каком бы то ни было виде заколоть, зарубить ли, приказ ли отдать о расстреле, или расстрелять самому – с любыми нервами, с любым сердцем *по первому разу* робко чувствует себя человек, смущенно и покаянно, зато потом, особенно на войне, где все время пахнет кровью, чувствительность в этом направлении притупляется, и уничтожение врага в какой бы то ни было форме имеет характер почти механический».

А теперь представьте себе, как решает любые возникшие проблемы человек, для которого убийство «имеет характер почти механический».

«Жёнка пишет, купец наш до того обижает, просто жить невозможно. Я так решил: мы за себя не заступники были, с нами, бывало, что хошь, то и делай. А теперь повиучились. Я каждый день под смертью хожу, да чтобы моей бабе крупы не давали, да на грех... Нет, я так решил, вернусь и нож Онуфрию в брюхо...» Это из солдатского письма времен Первой мировой, а впереди еще Гражданская...

Немногие из привыкших убивать покаялись, большинство давно утратили это чувство. От работы эти люди тоже отвыкли: работать тягостно и скучно, не то что носиться по стране на лихом коне, грабить, убивать и насиловать. Помните рассказ Алексея Толстого «Гадюка»? Таких были миллионы во взбаламученной, умытой кровью России – непригодных к мирной жизни, не находящихся себя в ней и готовых при первом же сигнале трубы снова вскочить в седло – и «вечный бой, покой нам только снится!» И находили они себя, как правило, внутри и около партии большевиков, поскольку борьбы там было столько, что хватит не на одну жизнь.

Впрочем, зачастую их ждал адекватный ответ. «Мирное» население ведь тоже было мирным только по названию. Пройдя через войну, карточную систему, продразверстку, оно привыкло в жестокой борьбе оборонять свой кусок хлеба. Сейчас много пишут о жесточайших методах подавления крестьянских восстаний. А много ли пишут о том, что творили, например, антоновцы? Для их плененных противников расстрел был подарком судьбы. Их жгли живьем, убивали специальными молотками с наваренными зубьями или специальными зазубренными вилами. Вдумайтесь, не простыми, а специальными – не пожалели труда изготовить! Привязывали к скачущим лошадям, распарывали и набивали зерном животы. Винтовка в сарае была, считай, у каждого, а кое у кого и пулеметик имелся. И защищали свои дома, хлебушек, коров и баб они не на шутку. На этом мотиве сыграл Евгений Матвеев в своем знаменитом фильме «Любить по-русски». Так представим себе этот фильм, главный герой которого, перед тем как пальнуть из пушки, крестится не со словами «Господи, только бы не попасть!», а закладывает зажигательный снаряд и говорит: «Господи, помоги не промахнуться!» А пленным бандитами не бьет морду, а вспарывает животы и набивает их спорной землицей. Это мирное население. «Кровью умытые» были куда как хуже.

На Западе для молодежи, ушедшей на войну, придумали даже специальный термин – «потерянное поколение». А как назовем то, что было у нас – «потерянный народ»? И что,

скажите, делать с таким народом, по какой пустыне водить его сорок лет, пока не вымрут все «кровью умытые»?

Ситуация усугублялась тем, что страна была полностью неуправляема. Что представляла собой Советская Россия в то время? Это была страна, 80 % населения которой жило по деревням, по полгода без дорог, без связи, без средств массовой информации. В каждом уездном городке была своя практически автономная власть, а в деревнях вообще не было никакой. Народ жил простыми и конкретными интересами, не поддаваясь воздействию никаких идей и идеологов, кроме самых элементарных лозунгов, точнее, всего двух лозунгов – обещания земли и мира. Большевики и пришли к власти на этих простых лозунгах – в городах. В деревнях землю и мир мужики взяли сами. А теперь эту стихию надо было как-то увязывать с общесударственным интересом. И тогда в деревнях появилась власть – те самые «кровью умытые», которые с радостью отозвались на зов трубы.

Вниз, к зверю, идти всегда легче и быстрее, чем вверх, к человеку. И чем глубже спуск, тем меньше шансов потом снова подняться. За годы войны население России в массе своей озверело, одичало, привыкло к убийству, к тому, что лучший способ заиметь кусок хлеба – отнять его, а лучший арбитр всех и всяческих споров – товарищ маузер. И носители подобных привычек – так уж получилось, – оказались «наверху», во власти. Иные добивались до больших высот, другие были председателями сельсоветов и райсоветов, милиционерами и следователями, председателями парторганизаций и коммунистическим активом – все властные структуры, сверху донизу, были наспигованы людьми, которые не только не могли, но и не хотели расстаться с привычками Гражданской войны.

И все началось снова. А потом еще раз снова... И потом – еще раз... И еще...

Из реки по имени «факт»

Если факты на твоей стороне – бей фактами.

Если закон на твоей стороне – бей законом.

Если на твоей стороне ни фактов, ни закона – бей кулаком по столу.

Джером Майкл, американский правозед

1. Из докладной записки Вышинского Сталину и Кагановичу от 23 января 1934 г.

24 июля 1933 г. в селе Стеклянке Таврического сельсовета Шемонаихского района Восточно-Казахстанской области в колхозе «Завет Ленина» был совершен самосуд над тремя лицами: Фоминых Анисимом – 73-х лет, середняком, его сыном Фоминых Ефимом – 21 года и Еременко Иваном – кулаком. Оба Фоминых были задержаны за кражу колхозной коровы, а Еременко за ранее совершенные преступления. Самосуд кончился убийством названных лиц.

По сообщению областного прокурора, организатором самосуда был начальник политотдела Ново-Шульбинской МТС тов. Морицинин...

23 июля 1933 г. местный милиционер Дроздов задержал за кражу коровы обоих Фоминых и направил их в свою камеру в Ново-Шульбинский сельсовет, где содержался ранее задержанный Еременко. Начполитотдела т. Морицинин 23 июля прибыл в камеру милиционера Дроздова и приказал последнему немедленно отправить арестованных в село Стеклянку, где находится правление колхоза «Завет Ленина», якобы для производства дополнительного расследования. В правление колхоза, куда были отправлены арестованные, вслед за последними, прибыл Морицинин. Морицинин предложил председателю правления колхоза – члену ВКП(б) тов. Коновалову собрать 24 июля общее собрание колхозников, на котором и убить задержанных. Собрание 24 июля было созвано, арестованные были выведены к собравшимся и в течение 5–8 минут были убиты. Сам тов. Морицинин во время самосуда в колхозе не был...

Так как в Политуправлении НКЗ (Наркомат земледелия. – Е. П.) СССР имелись сведения от политсектора НКЗ Казахской АССР о непричастности Морицинина к самосуду, нами было поручено прокурору Казахской АССР провести дополнительное расследование по этому делу.

Дополнительным расследованием установлено, что начальник политотдела Морицинин играл организующую роль в самосуде над отцом и сыном Фоминых и Еременко. Сам Морицинин в своей докладной записке подтверждает это, причем Морицинин, не снимая с себя ответственности за организацию самосуда, указывает, что установку на организацию самосуда дал секретарь Шемонаихского райкома т. Александров, усматривающий в самосудах средство быстрейшего пресечения расхищения колхозного имущества. Из докладной записки ответственного инструктора политсектора МТС Казнаркомзема т. Чайкун видно, что установки об организации самосудов якобы давались одним из руководящих работников крайкома на общем совещании начальников политотделов и что о факте самосуда в селе Стеглянке был своевременно информирован первый секретарь обкома Восточно-Казахстанской области т. Стакун, но никаких указаний последним по этому вопросу дано не было.

...Считаю, что Морицинин должен быть привлечен к уголовной ответственности. Одновременно считаю необходимым поставить вопрос о привлечении к ответственности секретаря райкома т. Александрова за дачу указания о проведении самосудов и секретаря обкома т. Стакуна за то, что им не было принято должных мер по имевшему место самосуду.

Ввиду того, что т. Морицинин в своей докладной записке сообщает о бездействии судебно-следственных органов района по борьбе с хищениями колхозного имущества, мною предложено облпрокурору немедленно выехать в Шемонаихский район для тщательного обследования деятельности органов прокуратуры и следствия.

Прошу Ваших указаний»²².

На записке резолюция: «Дело прекратить. Обязать Мирзояна²³ вызвать к себе Морицинина и Александрова и разъяснить им недопустимость самосудов». И подписи: Сталин, Молотов, Ворошилов, Каганович. Секретарь опросил остальных членов Политбюро – Калинина, Куйбышева, Орджоникидзе, Микояна. Все высказались «за».

Вот она в действии, система уничтожения народа проклятыми коммунистами! Зверски убиты три человека, и никто за это не ответил. Кулаки, расхитители – стало быть, не люди, так?

Ан не так вовсе. Во-первых, почему никто не ответил? Вышинский ни слова не говорит ни о председателе колхоза, ни о других непосредственных убийцах. По очень простой причине: ввиду отсутствия присутствия каких-либо затруднений. В тупик его поставил лишь один частный момент: как быть с начальником политотдела МТС и его специфической в этом деле ролью?

Во-вторых, почему же «система»? Случай этот как раз потому и дошел до Политбюро, что был вопиющим. Если бы такое происходило повсеместно, дело решили бы в рабочем порядке. А тут мало того, что все присутствующие члены Политбюро проголосовали, так еще и отсутствующих опросили.

А в-третьих, почему Вышинский вообще обратился с этим делом в Политбюро? Или он и вправду не знал, как поступить с организатором убийства? Знал, конечно. Так что же смутило Прокурора Союза в этом случае, по которому «буква закона» дает совершенно однозначные рекомендации? Да именно потому, что это как раз тот случай, когда «требования закона... корректируются пониманием цели, которой он призван служить...».

Начальник политотдела, по сути, – стрелочник. Он не сам все это придумал, а получал установки из райкома, которые шли «сверху» – из крайкома. Ситуация сложилась такая,

²² Советское руководство. Переписка. 1928–1941. М., 1999. С. 268–270.

²³ Л. И. Мирзоян – первый секретарь Казахского крайкома с 1933 г. Репрессирован в 1939 году.

что власти в Казахстане дают установку на беззаконие – а отвечать должен исполнитель. Ведь, говоря по-простому, как дело было? Морщинин получил инструкции и довел их до колхозников. Он предложил, те согласились, он им помог все организовать. По-видимому, и ситуация назрела – ну что это такое, воруют и воруют, правоохранные органы ни хрена не делают, куды крестьянину податься? В том, что касается буквы закона, тут все ясно, а вот в том, что касается цели, которой этот закон должен служить, ясно не все. Поэтому-то Прокурор Союза и обращается к верховной власти.

Задача этой самой власти куда сложнее. Они-то обязаны видеть все в комплексе. И эпидемию воровства, захлестнувшую страну; и бездеятельность «органов», которые не то пьянствуют, не то с ворами в доле; и отчаяние властей, исчерпавших все законные способы борьбы; и «революционную законность» засевших в райкомах «кровью умытых»; и привычки крестьян: самосуд над ворами для отдаленных краев – дело обычное. Они должны думать и о колхозном движении, и о законе, и об авторитете партии, то есть власти. Им предстоит решить это уравнение со множеством членов *в пользу общества* – и посоветоваться не с кем: все, приехали – высшая инстанция.

Они решили «стрелочника» не сажать. Какие меры были предприняты Политбюро по партийной линии, неизвестно.

2. Из записки Н. В. Крыленко И. В. Сталину от 31 марта 1936 г.²⁴

«...Приходится констатировать... практику чрезвычайно распространительного толкования судами, прокуратурами и органами Наркомвнудела статьи 58–10 УК... Согласно точного смысла этой статьи, подлежит преследованию лишь агитация, содержащая “призыв к свержению, ослаблению или подрыву Советской власти”. Вот ряд примеров, характеризующих явно недопустимые перегибы по ряду этих дел.

По делу № 1054 спецколлекцией Курского облсуда осужден Мезенцев А. Б. ...к 10-ти годам лишения свободы... В 1934 г. он высказывался, “что кооперация на селе торгует плохо”. В 1935 году выступил на правлении и на общем собрании колхозников против продажи 500 центнеров зерна, предложив продать 200 центнеров, что и было принято общим собранием колхозников. После этой продажи колхозники получили на трудодень всего около 3-х килограммов.

Спецколлекцией Верхсуда приговор отменен и дело производством прекращено.

По делу № 8612 Спецколлекция Западно-Сибирского крайсуда... 9 декабря 1935 г. осудила... к 3-м годам лишения свободы Веденцева А. И., середняка, колхозника. 14-го октября 1935 г. осужденный выступил на собрании по вопросу хлебозакупа, критиковал председателя правления, говоря, что он втирает очки колхозникам и что на трудодень не достанется 4-х килограммов. Затем задал представителю района Новикову вопрос, является ли хлебозakup добровольным или это обязательство? Последний разъяснил, что это обязательство. Веденцев тогда заявил: “Раз это обязательство, зачем нас собирать?” и ушел с собрания.

Спецколлекция Верхсуда дело производством прекратила.

По делу № 241 Спецколлекцией казахстанского Главсуда осужден... Савельев к 2-м годам лишения свободы за то, что во время проведения общего собрания по хлебозакупке выступил с предложением вместо 15 тонн хлеба продать кооперации 10 тонн хлеба. Окончательный план по данному колхозу был утвержден в 6 тонн хлеба.

Спецколлекцией Верхсуда дело производством прекращено.

Спецколлекция Казахстанского Главсуда осудила Мешикова... к 3-м годам лишения свободы за то, что он, выступив на общем собрании, сказал: “Заем дело добровольное, на 150 рублей подписаться я не хочу, а подпишусь на 100 руб”. Кроме того, когда делался доклад

²⁴ Советское руководство. Переписка. 1928–1941. М., 1999. С. 324–328.

о построении бесклассового общества, бросил реплику: «При коммунизме не может быть безвластия».

Приговор отменен, и дело возвращено к рассмотрению.

Дело № 838. Спецколлегия Западно-Сибирского крайсуда по групповому делу осудила Жуковского, колхозника... к 2-м годам лишения свободы за то, что на почве недовольства бытовой обстановкой он заявил, что работать в колхозе не будет, подал заявление о выходе и ушел работать в совхоз.

Дело в отношении Жуковского производством прекращено».

Как видим, все это имело место задолго до «тридцать седьмого года» – когда у представителя власти не хватало аргументов или когда его попросту ткнули мордой в стол, в дело тут же шла статья об «антисоветской агитации». Обратите внимание, что самые вопиющие примеры Крыленко брал, в основном, из практики двух краев – Казахского и Западно-Сибирского. С порядками, которые бытовали в первом, мы уже столкнулись в предыдущем примере, ко второму еще обратимся. Западная Сибирь – вотчина товарища Эйхе, а к этому человеку интерес особый.

Читаем дальше.

«...По делу мосгорсуда... по обвинению Пиранкова и Чернова установлено, что дело возникло по инициативе жены осужденного – Пиранковой Валентины, заявившей брату мужа, коммунисту Пиранкову Михаилу о том, что ее муж со своим другом Черновым в разговорах между собою критиковали мероприятия Советской власти в контрреволюционном духе и одобрительно отзывались о событиях 1 декабря 1934 г.²⁵ Пиранков Михаил потребовал сообщения об этом следственным властям и совместно с женой подсудимого подал официальное заявление в УНКВД. В процессе предварительного и судебного следствия подсудимый отрицал обвинение, заявляя, что жена показывает ложно из мотивов ревности, так как он мало бывал дома и часто гулял со своим другом Черновым. Через 4 дня после обвинительного приговора – 20 января 1936 г. Пиранкова Валентина подала в Прокуратуру РСФСР и СССР заявление, что она из мотивов ревности оговорила своего мужа и признала себя ответственной за ложный донос.

...По делу № 1384 спецколлегия мосгорсуда осудила 27 января 1936 г. Егорочкина Ивана... к 10 годам лишения свободы. Это дело возникло по заявлению отца обвиняемого, в качестве свидетелей выступали родной брат подсудимого и близкие знакомые отца. На суде выявился простой оговор на почве жилищной неурядицы...»

Что это – «тридцать седьмой год», который на самом деле наступил чуть раньше? Или же процесс, который шел все время, начиная с 1917 года? Просто Хрущев и его команда заметили ситуацию, когда стали сажать и стрелять *социально близких* – таких же партийных функционеров, как и они сами. А о беспартийном народишке чего беспокоиться? Кстати, оба случая произошли в Москве, вотчине Никиты Сергеевича...

Продолжим.

«Спецколлекцией куйбышевского крайсуда осужден... к 3-м годам заключения Виноградов, 1918 г. рождения.

В школе № 24, где в 10-м классе учился Виноградов, обнаружили в парте 4 маленьких записки-анонимки. В трех из них написано следующее: «Я, товарищи, прошу вас быть застрельщиками буржуазийской власти». «Я стал первым застрельщиком буржуазийской власти».

По делу проходят два свидетеля. Директор школы Руднева показала, что записки были обнаружены 31 октября и только после неоднократных бесед в присутствии зав. РайОНО 17 ноября Виноградов сознался, что записки написал он. Свидетель Мрыкин, 1919 г. рожд.,

²⁵ 1 декабря 1934 года был убит С. М. Киров.

показал, что его обвиняют в распространении контрреволюционных листовок и, хотя он не писал и не распространял, но сказал на допросе директору и в НКВД, что это сделал он. Мрыкин отзывается о Виноградове как о слабохарактерном, которого можно легко уговорить, и удивляется двойственности его поведения.

Виноградов на первом допросе 23 ноября, действительно, показал, что три записки из четырех писал он, а на втором допросе 2 февраля показал, что дал такое ложное показание директору и НКВД только лишь потому, что директор обещал, что если он скажет, что записки написал он, то его оставят в школе и судить не будут».

Вот уж тут, что называется, все хороши! И школьное руководство, раздувающее из подросткового идиотизма уголовное дело; и НКВД, которое это дело начинает и три месяца (!) ведет по нему следствие (Крыленко относит это дело к тем, которые «вовсе не надо было возбуждать»). При этом доблестные чекисты не знают других методов работы, кроме допросов, — о такой вещи, как графологическая экспертиза, они, похоже, просто не слышали. Хороши и судьи, штампующие приговоры по любой ерунде, и, само собой, прокурор... Ну а директор школы, по-моему, просто сволочь...

Это я к тому, какова была питательная среда для «тридцать седьмого года». Это уже даже и не чернозем, а спецпочва какая-то, на которой картошка величиной с ананас вырастает...

3. Из письма крестьянина Криницина «всероссийскому старосте» М. И. Калинину от 11 октября 1928 г.

«Мое хозяйство было всегда и считается до настоящего времени середняцким, а весной настоящего года был поднят в сельсовете вопрос о причислении меня к группе бедняков. Но вдруг получаю окладной лист № 212, где на меня наложено налога в индивидуальном порядке 139 рублей 65 копеек... Семьи имею 8 едоков, трудоспособный единственный сын Кузьма — в Красной Армии, а более трудоспособных нет. Я стар. А почему же на мое бедняцкое и красноармейское хозяйство наложили налог, на уплату которого нужно продать все хозяйство? Причину этого сказал член комиссии: "Он в церковь ходит, нужно его проучить"... А где закон, что за ходьбу в церковь нужно разорять хозяйство?»²⁶

«Кровью умытых» вообще отличает патологическая ненависть к церкви. Это один из признаков, по которому мы будем узнавать их в дальнейшем.

Из письма А. К. Кривко члену Политбюро В. Я. Чубарю. 25 января 1938 г.

«К Вам, нашему депутату Верховного Совета, пишет молодая 18-летняя девушка в надежде получить от вас хоть маленькую помощь... мой отец... и его брат... арестованы органами НКВД (Харьков) транспортного отделения... Сейчас меня совершенно выбросили за борт жизни. Меня и мою семью Харьковская железнодорожная прокуратура выселила из собственного домика в г. Мерефа... Зима, холодно, я без работы, у меня семья: больная мать 40 лет, маленькая сестра 1 год 3 месяца, бабушка 70 лет. Нигде не принимают на квартиру, я абсолютно не имею и средств уплатить за квартиру, с большим трудом устроилась у одной своей родственницы... В маленькой комнатухе помещается 6 человек, к тому же хозяйка больна туберкулезом легких...

Наш домик, который по праву принадлежит матери (она продала все свои вещи, пока его построила) и нам, детям, сейчас стоит пустым, его запечатали, а мы живем в такой каморке, каждую минуту опасаясь за свое здоровье... За что мы страдаем? Разве мы должны отвечать за отца, разве мы виноваты, что родились именно от этого человека? Ведь отец с нами никогда ничем не делился... Дорожный прокурор не смотрит на это, хотя я и подавала

²⁶ Письма во власть. 1928–1939. М., 2002. С. 47.

ему заявление, просила разрешить жить мне и моей сестре в своем доме. Ответом были слова: «Не положено, я подчиняюсь постановлению высших органов».

...Когда отца арестовали... я была вынуждена оставить учебу и пойти работать. С большими усилиями я устроилась на работу в свиноводхоз в Мерефе и удержалась там только 17 дней: директор совхоза побоялся держать дочь арестованного... Прошло два месяца, и я нигде не могу найти себе работу, нигде меня не принимают... Где я ни пыталась достать работу, я получала ответ: «У нас работы нет. При таких обстоятельствах Вас принять не можем, мы даже снимаем с работы тех, у которых родственники арестованы органами НКВД». Но ведь я же гражданка Советского Союза, за Сталинской Конституцией имею право на труд, право на жизнь. Или мне остается совсем уйти из жизни, только в начале покончить жизнь сестры, а потом и свою? Другого выхода, как сделать это, я не вижу...»²⁷

Адресат переправил письмо Вышинскому. Жалобу проверили, выселение отменили, девушке предоставили работу. Самое интересное во всем этом деле – слова прокурора: «Не положено, я подчиняюсь постановлению высших органов». Интересно, постановление каких высших органов выполняла дорожная прокуратура города Харькова (Украина)? Явно ведь не Прокуратуры Союза...

Теперь о судах. Здесь ситуация та же самая, что и везде. О чем свидетельствует следующий документ.

Из Записки в КПК²⁸ при ЦК ВКП(б) в отношении Н. В. Крыленко²⁹. Подписали работники КПК С. Шадунц и М. Чернин. (Предположительно 1937 – начало 1938 г.)

«Несмотря на известное Лепельское дело, ни в Белорусских судебных органах, ни в Наркомюсте необходимые выводы не сделаны. Бывший Наркомюст БССР Кудельский сообщил в Наркомюст Союза, что им проверяется работа судов по Лепельскому округу. На самом же деле ничего до сих пор не сделано. Макаровский Михаил был осужден Лельчицким нарсудом Белоруссии на 3 года, Верхсуд заменил наказание штрафом в 400 руб., тем не менее он три года отсидел в тюрьме, с него взыскали 400 р., а по возвращении домой его выслали в Сибирь «как осужденного». В Любанском районе Белоруссии Томкович Иван был осужден на 3 года «как злостный неплательщик» госпоставок, проверкой установлено, что он недополнил поставок только на 9 кг зерна, а другие поставки он перевыполнил. Строчке Александра была осуждена Сенненским нарсудом Белоруссии 25 апреля 1934 г. к лишению свободы на 5 лет. Верхсуд отменил и послал райпрокурору на следствие, который ничего не сделал, а Строчке продолжала сидеть в тюрьме. 18-летняя Ольга Конькова была осуждена вместо брата на 10 лет лишения свободы за невыполнение сельхозпоставок и только через три года (Х. 1936 г.) была освобождена по ходатайству прокурора лагеря³⁰. С другой стороны, фашисты Яното и Риза, связанные со шпионскими организациями в Германии и с Германским консульством в СССР, осуждены Спецколлегией Верхсуда Белоруссии всего на 3 года и без поражения в правах. В Чауссах вдохновитель ночных разбоев б. нач. политотдела МТС Морозов был осужден на 1 год принудительных работ, а выполнявшие его волю и директивы 4 председателя сельсовета и 4 председателя колхозов осуждены на 8–10 лет каждый³¹. За последние 3 года осуждены в Белоруссии свыше 500 председателей сельсоветов и больше 3000 председа-

²⁷ Там же. С. 394–395.

²⁸ КПК – Комиссия партийного контроля.

²⁹ Н. В. Крыленко – нарком юстиции СССР.

³⁰ А ему-то какое дело? Повезло девчонке, попала на приличного человека!

³¹ Едва ли обкомы и райкомы в Белоруссии давали санкции на ночные разбои.

телей колхозов. Многие дела об избиениях колхозников (подвешивание за ноги, привязывание к оглоблям телеги, оставление на сутки привязанными к скамейке в канцелярии колхоза и т. д.) были смазаны³².

Дела о вредительстве также смазывались. За отравление 50 рабочих на могилевской шелковой фабрике ответственный за технику безопасности Войткевич был осужден только на 1 год принудительных работ, после чего он перешел на работу по той же специальности на труболитейный завод, где начались массовые аварии с человеческими жертвами, а один рабочий был перерезан краном на две части. Войткевичу дали возможность скрыться. Много дел о вредительстве просто прекращено³³. В кассационной коллегии Верховного суда обнаружены без ответа 462 жалобы, из которых многие лежат по году-два. В результате ряд лиц, незаконно осужденных в Белоруссии, продолжают сидеть в тюрьмах, а враги народа, вредители, остаются во многих случаях не наказанными...

До последнего времени продолжала действовать вредительская инструкция НКЮ Верховного суда БССР «О порядке выполнения судебных решений», согласно которой судисполнителю представлялось право по его личному усмотрению приостанавливать или даже прекращать выполнение решений суда. Следствия по делам тянутся годами...»

В конце записки ее авторы предлагают привлечь к ответственности наркома юстиции Н. В. Крыленко за тот бардак, что он развел в своем ведомстве. Тот действительно был снят и арестован, но не за должностные преступления, а за «принадлежность к право-троцкистской организации». Вот и разбирайся, где тут бардак, а где развлекается оппозиция...

Репрессии еще больше усилили бредовость советской правоохранительной и судебной системы. Вышинский в докладе от 28 января 1938 г. «О некоторых недостатках в работе прокуратуры и мерах по их устранению» привел уже совершенно замечательные факты.

«В Ленинградской... области сторожа колхоза приговорили к одному году исправительно-трудовых работ за халатность, так как “во время его дежурства погибла корова от преждевременного отела”.

В Курской области... на нескольких колхозников напал бык, который, как отмечалось в документах, “обычно бросался на людей”... От быка отбились, не причинив ему, впрочем, никакого вреда. Но, к несчастью колхозников, на другой день этот бык, как написано в обвинительном заключении, “отказался покрывать коров”. Поэтому против людей, с трудом отбившихся накануне от разъяренного быка, возбудили уголовное дело по статье 79–1 УК РСФСР (умышленное изувечение скота с целью подрыва коллективизации сельского хозяйства и воспрепятствования его подъему). Их судили и приговорили к исправительно-трудовым работам.

А в Баку был устроен грандиозный показательный процесс над группой школьников от 8 до 18 лет. Обвинительное заключение было внушительное – на 108 листах. В чем конкретно провинились ребята, красноречиво свидетельствуют такие эпизоды их “преступной деятельности”. Двое 13-летних мальчиков обвинялись в “злонамеренном укрытии берета одной девочки”. Другие подростки попали под суд лишь за то, что они “ловили детей на улице”, чем якобы нарушали общественный порядок (дети просто играли в так называемые “салки” или “пятнашки”). Прокурор, бывший одним из устроителей этого “процесса”, явился на него в нетрезвом виде, а когда ребяташки-подсудимые закричали, что прокурор пьян, он вытащил из кармана наган и стал “прокладывать себе дорогу к прокурорскому месту”»³⁴.

Ну, имея представление о методах работы Вышинского, можно не сомневаться: бакинский прокурор получил по мозгам так, что, может, даже пить бросил. Но что любопытно:

³² Следует ли понимать так, что эти 3500 руководителей были осуждены за издевательства над подчиненными?

³³ Как вы полагаете, если термин «вредительство» заменить на «преступная халатность», суть дела от этого изменится?

³⁴ Звягинцев А., Орлов Ю. Прокуроры двух эпох. С. 190–192.

как показывает история с «анонимками», такой процесс не может обойтись без участия педагогических работников. Интересно, получили ли свое учителя, помогавшие прокурору в организации процесса? Хотя учитывая, что Андрей Януарьевич после прокуратуры стал работать «по линии образования» – надо думать, получили...

Вся эта шизофрения началась не в 1937 году. Она шла все время, усиливаясь в периоды массовых кампаний, ослабевая в промежутках, – но была неизменным фоном правоохранительной работы Страны Советов. Свою роль в репрессиях она сыграла, однако не стоит думать, что одной лишь шизофренией все и ограничилось. Были и другие составляющие, чуть ниже мы их рассмотрим.

А теперь взглянем на цифры. Если мы возьмем данные по числу осужденных за контрреволюционные и другие особо опасные государственные преступления, то заметим интересную вещь. Действительно, 1937 и 1938 годы дают резкий всплеск по количеству смертных приговоров³⁵ (353 074 и 328 618 соответственно), против 1935-го (1229), 1936-го (1118), 1939-го (2552) годов. Но если брать число заключенных в лагеря, колонии и тюрьмы, то картина уже иная. Примерно с 1930 года это число варьируется от 60 до 100 тысяч человек. Затем начинается увеличение: 1935 г. – 185 846 чел.; 1936 г. – 219 418 чел.; 1937 г. – 429 311 чел.; 1938 г. – 205 509 чел.; 1939 г. – 54 666 чел. (на уровне 1934 года). Здесь тоже имеет место максимум, но уже не резкий всплеск в 1937–1938 годах, а постепенный подъем, начиная с 1935-го; не в сотни раз, а всего лишь в два раза число заключенных в лагеря и тюрьмы вырастает в 1937 году и уже в 1938-м возвращается к 1936 году, а затем опускается и больше не поднимается выше 70–80 тысяч даже в годы войны.

Естественно будет предположить, что здесь наложились друг на друга два разных графика, два процесса. Допустим, некая кампания в 1937–1938 годах, выражавшаяся, в основном, в расстрелах, и усиление борьбы с «врагами народа», обусловленное объективными причинами. Может быть, их возросшей активностью, может быть, улучшением работы правоохранительных органов (ну и, конечно, плюс шизофрения тоже, кто же спорит...)

И сразу же лезут всякие «неудобные» вопросы. Например, против кого были направлены репрессии 1937 года? Ведь колхозника трудно подвести под расстрельную статью – как он может заниматься в своем колхозе шпионажем, саботажем с особо тяжелыми последствиями, подрывом обороноспособности Родины и пр.? Конечно, лишение быка производительной силы есть дело нехорошее, но на особо опасные деяния не тянет. Аналогичные соображения касаются и рабочих. Нет, чтобы попасть под эту статью, надо в первую очередь *иметь возможность* такие деяния совершать.

А вот для этого у нас есть еще одна табличка: статистика НКВД за 1937 год по социальному составу осужденных. И тут нас снова поджидают неожиданности – да еще какие!

У нас ведь как принято думать? Репрессии 1937 года были направлены против членов партии, «верных ленинцев» или не очень «верных» – но против *коммунистов*. Ну, может быть, еще немножко – против дворян и священников. Так вот: на самом деле ничего подобного! Более трети всех осужденных составляет категория под названием «бывшие кулаки» – 370 422 человека. Следующая по численности – действительно, так называемые «бывшие»: помещики, дворяне, торговцы, жандармы и т. п. (114 674 чел.). Затем идет «деклассированный элемент» в количестве 129 957 человек. Присутствуют в таблице и «служители религиозного культа» – 33 382 человека³⁶.

³⁵ Данные приводятся по: Пыхалов И. Время Сталина: факты против мифов. СПб., 2001. С. 18.

³⁶ В этом месте рукописи у меня стоит примечание редактора: «Цифры просто страшные!» Конечно, страшные. Думаете, легко писать про все это и удержаться от эмоций? А надо!

Что же получается? А получается, что из 936 750 арестованных 647 435 человек, то есть более двух третей, – это люди, которые ни при каких обстоятельствах не могли быть коммунистами!

Нет, я положительно отказываюсь понимать: *что происходило в 1937 году в Советском Союзе?*

Часть 2

Три источника и три составные части «репрессий»

*Любое большое собрание вооруженных и жаждущих схваток людей
опасно для правопорядка.*

Гай Юлий Орловский.

Ричард Длинные Руки

«Сложилась порочная практика, когда в НКВД составлялись списки лиц, дела которых подлежали рассмотрению на Военной Коллегии, и им заранее определялась мера наказания. Эти списки направлялись Ежовым лично Сталину для санкционирования предлагаемых мер наказания. В 1937–1938 годах Сталину было направлено 383 таких списка на многие тысячи партийных, советских, комсомольских, военных и хозяйственных работников и была получена его санкция».

«Мы сейчас разобрались и реабилитировали Косиора, Рудзутака, Постышева, Косарева и других. На каком же основании они были арестованы и осуждены? Изучение материалов показало, что никаких оснований к этому не было. Арестовывали их, как и многих других, без санкций прокурора. Да в тех условиях никакой санкции и не требовалось; какая еще может быть санкция, когда все разрешал Сталин. Он был главным прокурором в этих вопросах. Сталин давал не только разрешения, но и указания об арестах по своей инициативе. Об этом следует сказать, чтобы была полная ясность для делегатов съезда, чтобы вы могли дать правильную оценку и сделать соответствующие выводы».

Из доклада Н. С. Хрущева «О культе личности и его последствиях»

25 февраля 1956 года

...Ну, на самом деле их было как минимум пять источников и, соответственно, пять составных частей. Первая была объективной. Хотя это по нынешним временам и дурной тон, но приходится утверждать: в стране существовал реальный антиправительственный заговор и шла реальная работа по его обезвреживанию, а также имелись агенты иностранных разведок, которых, соответственно, тоже иногда арестовывали и судили. Об этом говорилось в предыдущей книге – «Двойной заговор»³⁷.

Итак, напомним, на чем мы остановились в «Двойном заговоре». Начиная с 1927 года (а по данным «московских процессов», и еще раньше) так называемая оппозиция начала вести тайную, конспиративную борьбу против власти. Будучи биты на открытых дискуссиях, оппозиционеры пошли хорошо им известным путем нелегальной борьбы, по ходу действия консолидируясь.

Партия 20-х годов представляла собой собрание самых разных группировок. Тем, что стояли на стороне власти, поскольку они были вынуждены *делать дело*, поневоле пришлось сформироваться в достаточно жесткую структуру, иначе управление государством стало бы невозможно в принципе. Что же касается оппозиции, которая *боролась*, то она объединялась перед лицом общего противника, но при этом группы и группочки все же оставались автономными и ухитрялись даже в такой обстановке все время и по любым поводам препираться.

Так что во всех этих «правотроцкистских», «параллельных» и прочих «центрах» нет ничего невозможного, если рассматривать центр не как руководство военного типа, а как некое ядро, плавающее в густой оппозиционной каше. В чем-то они действовали вместе, в чем-то автономно, что-то о планах друг друга знали, чего-то не знали. Кто-то за пределами государ-

³⁷ Прудникова Е., Колпакиди А. Двойной заговор (тайна сталинских репрессий). М., 2006.

ства опирался на немцев, кто-то на поляков, а кто-то на японцев... Не суть: главное – что против Сталина. И дело отнюдь не в том, что Сталин повсюду видел или имел врагов, а в том, что он сам был врагом всей этой публики, поскольку разворачивал страну по курсу, который их ни в коей мере не устраивал. Спасало его лишь то, что в основном это были *политики*, то есть, люди с организационными способностями значительно ниже среднего, зато с повышенным уровнем принципиальности. (Так, например, осужденный на «первом московском процессе» И. Н. Смирнов, опытный подпольщик-конспиратор, способный организовать террор, не занимался этим потому, что террор противоречил его принципам. А те, чьим принципам он не противоречил, в организационных вопросах оказались дилетантами. Если бы наоборот, сталинской команде пришлось бы худо...)

После 1935 года, когда стало окончательно ясно, что Сталин намерен повести страну по пути *контрреволюции*, появились признаки того, что подпольная «вторая партия» начинает обрывать боевыми организациями и собирается перейти к решительным действиям. Об этом говорили разработки НКВД. Тогда «оппозиционеров» принялись, наконец, всерьез арестовывать. Сначала троцкистов, потом, по тянувшимся от них ниточкам, и других. И постепенно вслед за политиками-«оппозиционерами», всякими там зиновьевцами и троцкистами, стали проступать уже *настоящие*, и очень крупные, люди. Такие, что и не слишком пугливому Сталину впору было всерьез испугаться.

Судя по всему, одной из главных фигур *настоящего*, а не декоративного заговора был бывший до недавнего времени секретарем ЦИК, – то есть одним из основных людей во властных структурах, – Авель Енукидзе. В армии – первый заместитель наркома Тухачевский, умерший в 1936 году С. С. Каменев, начальник политуправления Гамарник. Командующие округами рядом с ними – это уже так, мелочь, хотя Уборевича многие считали одним из лучших стратегов Красной Армии. В спецслужбах – нарком внутренних дел Ягода (естественно, с командой).

И они явно опирались, не могли не опираться на людей и в действующих властных структурах, но кто это – мы не знаем. Предположения можно строить в любом количестве, однако что толку?

Тут уж проще предположить, кто был *непричастен*. Может быть, Ворошилов, судя по его поведению. Вероятно, Молотов – собственно, что могли предложить заговорщики второму человеку в государстве, который не стремился быть первым? Почти наверняка Вышинский. Сталин доверял Ежову – как оказалось, это было одной из крупнейших его ошибок. Но до сих пор председатель комиссии партийного контроля был безупречен – это уже потом выяснилось, что и биографию он себе вроде бы подчистил, да и многое другое открылось, такое, что впору за голову схватиться: мать честная, кому же доверяли!

Как бы то ни было, когда *настоящий* заговор полез на поверхность, шок для правительства оказался чудовищным. После этого они какое-то время могли поверить во все, что угодно, и чекисты этим воспользовались, начав изготавливать фальсифицированные дела, по принципу: «чем больше сдадим, тем лучше». Следственные органы всегда так делают, и сейчас тоже, и всегда будут делать – оттого они и повязаны по рукам и ногам судами и прокурорским надзором.

Пятая, последняя составная часть репрессий – самодеятельность граждан, сведение с помощью НКВД всяческих счетов, устранение конкурентов и пр. Особенно этот жанр процветал в научной, чиновничьей, творческой среде. Никакой загадки тут нет, одна лишь подлость человеческая.

Тот же сталинский нарком Бенедиктов вспоминает о своем личном знакомстве с «органами»:

«...В то время я занимал руководящий пост в Наркомате совхозов РСФСР. Зайдя как-то утром в кабинет, обнаружил на столе повестку – срочный вызов в НКВД. Особого удивления и беспокойства это не вызвало: сотрудникам наркомата довольно часто приходилось давать показания по делу раскрытых в нашем учреждении вредительских групп.

Интеллигентный, довольно симпатичный на вид следователь, вежливо поздоровавшись, предложил мне сесть.

– Что вы можете сказать о сотрудниках наркомата Петрове и Григорьеве (фамилии изменены. – Е. П.)?

– Отличные специалисты и честные, преданные делу партии, товарищу Сталину коммунисты, – не задумываясь ответил я. Речь ведь шла о двух моих самых близких друзьях, с которыми, как говорится, не один пуд соли был съеден...

– Вы уверены в этом? – спросил следователь, и в его голосе, как мне показалось, прозвучало явное разочарование.

– Абсолютно, ручаюсь за них так же, как и за себя.

– Тогда ознакомьтесь с этим документом, – и у меня в руках оказалось несколько листов бумаги.

Прочитав их, я похолодел. Это было заявление о «вредительской деятельности в наркомате Бенедиктова И. А.», которую он осуществлял в течение нескольких лет «по заданию германской разведки». Все, абсолютно все факты, перечисленные в документе, действительно имели место: и закупки в Германии непригодной для наших условий сельскохозяйственной техники, и ошибочные распоряжения и директивы, и игнорирование справедливых жалоб с мест, и даже отдельные высказывания, которые я делал в шутку в узком кругу, пытаясь поразить друзей своим остроумием...

Конечно, все происходило от моего незнания, неумения, недостатка опыта –какого-либо злого умысла, естественно, не было, да и не могло быть. Все эти факты, однако, были сгруппированы и истолкованы с таким дьявольским искусством и непроверяемой логикой, что я, мысленно поставив себя на место следователя, сразу же и безоговорочно поверил во «вредительские намерения Бенедиктова И. А.».

Но самый страшный удар ждал меня впереди: потрясенный чудовищной силой лжи, я не сразу обратил внимание на подписи тех, кто состряпал документ. Первая фамилия не удивляла – этот негодяй, впоследствии получивший тюремное заключение за клевету, писал доносы на многих в наркомате, так что серьезно к его писаниям уже никто не относился. Когда же я увидел фамилии, стоявшие на втором и третьем месте, то буквально оцепенел: это были подписи Петрова и Григорьева – людей, которых я считал самыми близкими друзьями, которым доверял целиком и полностью!

– Что вы можете сказать по поводу этого заявления? – спросил следователь, когда заметил, что я более-менее пришел в себя.

– Все факты, изложенные здесь, имели место, можете даже их не проверять. Но эти ошибки я совершал по незнанию, недостатку опыта. Рисковал в интересах дела, брал на себя ответственность там, где другие предпочитали сидеть сложа руки. Утверждения о сознательном вредительстве, о связях с германской разведкой – дикая ложь.

– Вы по-прежнему считаете Петрова и Григорьева честными коммунистами?

– Да, считаю и не могу понять, что вынудило их подписать эту фальшивку...

Понимать-то я уже начал, прокручивая в памяти отдельные, ставшие сразу же понятными нотки отчуждения, холодности и натянутости, появившиеся у моих друзей сразу после того, как я получил назначение на ключевой пост в наркомате... И Петров, и Григорьев, пожалуй, были специалистами посильнее меня, но исповедовали философию «премудрых пескарей», подтрунивая подчас над моей инициативностью и жадой быстрых изменений.

– Это хорошо, что вы не топите своих друзей, – сказал следователь после некоторого раздумья. – Так, увы, поступают далеко не все. Я, конечно, навел кое-какие справки о вас – они неплохие, человек вы неравнодушный, довольно способный. А вот о ваших друзьях – «честных коммунистах», отзываются плохо. Но и нас поймите, Иван Александрович: факты имели место, честность тех, кто обвиняет вас во вредительстве, сомнению вами не подвергается. Согласитесь: мы, чекисты, просто обязаны на все это прореагировать. Еще раз подумайте, все ли вы нам честно сказали. Понимаю, вам сейчас сложно, но и отчаиваться не надо – к определенному выводу мы пока не пришли, – сказал на прощанье следователь, пожав мне руку».

Таким вот способом сплошь и рядом решались самые разные «личные проблемы». Нет, на самом деле процесс реабилитации не доведен до конца, не доведен... Если бы после фразы «ни в чем не виновен» публиковали еще и доносы с именами доносчиков – вот это было бы чтение! Но для этого надо, чтобы то время стало для читателей «плюсquamперфектум» – «давно прошедшее». И кому это все тогда будет нужно?

...А вот три остальные составляющие заслуживают самого пристального внимания – именно их столкновение вызвало тот кровавый смерч, который с подачи Хрущева и называют «необоснованными репрессиями». Это неизбежное очищение общества перед войной, чекистская самодеятельность и групповая партийная борьба.

Глава 4

Если завтра война?

Помните, господа: приказ, который может быть понят неправильно, обязательно будет понят неправильно.

Фельдмаршал фон Мольтке

Любое правительство накануне войны очищает страну от тех, кто может служить пособниками врагу – если, конечно, хочет победить, а не остаться в истории побежденным, зато в белых перчатках. А именно в то время стало окончательно ясно, что война не просто будет, а, вполне возможно, будет прямо сейчас.

...Начиная с 1917-го и до 1933 года Советская Россия жила в состоянии войны или непосредственной угрозы войны. Годы «военной тревоги» идут один за одним: 1923-й, 1925-й, 1927-й, 1930-й, 1932-й... Лишь приход к власти Гитлера несколько разрядил международную обстановку вокруг нашей страны. Пока Западная Европа искала равновесие в изменившемся мире, можно было... нет, не расслабиться, а вздохнуть. Дух перевести. И попутно заняться некоторыми преобразованиями внутри государства и общества.

К 1936 году появились ощутимые признаки того, что передышка заканчивается. Германия успела нарастить мускулы, обрела определенную мощь и принялась задумываться: с кем в первую очередь сцепиться? С одной стороны, неплохо бы отомстить французам и англичанам за Веймар. С другой – перед тем как идти на Западную Европу, хорошо было бы укрепить базы снабжения, захватив Украину (хлеб) и Кавказ (нефть). Тем более что для наступления на восток имелся потенциальный союзник – Польша, которая с маниакальным упорством вот уже много веков вела антирусскую политику и готова была ради победы над Россией вступить в союз не то что с Германией, а, невзирая на свое католичество, наверное, и с самим чертом. К 1936 году поляки стали уже открыто предлагать немцам совместную войну против Советского Союза. Теперь, много лет спустя, нам известно, что немцы не смогли преодолеть естественного отвращения к полякам и предпочли начать войну как раз с них. Но в 1936 году этого никто еще не мог знать!

В этом-то все и дело: мы знаем, что будет потом, – а они не знали!

1937 год был временем очередной «военной тревоги» для Советского Союза. В качестве «наиболее вероятного противника» рассматривались действующие в союзе Германия и Польша, с возможным участием прибалтийских государств. Предполагаемое время начала войны, – 1937-й, может быть, если повезет, 1938 год. Поэтому первое, что надо учитывать – для советского правительства это были не *предвоенные* годы, а *предвоенные* месяцы. В которые правительство лихорадочно пыталось укрепить обороноспособность по всем направлениям, в том числе и избавиться от внутренних врагов. По сути, это было хотя и не объявленное официально (а почему мы, кстати, считаем, что не объявленное – в соответствующих инстанциях, конечно...) чрезвычайное положение.

Заложники гражданства

Сначала стреляйте, потом допрашивайте, а если вы ошибетесь – я вас прикрою.

Герман Геринг

...Итак, еще раз напомним: противники, с которыми предполагалось вот-вот вступить в войну, были Германия и Польша. Еще Япония – но «восточный» вариант мы рассматривать не будем, там шли те же процессы и принимались те же решения.

Контакты с Германией у нас были куда обширнее, чем сейчас принято думать, и далеко не только с коммунистами. Во время индустриализации советские эмиссары попросту вербовали по всему миру, в том числе и в Германии, переманивали на работу в СССР разного рода специалистов, особенно высококвалифицированных рабочих и инженеров. Это были годы Великой депрессии, немцы ехали на заработки охотно, многие оседали в Союзе. И когда отношения с Германией накалились, а особенно после того, как по ходу «дела Тухачевского» стало ясно, *насколько* они накалились, вдруг обнаружилось, что в советской промышленности работает множество немцев. Именно по ним, согласно простой логике, и должен был прийти первый удар.

И в самом деле, 20 июля 1937 года Политбюро принимает коротенькое постановление. *«Предложить т. Ежову дать немедленно приказ по органам НКВД об аресте всех немцев, работающих на оборонных заводах... и высылке части арестованных за границу».*

На этом можно было бы и закончить «немецкую» тему, если бы не приказ Ежова, который поворачивает ее совершенно другой стороной.

Из оперативного приказа наркома внутренних дел № 00439 от 25 июля 1937 года.

«Агентурными и следственными материалами последнего времени доказано, что германский Генеральный штаб и Гестапо в широких размерах организуют шпионскую и диверсионную работу на важнейших и, в первую очередь, оборонных предприятиях промышленности, используя для этой цели осевшие там кадры германских подданных. Агентура из числа германских подданных, осуществляя уже сейчас вредительские и диверсионные акты, главное внимание уделяет организации диверсионных действий на период войны и в этих целях подготавливает кадры диверсантов».

Впрочем, для того чтобы сделать такой вывод, даже и агентурных материалов не надо. Наши спецслужбы занимались ровно тем же самым – через немецких коммунистов готовились к организации саботажа и диверсий на германских заводах. (Один такой «привет» от немецких братьев, кстати, во время войны попал лично к Сталину. Когда обезвреживали неразорвавшуюся бомбу, упавшую на территории сталинской дачи, внутри вместо взрывателя обнаружили листок бумаги с надписью «Рот фронт»). И немцы не просто так арестовывали коммунистов за принадлежность к КПП, а как потенциальных союзников СССР.

Читаем далее.

«Для полного пресечения этой деятельности германской разведки ПРИКАЗЫВАЮ:

1. В трехдневный срок со дня получения настоящего приказа точно установить и мне донести списки германских подданных:

а) работающих на всех военных заводах и на заводах, имеющих оборонные цеха, согласно прилагаемому списку заводов;

б) отдельно список германских подданных, в разное время работавших и уволенных с этих предприятий и цехов, но оставшихся на территории СССР, вне зависимости от того, где они в настоящее время работают;

в) отдельно список германских подданных, работающих на железнодорожном транспорте...

2. Начиная с 29 июля с.г. приступить к арестам всех установленных Вами германских подданных...

3. Германских политических эмигрантов... арестовывать только в случае, если они сохранили германское подданство. На каждого из германских политических эмигрантов, принявших советское гражданство, представить мне не позже 5 августа 1937 года подробный меморандум с изложением компрометирующих материалов, для решения вопроса об аресте.

4. ...*Дела арестованных по окончании следствия направлять в НКВД СССР, для последующего рассмотрения их Военной Коллегией или Особым Совещением НКВД*».

Кроме того, приказано было составить список остальных германских подданных на территории СССР и представить Ежову на каждого из них подробный меморандум.

Как видим, российских немцев этот приказ не касался, равно как и эмигрантов, сменивших гражданство. Речь здесь шла лишь о подданных Германии. В общем-то, нормальная предвоенная мера, такие проводятся во всех государствах – и уж тем более в Советском Союзе, поскольку в планировании операции его власти могли исходить из простейшей аналогии. Граждане СССР, попадая за границу, практически всегда занимались и «параллельными» миссиями, причем считались эти миссии делом чести, доблести и героизма.

Что может означать фраза в постановлении Политбюро: «и высылки части их за границу»? Скорее всего: виновных – к ответственности, невиновных – домой. Людей с гражданством «наиболее вероятного противника» и близко к оборонной промышленности не следует подпускать, да и вообще нечего им у нас делать.

И все же: вам тут ничего не кажется странным? Каждый человек, посмотревший десяток фильмов о разведчиках, прекрасно знает, что любой нормальный шпион старается законспирироваться. И ведь сделать это в 30-е годы было проще простого – вступить в компартию, прикинуться политэмигрантом, сменить гражданство. Между тем вопрос о каждом эмигранте решался отдельно, а граждан Германии попросту гребли, не заморачиваясь «агентурными данными». Ну, и что бы это значило?

А что значило, когда в ответ на арест в Грузии нескольких российских офицеров из нашей страны выкинули несколько десятков тысяч грузинских подданных? Что, они и вправду создавали какую-то угрозу или причиняли какое-либо неудобство? Конечно, нет! Это была ярко выраженная *демонстрация*. Поскольку действия, предпринятые против граждан какого-либо государства, автоматически расцениваются как действия против самого этого государства.

Так и от «антинемецкого» приказа за версту несет демонстрацией. С чем она может быть связана? С общей антисоветской политикой Германии? Крутовато будет, все-таки пока еще не война, а Сталин – политик осторожный. Тогда с чем?

А теперь снова вернемся к «Двойному заговору» и вспомним некоторые нюансы «дела Тухачевского». 11 июня, накануне процесса, «Правда» писала: «Следственными материалами установлено участие обвиняемых... в антигосударственных связях с руководящими кругами одного из иностранных государств, ведущего недружелюбную политику в отношении СССР. Находясь на службе у военной разведки этого государства, обвиняемые систематически доставляли военным кругам этого государства шпионские сведения о состоянии Красной Армии, вели вредительскую работу по ослаблению мощи Красной Армии, пытались подготовить на случай военного нападения на СССР поражение Красной Армии...» Как видим, государство здесь прямо не названо. Но, с другой стороны, в СССР в то время на всех уровнях делалось столько антигерманских выпадов, что и называть, в общем-то, не надо...

Зато в материалах следствия все называлось своими именами. Немцы начинают интервенцию, а наши стратеги кладут под них армию и страну. Речь шла именно о Германии, а в верхушку заговора входили *те же самые люди*, что делали в Генштабе расклады на будущую войну. (Кстати, они до последнего момента тянули с переворотом – почему? Тут есть два объяснения: либо они уж вообще ничего не стоили как путчисты, либо со дня на день ждали интервенции, а немцы их «кинули».) И «немецкий» приказ можно рассматривать именно как реакцию на «дело Тухачевского». По-видимому, антинемецкую акцию те в Германии, кто должен был, поняли так, как надо. Мы все знаем, мы готовы. Пока не интернирование, но уже близко, близко...

Во время войны мы все являемся заложниками своего гражданства, вы не знали?

11 августа последовал похожий приказ относительно граждан второго «наиболее вероятного противника» – Польши. Похожий – да не такой. Во-первых, он был намного реальнее, поскольку действительно бил по тому контингенту, где логичнее всего было искать шпионов. Во-вторых, о гражданстве здесь вообще не говорится. А в-третьих, тут все было гораздо круче.

Впрочем, и понять это можно. Германия стала враждебна Советскому Союзу начиная с прихода Гитлера к власти, а до того на протяжении пятнадцати лет мы и вообще были союзниками, так что разведка в эти годы велась «для порядка» – потому что не вести ее неприлично. Польша была враждебна всегда, с самого момента своего появления на свет в 1918 году и до своего исчезновения с карты мира в 1939-м, и ее спецслужбы всю дорогу работали против России как против *врага*. Можно сказать даже, как против главного врага. (Косвенно это подтверждается тем, что в 1939 году польские части почти не воевали с немцами, зато отчаянно сопротивлялись советским войскам.)

В основании приказа лежало конкретное «дело ПОВ», или так называемой «польской организации войсковой», польской разведывательной сети в СССР. Что это такое, Ежов пишет в сопровождавшем приказ закрытом письме.

«Накануне Октябрьской революции и непосредственно после нее Пилсудский создал на советской территории свою крупнейшую политическую агентуру, возглавлявшую ликвидирруемую сейчас организацию, а затем из года в год систематически перебрасывал в СССР под видом политэмигрантов, обменяемых политзаключенных, перебежчиков многочисленные кадры шпионов и диверсантов, включавшихся в общую систему организации, действовавшей в СССР и пополнявшейся здесь за счет вербовок местного польского населения.

Организация руководилась центром, находившимся в Москве, – в составе Уншлихта, Муклевича, Ольского и других, имела мощные ответвления в Белоруссии и на Украине, главным образом в пограничных районах, в ряде других местностей СССР...

Основной причиной безнаказанной антисоветской деятельности организации в течение почти 20 лет является то обстоятельство, что почти с самого момента возникновения на важнейших участках противопольской работы сидели проникшие в ВЧК крупные польские шпионы...» – и имена. А дальше, на многих страницах, подробнейший рассказ о том, что уже сделано (его можно прочесть в Приложении).

Правда ли это? А что, это может быть неправдой? У нас не было польских разведывательных сетей?

Так, значит, все перечисленные в письме и арестованные по этим делам – польские шпионы? А вот это вовсе не обязательно! В том смысле, не обязательно, что *все*. В конце концов, почему Ким Филби и еще четверо высокопоставленных британских разведчиков могли быть нашими агентами, а, скажем, Уншлихт не мог быть польским агентом? Еще как мог, и не такие шпионили, эка невидаль! С другой стороны, почему того же Уншлихта не могли *замести* в порядке внутривластной свары и *пришить* ему шпионаж на поляков? Очень даже могли!

А вот дальнейшее уже резко отличается от «немецкого» приказа.

Из оперативного приказа народного комиссара внутренних дел Союза ССР № 00485 от 11 августа 1937 г.

«2. Аресту подлежат:

а) выявленные в процессе следствия и до сих пор не разысканные члены ПОВ по прилагаемому списку;

б) все оставшиеся в СССР военнопленные польской армии;

в) перебежчики из Польши, независимо от времени перехода их в СССР;

г) политэмигранты и политобмененные из Польши;

д) бывшие члены ППС и других польских антисоветских политических партий;

е) наиболее активная часть местных антисоветских и националистических элементов польских районов...

5. Все арестованные по мере выявления их виновности в процессе следствия подлежат разбивке на две категории:

а) первая категория, подлежащая расстрелу, к которой относятся все шпионские, диверсионные, вредительские и повстанческие кадры польской разведки;

б) вторая категория, менее активные из них, подлежащие заключению в тюрьмы и лагеря, сроком от 5 до 10 лет.

6. ...Отнесение к первой или второй категории на основании агентурных и следственных материалов производится Народным Комиссаром внутренних дел республики, начальником УНКВД области или края, совместно с соответствующим прокурором области, края.

Списки направляются в НКВД СССР за подписью Народного Комиссара внутренних дел республики, начальников УНКВД и Прокурора соответствующей республики, края и области.

После утверждения списков в НКВД СССР и Прокурором Союза приговоры немедленно приводятся в исполнение...

8. *Всю работу по разгрому ПОВ и всех остальных контингентов польской разведки умело и обдуманно использовать для приобретения новой агентуры по польской линии».*

Чем этот приказ особенный? Во-первых, репрессиям подлежат уже не *граждане* Польши, а люди польского происхождения, в том числе политэмигранты, – ну да это не главное. А главное – здесь нет даже намека на суды, как в «немецком» приказе. С поляками разбирались, в том числе и приговаривали к расстрелу, чисто административным порядком. Что было для сталинского СССР, в котором в последние годы целенаправленно укрепляли законность, очень странно. С чего вдруг?

И это не единственная странность данного приказа. Странно и то, что на категории разбиваются *все* арестованные. А как же невиновные? Ведь не все же бывшие пленные и перебежчики работали на польскую разведку?

Тут может быть два объяснения. Первое – что это, по сути, приказ об *интернировании* всех польских граждан, нынешних и недавно сменивших гражданство. Шпионов – к стенке, невиновных – в лагеря. Но такая мера была бы уж слишком крутой, даже для тех времен. Такие вещи делают *после* начала войны, да, сплошь и рядом, но чтоб столько народу, исключительно по формальным признакам, отправить в лагеря в мирное время, даже в порядке подготовки...

Есть еще и другая версия. В то время приказы, постановления и пр. писались, мягко говоря, своеобразно. А грубо выражаясь, черт знает как они писались...

Взять то же самое постановление Политбюро, с которого мы начали. «Дать приказ органам НКВД об аресте всех немцев...» Каких немцев? Петровских выходцев? Поволжских колонистов? Оказалось, речь шла о гражданах Германии. Ежов наверняка на этом заседании был, так что он знал, о чем речь, и отреагировал правильно – а что подумает современный человек, в руки которому попадет одно постановление Политбюро, без сопутствующих документов?

Возможно, что и в этом приказе слова «всех арестованных» надо читать как «всех изобличенных в шпионаже». А если человек невиновен и агентурных данных на него нет, его следует проверить и освободить. Скажи об этом составлявшему бумагу секретарю, он посмотрит большими удивленными глазами: ясно ведь и так, чего писать-то? А мы потом будем голову ломать: а что это Николай Иванович сказать хотел?

И еще одно соображение: если всех поляков арестовывали, то среди кого НКВД собирается приобретать «новую агентуру по польской линии»?

То же и с механизмом. Если в системе нормальной сталинской юстиции разобраться легко, то в юстиции «чрезвычайной» черт уж точно ноги переломает. Почему немцев хоть и арестовывают «по категориям», однако судят как положено, Особое Совецание и Военная Коллегия, а поляков – «двойки»: нарком внутренних дел и прокурор? Если это одинаковые операции, то почему такая разница? Если неодинаковые, то в чем их отличие?

А пес его знает почему! Причина, конечно, была – но попробуй догадайся какая... Может быть, с немцами обращались по закону, потому что они были гражданами другого государства. А со своими гражданами да политэмигрантами – чего церемониться? А может быть, причина в том, что к тому времени Особое Совещание и Военная Коллегия уже захлебнулись... А может статься, есть и еще причины...

Однако согласитесь, что борьба со шпионами – это одно, а репрессии подданных «наиболее вероятных противников» «по категориям» – все же несколько иное и может значить только одно: в 1937 году войну действительно ждали со дня на день. (По раскладу Генерального штаба, сделанному в 1936 году, она должна была начаться в 1937 году; оптимист Уборевич считал, что, может быть, удастся протянуть до 1938-го). Этим грешили многие страны, да что многие – этим грешат все, кто собирается воевать и хочет победить. Ужасно... но ведь и на войне пуля не судит и даже не советуется с прокурором. Война – она несправедлива в принципе, изначально, такова ее суть. Так люди, познав добро и зло, устроили свой мир...

«Зачистка»

В настоящей трагедии гибнет не герой – гибнет хор.
Иосиф Бродский

А может быть, это произошло оттого, что в промежутке между «немцами» и «поляками» был тот самый приказ № 00447, с которого и начались массовые репрессии, как таковые? Хрущев о нем молчал насмерть. Во-первых, поскольку к «классовому противнику», как любой «р-р-революционер», относился подозрительно-ненавидяще. Во-вторых, у него была на это очень серьезная причина. А наши «правозащитники», разоблачавшие в начале 90-х коллективизацию, не разобравшись, ломанулись в юридическую область и с ходу причислили жертвы этого приказа к «гонимым крестьянам». Хотя речь тут шла совсем о другом.

Этот приказ – основной в проведении репрессий. По нему погибла большая часть жертв «тридцать седьмого», те самые, которые ни при каких обстоятельствах не могли быть коммунистами. Все ужасы, что потом перенесли на репрессированных «старых революционеров» и «верных ленинцев»: люди, исчезающие неизвестно куда, «десять лет без права переписки», «тройки», «лимиты» – все это отсюда. Правда, к тем репрессиям, о которых говорил на съезде Хрущев, это не имеет ни малейшего отношения. Это какие-то совершенно другие репрессии, хотя также датируемые 1937 годом. Нам с ними еще разбираться и разбираться, на протяжении всей книги, а пока что пройдем по верхам, просто почитаем...

Из оперативного приказа наркома внутренних дел № 00447 от 30 июля 1937 года.

«Материалами следствия по делам антисоветских формирований установлено, что в деревне осело значительное количество бывших кулаков, ранее репрессированных, скрывавшихся от репрессий, бежавших из лагерей, ссылки и трудпоселков. Остались почти нетронутыми в деревне значительные кадры антисоветских политических партий (эсеров, грузмеков, дашнаковых, муссаватистов, иттихадистов и др.³⁸), а также кадры бывших активных участников бандитских восстаний, белых, карателей, репатриантов и т. п.

Часть перечисленных выше элементов, уйдя из деревни в города, проникла на предприятия промышленности, транспорт и на строительства.

Кроме того, в деревне и в городе до сих пор еще гнездятся значительные кадры уголовных преступников – скотоконокрадов, воров-рецидивистов, грабителей и др., отбывавших наказание, бежавших из мест заключения и скрывающихся от репрессий. Недостаточность борьбы

³⁸ Само перечисление партий говорит, что речь идет, в основном, о Закавказье. Чем и объясняется относительно большое число репрессированных в этом регионе.

с этими уголовными контингентами создала для них условия безнаказанности, способствующие их преступной деятельности.

Как установлено, все эти антисоветские элементы являются главными зачинщиками всякого рода антисоветских и диверсионных преступлений, как в колхозах и совхозах, так и на транспорте и в некоторых областях промышленности...

КОНТИНГЕНТЫ, ПОДЛЕЖАЩИЕ РЕПРЕССИИ

1. Бывшие кулаки, вернувшиеся после отбытия наказания и продолжающие вести активную антисоветскую подрывную деятельность. (Выделено мной. – Е. П.)

2. Бывшие кулаки, бежавшие из лагерей и трудпоселков, а также кулаки, скрывшиеся от раскулачивания, которые ведут антисоветскую деятельность.

3. Бывшие кулаки и социально опасные элементы, состоявшие в повстанческих, фашистских, террористических и бандитских формированиях, отбывшие наказание, скрывшиеся от репрессий или бежавшие из мест заключения и возобновившие свою преступную деятельность.

4. Члены антисоветских партий... бывшие белые, жандармы, чиновники, каратели, бандиты, бандпособники, переправщики, резмигранты, скрывшиеся от репрессий, бежавшие из мест заключения и продолжающие вести активную антисоветскую деятельность.

5. Изобличенные следственными и проверенными агентурными материалами наиболее враждебные и активные участники ликвидируемых сейчас казачье-белогвардейских повстанческих организаций, фашистских террористических и шпионско-диверсионных контрреволюционных формирований...

6. Наиболее активные антисоветские элементы из бывших кулаков, карателей, бандитов, белых, сектантских активистов, церковников и прочих, которые содержатся сейчас в тюрьмах, лагерях, трудовых поселках и колониях и продолжают вести там активную антисоветскую подрывную работу.

7. Уголовники (бандиты, грабители, воры-рецидивисты, контрабандисты-профессионалы, аферисты-рецидивисты, скотоконокрады), ведущие преступную деятельность и связанные с преступной средой...

8. Уголовные элементы, находящиеся в лагерях и трудпоселках и ведущие в них преступную деятельность...»

Выделенные мною места указывают на то, что приказ должен был проводиться не вслепую, а готовиться по разработкам НКВД. Иначе откуда можно узнать: ведет тот или иной человек подрывную работу и преступную деятельность? На самом-то деле, конечно, арестовывали не по разработкам, а по спискам, но... но это несколько иная тема.

Сейчас такие вещи называются зачисткой.

Читаем дальше:

«О МЕРАХ НАКАЗАНИЯ РЕПРЕССИРУЕМЫМ И КОЛИЧЕСТВЕ ПОДЛЕЖАЩИХ РЕПРЕССИЯМ

1. Все репресслируемые кулаки, уголовники и др. антисоветские элементы разбиваются на две категории:

а) к первой категории относятся все наиболее враждебные из перечисленных выше элементов. Они подлежат немедленному аресту и по рассмотрении их дел на тройках – расстрелу;

б) ко второй категории относятся все остальные менее активные, но все же враждебные элементы. Они подлежат аресту и заключению в лагеря на срок от 8 до 10 лет, а наиболее злостные и социально опасные из них заключению на те же сроки в тюрьмы по определению тройки.

2. Согласно представленным учетным данным наркомками республиканских НКВД и начальниками краевых и областных управлений НКВД, утверждается следующее количество подлежащих репрессии...»

И дальше идут знаменитые «лимиты» по республикам и областям. Теперь мы, по крайней мере, видим, что это такое. Это вовсе не «разверстанный» Москвой по стране план репрессий. Все было совсем наоборот: «снизу» представляли данные, исходя из которых Москва и составляла эти самые «лимиты» – *максимально* допустимое число подлежащих репрессиям. Сразу же, едва будучи отдан, приказ предусматривал расстрел около 75 тысяч человек и заключение в лагеря и тюрьмы 193 тысяч. Много это или мало? После нападения на Пирл-Харбор американцы с перепугу запихали в лагеря 120 тысяч соотечественников японского происхождения. С другой стороны, таких массовых расстрелов советская история еще не знала...

«3. Утвержденные цифры являются ориентировочными. Однако наркомы республиканских НКВД и начальники краевых и областных управлений НКВД не имеют права самостоятельно их превышать. Какие бы то ни было самостоятельные увеличения цифр не допускаются.

В случаях, когда обстановка будет требовать увеличения утвержденных цифр, наркомы республиканских НКВД и начальники краевых и областных управлений НКВД обязаны представлять мне соответствующие мотивированные ходатайства.

Уменьшение цифр, а равно как и перевод лиц, намеченных к репрессированию по первой категории – во вторую категорию и наоборот – разрешается».

Из раздела IV: «Порядок ведения следствия».

«2. По окончании следствия дело направляется на рассмотрение тройки. К делу приобщаются: ордер на арест, протокол обыска, материалы, изъятые при обыске, личные документы, анкета арестованного, агентурно-учетный материал, протокол допроса и краткое обвинительное заключение».

Видите, как трогательно нарком внутренних дел (точнее, непосредственно курировавший операцию его заместитель Фриновский) заботится о том, чтобы зачистка не сорвалась в беспредел? Пройдет совсем немного времени, и вошедшие во вкус репрессий начальники «органов» будут требовать все новых и новых лимитов, а вошедший во вкус Ежов «пробивать» их в Политбюро, а то и подмахивать самостоятельно. Но мы пока что говорим не о том, как все вышло на самом деле, а о том, как оно планировалось.

Поскольку следствие предполагалось проводить ускоренно и в упрощенном порядке, то контроль был задуман серьезный. На союзном уровне работу контролировал сам Ежов, затем – ответственные работники республик, краев и областей. После чего дело поступало на рассмотрение «тройки». Учитывая образовательный уровень и квалификацию тогдашних судей, то, как они штамповали самые бредовые приговоры – еще не факт, что это было очень уж плохо.

Плохо другое: в приказе полностью отсутствуют критерии: кто из арестованных «наиболее враждебный», а кого можно отнести к «остальным». Пятнадцать лет власти требовали и требовали от НКВД и наркомюста четкости формулировок, а воз и ныне там...

Только не спешите, пожалуйста, ужасаться. Представьте себе, что где-нибудь в середине 90-х годов выходит приказ... ну, например, об изъятии по оперативным разработкам МВД и ФСБ членов криминальных группировок, «лиц кавказской национальности», имеющих вида на жительство, торговцев наркотиками. Допустим, их разбивают на две категории. Первая, в которую входят люди, совершившие убийство, террористы, торговцы наркотиками,

административным порядком... ну, у нас времена более вегетарианские, чем 30-е годы... допустим, лет этак на двадцать в тюрьму. Остальных – в лагеря годиков на пять-десять. Как вы думаете, какой процент населения встретил бы подобный приказ аплодисментами (включая высоких начальников) и какой был бы против?

Говорите, народ ответил бы демонстрациями протеста? Ну-ну...

На самом деле по-настоящему здесь плохо только одно. Слишком много доверия и слишком много воли дается НКВД. Но, с другой стороны – какие у правительства основания были не доверять чекистам? Тем более, при таком прокурорском и партийном контроле?

В том-то все и дело, что никаких...

Гладко было на бумаге...

*Их обращение нельзя назвать ни человеческим, ни бесчеловечным.
Оно было нечеловеческим.*

Мишель Сэра, заложник «Исламского джихада» в Ливане в 1988 г.

Итак, приказ отдан. С одной стороны, вроде бы абсолютно логичный. Практически во всех странах, которые завоевывала Германия в ходе Второй мировой войны, в «момент Х» в дело вступала мощная «пятая колонна». Во всех, за одним исключением – и мы знаем это исключение. Как сказал американский посол Дэвис: «У них пятой колонны нет, они ее расстреляли».

Но с другой – приказ очень странный. Потому что вступает в прямое противоречие со всей предшествующей политикой Сталина, можно сказать, гробит на корню все его попытки превратить СССР в правовое государство. Не говоря уже о том, что первым должен был взвиться на дыбы Вышинский – а он смолчал, всего лишь отдав своим прокурорам распоряжение присутствовать на заседаниях «троек», «активно содействовать успешному проведению операции», а также сохранять секретность. И больше ни слова. А ведь понимал – наверное, как никто в стране, кроме Фриновского, – *во что* это все может вылиться. Что это с ним?

В телеграмме на места Вышинский пишет: «Соблюдение процессуальных норм и санкции на арест не требуются», хотя от себя лично совершенно не имеет права отменять законы. Более того, 25 июля руководитель НКВД Западно-Сибирского края С. Н. Миронов, по ходу подготовки к операции, говорит своим подчиненным, что *права прокуратуры временно ограничиваются*. Уж явно не она сама урезала собственные права. Это могло означать только одно: НКВД и «тройки» получили какие-то особые полномочия, связанные с каким-то чрезвычайным положением. Какие полномочия, догадаться можно, но вот кто их дал? И что это было за ЧП?

По закону, дать особые полномочия могли ЦИК и Совнарком, и еще, не по закону, а просто, внаглую, – это могли сделать ЦК партии или Политбюро от имени ЦК. Но ни в коем случае не НКВД – руки коротки. Как бы то ни было, Вышинский мог смолчать, только если его полномочия были ограничены «сверху». Что касается «чрезвычайности» – тут также два варианта: либо работа по раскрытию заговора, либо подготовка к войне. А может быть, и то, и другое... если не что-то третье, совсем уж безумное.

По крайней мере, те, кто наделял НКВД особыми правами, считали положение очень серьезным, если пошли на такую меру. И, вероятно, у них были на то основания.

Отчасти о том, чем было вызвано это самое «чрезвычайное положение», проговаривается в своем выступлении перед подчиненными ему чекистами Миронов, начальник УНКВД по Западно-Сибирскому краю. Он говорит: «Перед вами стоит задача вскрыть организованное подполье, дела не свертывать, а наоборот, развертывать и развертывать борьбу с организованной контрреволюцией».

Получается, это все отголоски борьбы с заговором? Если речь идет об «организованном подполье»? Да, но какое, к растакой бабушке, может быть «организованное подполье» на 250 тысяч человек? И они хотят, чтобы Сталин и прочие умные люди в правительстве в эту безумную цифру поверили?

А вот умные люди в правительстве как раз и могли в эту безумную цифру поверить. Потому что сами в свое время были членами такого же подполья. А именно – партии большевиков, численность которой перед Октябрем как раз и была примерно такой. А ведь были еще и меньшевики, и эсеры, и анархисты... В общем, поверить могли, а допустить новый «семнадцатый год» не хотели...

Чем не версия?

Вернемся к товарищу Миронову, начальнику УНКВД по Западно-Сибирскому краю. 25 июля, еще до начала операции, он инструктировал подчиненных о технологии ее проведения.

«До тех пор, пока мы с вами не проведем всю операцию – эта операция является государственной тайной со всеми вытекающими отсюда последствиями... малейшее разглашение общей цифры, и виновные в этом пойдут под военный трибунал...

Вы посылаете на тройку готовый проект постановления тройки и выписки из него...

Списки на арестованных вы даете прокурору уже после операции и не указываете – первая или вторая категория, а кратко указываете в списке: уголовник или кулак, по какой статье привлекается и дату ареста. Это все, что вы указываете в списке, направляемом прокурору...

Много протоколов не требуется. В крайнем случае, можно иметь на каждого два-три протокола. Если имеется собственное признание арестованного, можно ограничиться одним протоколом... Никаких очных ставок не устраивайте, допросите 2–3 свидетелей, так как никакой необходимости в очных ставках нет...

Дела будут оформляться упрощенным процессом. После операции контроль будет затруднен...»³⁹

Надеюсь, все понимают, что это такое? По сути, Миронов извещает своих орлов, что они могут убивать, кого хотят. Желают – по «агентурным разработкам», нет разработок или лень возиться – брать кого попало из соответствующих групп населения и ставить к стенке. Никто не оспорит и никто не проверит. Нет, если бы эту операцию проводили гитлеровцы на оккупированной территории, то оно самое то – подумаешь, тыщей «унтерменшей» больше, тыщей меньше, было бы о чем говорить. Но вы можете вообразить себе, чтобы такую операцию спецслужбы государства проводили не на оккупированной территории, а в мирное время против собственных граждан?

И снова о секретности: «Чем должен быть занят начальник оперсектора, когда он придет на место? Найти место, где будут приводиться приговора в исполнение, и место, где закапывать трупы. Если это будет в лесу, нужно, чтобы заранее был срезан дерн и потом этим дерном покрыть это место, с тем, чтобы всячески конспирировать место, где приведен приговор в исполнение, потому, что все эти места могут стать для контриков, для церковников местом религиозного фанатизма. Аппарат никоим образом не должен знать ни место приведения приговоров, ни количество, над которым приведены приговора в исполнение, ничего не должен знать абсолютно потому, что наш собственный аппарат может стать распространителем этих сведений...»⁴⁰

³⁹ Цит. по: Бишпер Р., Юнге М. Когда террор стал «большим». М., 2003. С. 81–83.

⁴⁰ Там же. С. 83.

Ага, конечно, именно религиозного фанатизма они и боялись! Тогда вопрос: чего именно боялись? Того, что, узнав о массовых расстрелах, население попросту взбунтуется? Или цели были какими-то иными?

...О приказе 00447 советский режим хранил молчание до тех пор, пока существовал. В 1939 году, уже при Берии, появился приказ № 00515, которым предписывалось на запросы членов семей расстрелянных давать ответ, что они осуждены на те самые, многократно упоминаемые в литературе «десять лет ИТЛ без права переписки». В 1945 году им сообщили, что их родственники умерли в заключении. Лишь после краха социализма правда о приказе № 00447 постепенно, медленно и неохотно выплыла наружу. При этом основной книгой, посвященной этому приказу, кажется, до сих пор остается труд *немецких* исследователей Юнге и Биннера. Наши, по старой хрущевской инерции, предпочитают пережевывать горестную судьбу репрессированных ученых, писателей и партийцев.

...Едва приказ был отдан, как закрутилась машина террора. Как вы думаете, как повели себя чекисты при упрощенном порядке рассмотрения дел и затрудненном контроле после операции? Правильно: гребли всех, до кого могли дотянуться. Более добросовестные составляли протоколы, выбивая признания кулаком по ребрам. Менее добросовестные поступали проще. Как? Ну это же так просто! Поскольку этих дел никто не проверял, то что могло помешать следователю просто-напросто написать признание и подмахнуть подпись допрашиваемого? Да ничто! Менее добросовестные учили более добросовестных «передовым методам»...

Тот факт, что в состав «троек» входили партийные секретари и прокуроры, ни на что не влиял. Вот как проходили их заседания (цитирую Юнге и Биннера):

«Кроме трех “судей”, присутствовали секретарь, ведущий протокол, и представитель органа, проводившего следствие... После краткого сообщения докладчика и на основании письменного описания дела, где предлагалось отнесение к категории 1 или 2, “тройка” выносила свой приговор. В протоколах порой... даже не указывался соответствующий приговору параграф уголовного кодекса... И такое конвейерное правосудие за одно заседание приговаривало сотни “антисоветчиков”.

“Тройки” выносили свои приговоры за закрытыми дверями, ни разу не увидев и не услышав обвиняемого, не давая ему ни малейшей возможности для защиты, лишь на основании подготовленных следователями документов и их доклада. Пересмотр их решения, не требовавшего, в отличие от приговора “двоек”, подтверждения другой инстанцией, текстом приказа № 00447 не предусматривался, так что руководители оперативных групп могли быстро привести в исполнение приговоры “троек”. Приговоренным “тройкой” к смертной казни не сообщали приговора (подписанная Фриновским директива НКВД № 434 от 8 августа 1937 года это запрещала). Они умирали, не услышав его»⁴¹. Добавлю, что наверняка многие умирали, даже не узнав, за что их вообще арестовали...

Темпы работы были феноменальны. Татарская «тройка» на заседании 28 октября 1937 года подписала 256 смертных приговоров; Ленинградская 9 октября 1937 года – 658; Карельская 25 ноября – 629. «Черными стахановцами» стали «тройка» Краснодарского края, которая 20 ноября рассмотрела 1252 дела; Омская – 10 октября рассмотрено 1301 дело, из них 937 человек получили высшую меру. При 10-часовом рабочем дне, если не есть, не курить и в туалет не ходить, это получается 120 дел в час, или два дела в минуту. И абсолютным рекорсменом стала «тройка» в Виннице – в декабре 1937 года был такой день, когда она вынесла приговоры более 1560 обвиняемым⁴². По два дела в минуту! Как раз, чтобы судьям успеть поставить подпись – больше времени ни на что не оставалось.

⁴¹ Там же. С. 31.

⁴² Там же. С. 39.

В декабре 1937 года заканчивался срок операции, однако и в 1938 году полномочия «троек» были продолжены, установлены новые лимиты, и все покатило дальше, с устранением по ходу дела выявленных недостатков. Каких?

В феврале 1938 года прошла инспекторская проверка на Украине. Ее отчет цитирует О. Мозохин:

«Процветала вредная погоня за голыми количественными показателями выполнения и перевыполнения “лимитов”... Осталась не полностью ликвидированной значительная анти-советская и шпионская база в пограничных районах... Очень слабо проводились операции в областных центрах и городах, в промышленности и на транспорте... Крупнейшим недочетом работы по массовым операциям на Украине был низкий уровень следствия. В результате репрессированные кулаки, националисты, шпионы либо осуждались несознавшими (по отдельным областям количество сознавшихся едва достигало 20–40 %), либо, в лучшем случае, давшими показания только о своей личной подрывной деятельности...»⁴³

Надо объяснять, что все это значит? Или так понятно?

Приказано было провести новый учет тех, кто подлежал репрессиям, с использованием всех оперативных возможностей, с упором на проведение операций в городах. Трудно не связать эту проверку и сделанные выводы с назначением нового первого секретаря, тем более что в том же 1938 году он горько жаловался Сталину: «Украина ежемесячно посылает 17–18 тысяч репрессированных, а Москва утверждает не более 2–3 тысяч» и просит принять срочные меры⁴⁴. Имя этого нового «хозяина» региона мы все знаем, и весь мир его знает. Никита Сергеевич Хрущев.

«Национальные» операции проводились аналогично. Арестовывали по-простому: по данным паспортных столов. Председатель «особой тройки» НКВД по Московской области показывал на следствии: «во время проведения массовых операций 1937–1938 гг. по изъятию поляков, латышей, немцев и др. национальностей аресты проводились без наличия компрометирующих материалов... Арестовывали и расстреливали целыми семьями, в числе которых шли совершенно неграмотные женщины, несовершеннолетние, даже беременные, и всех, как шпионов, подводили под расстрел без всяких материалов, только потому, что они – националы».

Лишь в начале марта 1938 года «кулацкая операция» стала постепенно заканчиваться, окончательно сойдя на нет к осени 1938 года. Правда, 21 мая была введена в действие новая инструкция по работе «троек», в соответствии с которой их права были урезаны до прав Особого Совещания, даже меньше: высылка и сроки до пяти лет.

* * *

«...Террор оказался фактически направленным не против остатков разбитых эксплуататорских классов, а против честных кадров партии и Советского государства, которым предъявлялись ложные, клеветнические, бессмысленные обвинения...»

Из доклада Н. С. Хрущева «О культе личности и его последствиях»

Вот это и есть массовые необоснованные репрессии – это, а не расправы с писателями и «старыми большевиками». Для начала оценим их масштабы.

Всего с августа 1937 года по ноябрь 1938-го по приказу № 00447 было репрессировано 767 397 человек. Из них по первой категории, то есть под расстрел, пошли 386 798 человек.

⁴³ Мозохин О. Право на репрессии. С. 173–174.

⁴⁴ Емельянов Ю. Хрущев. От пастуха до секретаря ЦК. М., 2005. С. 142.

По «национальным» приказам⁴⁵ было арестовано 335 513 человек, из них к высшей мере приговорены 247 157. Итого, по этим операциям было арестовано 1 млн. 114 тыс. 110 человек и казнено 633 тыс. 955 человек, а в лагеря отправлено, соответственно, 481 тыс. 155 человек (данные М. Юнге и Р. Биннера). Всего же за 1937–1938 годы было осуждено за контрреволюционные и другие особо опасные преступления 1 344 943 человек, из них расстреляно 681 692 (данные И. Пыхалова). По статистике НКВД, по политическим следственным делам в 1937 году было привлечено 936 750 чел., а в 1938 году – 638 509 чел. Всего за два года – 1 575 259 чел., из них к высшей мере приговорены в 1937 году – 353 074, а в 1938-м – 328 618, всего – 681 692 (статистика приведена О. Мозохиным). Произведя простые арифметические подсчеты, мы получим, что по делам, не связанным с «массовыми» и «национальными» операциями, было расстреляно 47 737 и отправлено в лагеря и тюрьмы 413 412 человек.

Что же мы видим? На долю злодейски уничтоженных Сталиным «верных ленинцев», а также расстрелянных по фальсифицированным делам НКВД невинных партийцев, вкупе с шпионами, заговорщиками, просто оклеветанными гражданами и пр. остается всего-навсего 47 737 человек. Примерно около семи процентов! А что же остальные девяносто три?

А ничего! Крики о репрессиях, душераздирающие рассказы о «крутых маршрутах», хрущевские громы с молниями и огоньковские воздыхания – все это пришлось на долю тех самых оставшихся семи процентов. Девяносто три процента репрессированных общественного внимания не удостоились – ни при Хрущеве, ни потом. О них просто *никто ничего не знал*.

Надо очень четко понимать: те «репрессии», о которых говорил Хрущев, не имеют ничего общего с тем «тридцать седьмым годом», о котором говорят сейчас. Это совершенно разные вещи. И в своем докладе он не показал, а, наоборот, *скрыл* подлинные репрессии, выдав за них крохотный кусочек того, что на самом деле происходило. Очень крохотный кусочек. А по поводу настоящих репрессий и он, и его преемники хранили абсолютную тайну. Насмерть.

Но самая большая странность этого дела другая. Потому что никакая это на самом деле не зачистка, разве что по отношению к уголовникам, может быть, сработало, и то кратковременно, а потом освободившуюся нишу заполнила другая шпана. Единственно, какую роль этот приказ *не мог* выполнить – так это предвоенное избавление от «внутреннего врага». Потому что для пресловутого избавления достаточно отправить всех подозрительных в концлагеря, как обычно и поступают. А когда люди исчезают, точнее, когда их, неизвестно за что, убивают без суда и следствия (потому что только дурак может думать, что при таком масштабе операции не происходит утечки информации), то каждое такое исчезновение, как раз наоборот, плодит этих самых врагов во множестве. Ничего, кроме ненависти к строю, такая операция вызвать не может. Врагами становятся семьи арестованных, друзья, соседи, которые потом с легкостью необыкновенной пойдут в полицаи. Как вы думаете, почему на Украине, которую дважды заливали кровью: сначала Косиор, а потом Хрущев, немцев поначалу встретили без особой враждебности (это потом уже они постарались испортить о себе впечатление)?

А затем врагами вырастают дети, внуки, ненависть передается из поколения в поколение и, рано или поздно, подтачивает само государство. Как оно, в итоге, и произошло.

В истории Советской России есть одна похожая операция. Это «красный террор». Она относится к самому опасному периоду Гражданской войны и была откровенно демонстративной, поскольку проводилась в основном *на словах*. То есть кричали об уничтожении всех «враждебных классов», а жертвы насчитывались сотнями и тысячами. В 1937 году, в мирное время, когда непосредственной опасности (по крайней мере, по сравнению с 1918 годом) считай что и не было, ее вдруг провели *на деле*, без шума, под глубочайшим секретом, и жертвы насчитывались сотнями тысяч.

⁴⁵ Кроме «немецкого» и «польского» приказов были еще приказы «финский», «харбинский», «греческий» и др., а также расстрелы заключенных в лагерях.

Так что же все-таки происходило в 1937 году в Советском Союзе?!

Глава 5

Орден меченосцев и его магистры

*Наша работа открыта храбрым и честным.
Помни, дзержинец, эти слова,
Что у солдат революции
Чистые руки, горячее сердце, холодная голова.*
Из песни о ВЧК

...Любопытнейший казус, еще одна аберрация зрения: практически все пишущие о том времени, коммунисты и «демократы», сталинисты и антисталинисты, основывают свои рассуждения на одной посылке, ставшей уже аксиомой, – процесс «раскручивался» сверху. То есть Сталин велел, чекисты ответили: «Есть!» В таком случае вся эта история, действительно, отдает преизрядной паранойей. Но вот теперь я задам один очень гадкий вопрос.

А откуда известно, что эти команды давались из Кремля?

Откуда? Все, говорите, знают, так что даже сомневаться неприлично? А «все знают» откуда? Да все оттуда же – из творчества незабвенного Никиты Сергеевича Хрущева. И воспитанные в недрах постхрущевского социализма исследователи, сызмала привыкшие к партийному беззаконию, к «телефонному праву», даже и не сомневаются, что так было всегда.

Ну а если это было не так?

Любопытные вещи, уже в глубокой старости, вспоминал Молотов. Вячеслав Михайлович, беседуя с Феликсом Чуевым⁴⁶, находился в сложном положении: с одной стороны, он был убежденный сталинист, с другой – по уши замазан в хрущевских делах. Уж как он крутит, как выскальзывает из рук – но иной раз, в раздражении, в запальчивости говорит «золотые слова». Например, почти все разговоры о репрессиях тонут в бесконечном болоте слов о «правых», «левых», «стойких», «нестойких», о вере в социализм (про приказ № 00447 Чуев не знает, а Молотов не рассказывает, так что все крутится вокруг товарищей по партии) и т. п. И вдруг...

О Рудзутаке.

«Чуев. Неужели вы не могли заступиться, если вы его хорошо знали?»

Молотов. *Нельзя ведь по личным только впечатлениям! У нас материалы».*

Об Аросеве (старом друге Молотова, бывшем после в Праге).

«Чуев. А нельзя было вытащить его?»

Молотов. *А вытащить невозможно.*

Чуев. *Почему?*

Молотов. *Показания. Как же скажу, мне давайте, я буду допрос, что ли, вести? Невозможно».*

Молотов, между прочим, был тогда вторым лицом в государстве. Характер у него, что называется, упертый: когда председатель Совнаркома бывал в чем-либо убежден, переспорить его не мог даже Сталин. И тем не менее он не пытался отстоять старых товарищей. И не потому, что боялся – испугать Вячеслава Михайловича в то время было трудновато. Так почему?

Самое простое объяснение лежит на поверхности: они действительно получали от НКВД материалы. И эти материалы были достаточно однозначны. А после «московских процессов» и «дела Тухачевского», как я уже писала, в Кремле какое-то время могли поверить во все,

⁴⁶ Писатель, много лет встречавшийся с Молотовым, Кагановичем и другими видными людьми сталинской эпохи и добросовестно записывавший все беседы.

что угодно. И если НКВД сообщал о заговорщиках, то какие основания были у правительства не верить *профессионалам*? Тем более что контролировал их свой, *надежный* человек...

В этом была одна из роковых ошибок сталинского правительства, которая потом всю жизнь не давала вождю покоя. Но обратного хода у времени, как известно, нет...

«Чужие здесь не ходят»

Как это ни печально, но мы должны сознаться, что коммунист, попадая в карательный орган, перестает быть человеком, а превращается в автомат, который приводится в движение механически...

Из письма особистов Кушки Говорят, Сталин как-то раз сравнил партию с орденом меченосцев. Романтично, конечно, но не соответствует исторической реальности. Партия была структурой достаточно открытой, да и насчет мечей тоже – они все больше словом работали, плоткой...

Но была в СССР другая структура, которая на эту роль подходит куда больше. Согласитесь, последняя строчка припева известной песни очень напоминает рыцарский девиз. Так и видишь щит, по нижнему краю которого идет надпись: «Чистые руки, горячее сердце, холодная голова». А на эмблеме НКВД раннесоветского времени изображен обнаженный меч. «Щит и меч революции» – называли ВЧК, а потом ОГПУ. Так что ощущается, ощущается за этой символикой звон доспехов. Но еще более напоминает рыцарский орден эта структура своей закрытостью. Формула «государство в государстве» банальна, избита... но тем не менее точна. Чекисты всегда очень болезненно относились к любому контролю.

Так уж получилось, что с самого начала ВЧК мало кому подчинялась и мало кем могла контролироваться. Когда она появилась на свет, прокуратуры еще не существовало. Отчасти действия чекистов контролировали партийные органы – но лишь отчасти. Да и сами коммунисты были... Слой партийцев, которые ведали, что творили, был тонок, как пенка на молоке. А под ним – огромный слой партийных выдвиженцев, отсчитывающих стаж, большей частью, не ранее 1917 года, молодых, малообразованных, но очень активных и накопивших огромный заряд ненависти. Вооруженных классовым подходом, как они его понимают, не испытывающих никаких нравственных содроганий перед тем, чтобы убить любое количество людей. Таковы тогдашние коммунисты, будущий аппарат управления государством, таковы и тогдашние чекисты – выдвиженцы Гражданской войны.

Так что это еще вопрос – кто и кого контролировал. Чекисты с самого начала ощущали себя *гвардией* революции.

А гвардеец есть гвардеец при любом строе: он считает себя опорой державы, при желании меняет королей и не любит чьего бы то ни было вмешательства в свои дела.

Когда появилась прокуратура, то первая же попытка поставить органы под ее надзор с самого начала вызвала резкое неприятие не кого-нибудь, а самого Дзержинского.

«Отдача ВЧК под надзор НКЮста, – писал он еще в 1921 году, – *умалает наш авторитет в борьбе с преступлениями, подтверждает все белогвардейские рассказы о наших "беззакониях", по существу не достигая никаких результатов надзором одного лица столь большого аппарата. Это акт не надзора, а акт дискредитирования ВЧК и ее органов. ...Иметь комиссара⁴⁷ Коллегии – Ч. К. не заслужили, так как состоят из членов партии, испытанных в боях и со стажем большим, чем Зав. Губюстами. Ч. К. находятся под надзором партии. Введение комиссара Губюста означает фактически перемену курса против Ч. К., так как Губюсты –*

⁴⁷ Основной функцией комиссаров в то время был надзор над ответственными лицами.

это органы формальной справедливости, а Ч. К. органы дисциплинированной партийной боевой дружины.

Ч. К., члены ее Коллегии и сотрудники не могут быть гражданами той же категории, что и белые спецы, – гражданами 2-й категории... принципиально такая постановка контроля для нас как партийных работников, а не специалистов по арестам и расстрелам – внутренне неприемлема»⁴⁸.

Каково, а? Нас, боевой отряд партии, будут контролировать какие-то штафирки из наркомюста, да еще с меньшим партийным стажем? Не бывать! Чекисты очень не хотели расставаться с привилегированным положением *партийных боевиков*. Пришлось, конечно, однако обидо была большой...

В этом документе, как в капле воды... В общем, если без риторики, тут видно все сразу: и что новую власть они рассматривали вовсе не как диктатуру какого-то там пролетариата, а как диктатуру *партии*, и что подчиняться соглашались только партии, а не государству, а госконтроля над собой знать не желали. Пока ВКП(б) и государство совпадали, все было хорошо – а что будет, если они разделятся? С кем останутся чекисты?

Забегаю вперед, скажу: этот вопрос многое проясняет...

...По поводу контроля и надзора они будут препираться все время – впрочем, ничего необычного в этом нет. Все спецслужбы всего мира чужих глаз не любят. Начал это, как мы видели, еще Дзержинский, но и на Берию прокуроры точно так же жаловались, что мало с ними считается. Впрочем, один интересный момент здесь есть, который очень неприятно отозвался впоследствии.

В 1922 году столкнулись между собой нарком юстиции Курский, Прокурор Республики Крыленко и управделами ГПУ Ягода. Речь шла о внесудебных приговорах ГПУ по делам собственных сотрудников. По-простому говоря, первые двое считали, что чекистов, совершивших должностное преступление, следует судить на общих основаниях, а Ягода отстаивал право структуры самой наказывать своих преступников. Конфликт выплеснулся наверх, в форме письма Сталину, последующие десять лет его решали, да так толком и не решили.

Позднее, уже будучи фактическим руководителем ведомства, Генрих Григорьевич сделал свои выводы. В 1931 году, в порядке оздоровления кадров, первым заместителем председателя ОГПУ Менжинского был назначен старый большевик И. А. Акулов, «профсоюзник», до того зам. наркома РКИ⁴⁹ – в общем, «варяг», из партийцев. И вот какую историю рассказал бывший чекист Михаил Шрейдер:

«Характерной для различия позиций, занимаемых Ягодой и Акуловым, была оценка вскрытого мною летом 1932 года дела о массовом хищении спирта на Казанском пороховом заводе (я был тогда начальником экономического отдела ГПУ Татарии). По делу проходило 39 работников ГПУ Татарии. Акулов, поддерживаемый Менжинским, настаивал, чтобы всех участников хищений и взяточников, состоявших на службе в органах, судили по всей строгости на общих основаниях. Ягода же считал, что это будет позором для органов, а потому всех этих преступников надо тихо, без шума снять с работы и отправить служить куда-нибудь на периферию, в частности, в лагерь...»⁵⁰

Акулова вскоре из органов выдавили, Менжинский умер, и Ягода стал начальником политической полиции СССР. Кого-нибудь еще удивляют описанные в таком количестве мемуаров зверства в лагерях – если в них НКВД *ссылал своих преступников?*

⁴⁸ Правда для служебного пользования. (Из документов личного архива Ф. Дзержинского (1918–1921 гг.) // Неизвестная Россия. М., 1992. Т. 1. С. 41–42.

⁴⁹ РКИ – Рабоче-крестьянская инспекция.

⁵⁰ Шрейдер М. НКВД изнутри. М., 1995.

Но это все, впрочем, «верхушечные» процессы. На местах все было, как и положено, прямее, проще, грубее.

Вот еще один документ эпохи – заявление сотрудников Кушкинского отделения Особого отдела Туркестанского фронта, направленное в ЦК РКП(б) 18 марта 1921 года.

«Мы, коммунисты-сотрудники Кушкинского Отделения Особого Отдела Туркфронта, ставим в известность ЦК РКП о неправильных расстрелах коммунистов, находящихся на службе в Особых Отделах и Чека, которые в последнее время участвовали в Турккредпути. Расстреливают сотрудников за разные преступления, и никто из коммунистов, находящихся в этих пролетарских карательных органах, не гарантирован от того, что завтра его не расстреляют, подведя под какую-либо рубрику одного из преступлений... Расстреливая сотрудников и, по-видимому, рассчитывая на оздоровление аппарата карательных органов, люди, стоящие на "верхах", совершенно не хотят понять, что этим они еще больше вносят разложение в среду сотрудников...»

Вдумаемся, что здесь написано. Конец Гражданской войны, право расстрела, кроме самих чекистов, имеют одни лишь ревтрибуналы. А чекистов имеют право приговаривать к смерти лишь коллегии не меньше чем краевых ЧК. При этом авторы письма вовсе не отрицают, что расстреливают «за преступления», они не кричат, что их товарищи погибли безвинно.

Что же творили чекисты в Туркестане, если собственному начальству пришлось их расстреливать едва ли не в массовом порядке?

«Если бы те, которые так легко подписывают смертные приговоры, посмотрели поближе на жизнь сотрудников и видели, что они босы, голы, голодны... что они происходят из рабочих и крестьян, имеют все недостатки, оставленные им в наследство царизмом, а главным образом буржуазную идеологию...»

Брали взятки, грабили местное население?

«Но если мы возьмем каждого коммуниста-чекиста или особиста и рассмотрим все его физические, психологические строения, то мы увидим, что у него есть желудок, который регулярно дает себя знать...»

Спекуляция продуктами, воровство при обысках?

«...у него есть другие наклонности, которые являются наследием прошлого и которые изжить почти невозможно...»

Изнасилования? Хотя за них, кажется, не расстреливали... Тогда что? В то время смертная казнь, в общем-то, применялась за весьма ограниченный набор преступлений, таких, как грабежи, бандитизм, торговля наркотиками, крупная спекуляция.

За что – этот вопрос отчасти проясняется в другом письме. Нарком внутренних дел УССР Манцев 20 июня 1922 года пишет Дзержинскому:

«...Хочу обратить внимание на тяжелое положение органов ГПУ и сотрудников по Украине. Я думаю, что это общий вопрос и в России положение едва ли лучше. Денежное вознаграждение, которое уплачивается сотруднику, мизерное, так же как продовольственный паек. Сотрудник, особенно семейный, может существовать, только продавая на рынке все, что имеет. Имеет он очень мало. И потому находится в состоянии перманентного голодания... Я лично получаю письма от сотрудниц, в которых они пишут, что принуждены заниматься проституцией, чтобы не умереть с голода. Арестованы и расстреляны за налеты и грабежи десятки, если не сотни сотрудников, и во всех случаях установлено, что идут на разбой из-за систематической голодовки. Бегство из ЧК повальное. Особенно угрожающе стоит дело с уменьшением числа коммунистов среди сотрудников. Если раньше мы имели 60 % коммунистов, то теперь с трудом насчитываем 15 %. Очень часты, если не повседневны, случаи выхода из партии на почве голода и необеспеченности материального существования. И уходят не худшие, а в большинстве пролетарии...»

Стало быть, борцы с преступностью сбивались в банды и тоже становились преступниками, по примеру тех, с кем боролись. Теперь ясно, в чем дело: за бандитизм тогда стреляли без сантиментов, иначе жить вообще было бы невозможно. Но почему, в таком случае, бандитов расстреливать можно, а чекистов нельзя?

А таков классовый подход! Туркестанские чекисты не просят, чтобы им прибавили жалованье, увеличили пайки, Нет, они говорят совсем о другом.

«Мы не протестуем против расстрелов, но высказываем свои взгляды о применении таковых к рабочим и крестьянам. Расстреливать нужно: буржуазию, спецов-интеллигентов, бандитов и идейных контрреволюционеров... Расстрелы для буржуазии и товарищеское исправление для рабочих и крестьян. Вот на чем должны быть основаны наши карательные органы».

А ведь речь идет не о политических, а обо *всех* преступлениях, в том числе и уголовных. И такой подход наверняка существовал не только в Кушке. Кстати, ведь и Манцев считает, что пролетарий, который, не выдержав лишения, *уходит* из ЧК, лучше «классово чуждого», который в ней *остается*.

Еще Макаренко сформулировал горькую истину касательно низкооплачиваемых государственных служащих: «сорок сорокарублевых педагогов могут разложить любой коллектив». То же самое мы видим на примере этих двух писем. Голод, мизерная зарплата, люди бегут из органов. Однако важно не кто бежит, важно – кто остается. Остаются либо идейные, те, кому все нипочем, либо последние, говоря современным языком, «лузеры», то есть неудачники, которым некуда больше податься. Либо... либо те, кто умеет использовать работу и власть над людьми для решения личных проблем. И не только налетчики, но и взяточники, и воры, и мастера «липовых» дел.

О том, как влияет работа в «органах» на вчера еще хорошего парня, тоже пишут особы из Кушки.

«Если мы посмотрим на коммунистов, находящихся в пролетарских карательных органах, то мы увидим, что они... благодаря однообразной, черствой, механической работе, которая только заключается в поисках преступников и в уничтожении, постепенно против своей воли становятся индивидами, живущими обособленной жизнью. В них развиваются дурные наклонности, как высокомерие, честолюбие, жестокость, черствый эгоизм и т. д., и они постепенно, для себя незаметно, откалываются от нашей партийной семьи, образуя свою особенную касту, которая страшно напоминает касту прежних жандармов. Партийные организации на них смотрят, как на прежнюю охранку, с боязнью и презрением... Являясь бронированным кулаком партии, этот же кулак бьет по голове партии...»

И, наконец, именно кушкинцы написали фразу, вынесенную в эпиграф этой главки: «как это ни печально, но мы должны сознаться, что коммунист, попадая в карательный орган, перестает быть человеком, а превращается в автомат, который приводится в движение механически...»

Дзержинский, к которому попало это письмо, в ужас не пришел. Никаких «супермер» он тоже не придумал. В своей резолюции лишь написал, что «к тем из рабочих, которые совершили преступление случайно, только потому, что жили в слишком тяжелых условиях... применять высшую меру надо с чрезвычайной осторожностью». (То есть, по сути, дал индульгенцию – само собой, любой пойманный бандит будет кричать, что грабил от голода и дома дети плачут, даже если это не так.) ЧК он предложил врачевать более частой сменой состава и «сближением» с партией. Идеалист с Лубянки даже не заметил, что сам рубит сук, на котором сидит: при постоянной ротации кадров как можно говорить хоть о каком-то профессионализме? Или это качество, в чекистской работе не обязательное? А всем прочим впору содрогнуться от его идеи, по сути, *наладить обучение* милым чекистским привычкам. Поработал год в ВЧК – иди потрудись еще где-нибудь. Научился сам – научи товарищей...

Был в НКВД такой Ефим Евдокимов, которого потом из «органов», в порядке очередной склоки, тоже выдавили, и он перешел на работу в партийный аппарат. В 1937 году Евдокимов был первым секретарем Азово-Черноморского крайкома. Так вот: этот не самый большой в стране край по приказу 00447 по первой же разнарядке потребовал расстрела 5 тысяч человек – столько же, сколько печальной памяти Западно-Сибирский крайком и Московский обком. Потом Евдокимов стал первым секретарем Ростовского обкома и в дальнейшем расстрелял еще 3500 человек, в то время, когда на остальной территории края расстрелов уже не было. То есть все 8500 человек, погибших в крае, были на его... совесть у него едва ли присутствовала... в общем, все эти люди числились за ним.

Это – то, с чего начиналась советская политическая полиция в те времена, когда формировалось *лицо* конторы. Люди, работавшие в ней тогда, – они ведь никуда не делись. Те, кому работа была не по нраву, уходили, а те, кому она нравилась, продолжали работать в «органах», постепенно росли по службе. Естественно, их качества оставались при них, поскольку искоренением всех этих милых привычек никто толком не занимался. Если мы посмотрим послужной список чекистской «верхушки» к 1937 году, там полно выдвиженцев Гражданской войны – необразованных, жестоких, не знающих и не желающих знать никаких законов и не признающих над собой никакого контроля. И с этим «лицом» органы вступили в «тридцать седьмой год».

Нравы «новых меченосцев»

Все, чего я хотел, – это согласия с моими желаниями после конструктивной дискуссии.

Уинстон Черчилль

Чтобы изменилось «лицо» советской политической полиции, потребовались две тотальные «зачистки» – 1937–1939-го и 1953–1956 годов, естественная смена поколений, а потом еще десятилетия упорного труда, колоссальный многолетний пиар, повышающий престиж организации, так что в нее стали стремиться попасть лучшие из лучших.

Всего этого в начале 30-х не было. Репутация у чекистов была, мягко говоря, не самая хорошая, попасть туда стремились отнюдь не лучшие из лучших, а полуграмотные «борцы» с «незаконченным низшим» образованием (впрочем, если и с законченным, то от этого не легче). Кадровый голод в СССР был чудовищным. Людей не то что с высшим, а даже со средним образованием буквально рвали на части. И на долю ВЧК, а потом ОГПУ их доставалось уже совсем немного: работа непрестижная, да и люди требуются «лучшие, то есть пролетарии».

Я не зря все время говорю про образование. Обстановка, жизнь в стране были по-военному жестоки: говоря модным сейчас блатным языком, «умри ты сегодня, а я завтра». Бога «отменили». В этой ситуации единственным, что могло подавить в человеке зверя, оставалось образование, хотя и оно не очень-то помогало, но все же...

Нет, бывают и необразованные люди по-простому хорошие, добрые, кто же спорит. Были они и в «органах». Вот только «наверх» не выбивались, да и погоду не делали. А рядом с ними обитали развращенные властью над людьми отморозки. Сын Берии вспоминал: говоря о работе в ЧК в 20-е годы, его отец как-то обронил, что не знал ни одного чекиста, который бы действительно любил свою профессию и при этом не был бы мерзавцем.

О том, что собой представлял ОГПУ – НКВД, косвенно говорят данные самой же конторы. Согласитесь, что по численному составу органы внутренних дел не могут тягаться с армией. Даже учитывая пограничные и внутренние войска, РККА все равно была как минимум раз в десять больше. А теперь рассмотрим статистику преступлений. В этой статистике,

конечно, черт ногу сломит, поскольку единообразие там и не ночевало: в одни годы в нее входили только политические преступления и приравненные к ним, в другие – вообще все преступления, но все же...

Впервые контора упомянула отдельной строкой своих работников в данных за 1930 год. Тогда к ответственности были привлечены 533 сотрудника ОГПУ и 69 – милиции, и 3647 военных. В 1932 году соотношение уже другое: 1698 чекистов и 2778 военных. 1934 год: соответственно 2850 и 1923. 1935 год: 6249 и 5300 человек. За 1936 год статистики нет, и только в 1937 году мы получаем обратное соотношение: 3837 сотрудников НКВД и 14 239 военных, но там уже шли совсем другие процессы.

Как говорится в анекдоте: тенденция, однако...

...Эти два документа ничего особенного собой не представляют. Просто две жалобы из огромного потока писем «во власть». Их безвестные герои вынырнули на мгновение из пучины жизни и снова канули туда, теперь уже навсегда. Судя по реакции на письма, ничего экстраординарного, *типичные* случаи. Обыкновенные...

Из письма заключенного Бардина на имя Молотова. 1932 г.

«Прошу вашего распоряжения о рассмотрении моего заявления и принятия соответствующих мер, так как зам. начальника Управления Карлага ОГПУ т. Корниман ведет себя не совместно с поведением члена ВКП(б) и сотрудника ОГПУ. Так, 9/IV-32 года во время конвоирования моего этапа з/к, он встретился в дороге и ни за что оскорбил меня (обругав матерщиной) в присутствии з/к, которых я конвоировал, и после этого в наказание приказал меня исключить из ВОХР. 10/IV с.г. т. Корниман, взойдя в штаб ВОХР, ни за что избил делопроизводителя ВОХР з/к Горового, а кроме того, им нанесена масса оскорблений, а подчас и побоев заключенным, что можно выяснить только на месте, т. к. заключенные жаловаться боятся, потому что он начальник... Подобного рода издевательские поступки со стороны Корнимана проявляются больше всего к з/к, осужденным по бытовым и служебным статьям, и бывшим членам партии. К з/к, осужденным за контрреволюционные преступления, Корниман относится лучше, и подобных поступков к контрреволюционерам не проявляется. В целом Корниман относится хуже всего к организации ВОХР, т. к. в этой организации исключительно осужденные по бытовым статьям и бывшие члены партии ВКП(б) и ВЛКСМ, т. е. люди, по соц. положению более близкие к существующему строю и попавшие в заключение по ошибке или малограмотности»⁵¹.

Все-таки ничто не может сравниться с подлинным документом. Каждый из них – моментальная фотография времени. Оказывается, в 1932 году конвоиры лагерей набирались из заключенных – ну кто бы сейчас додумался до такого выверта организационной мысли Советской власти? ВОХР значит «вооруженная охрана» – выходит, им и оружие давали? Что, зеков охранять уже совсем никто не шел?

А Корниман этот – кто такой? Ну, почему бьет морду зекам – понятно: он сильный, они слабые, как не дать? А почему он не трогает «контрреволюционеров», хотя вроде бы полагось наоборот? То ли сам такой, то ли побаивается: «контрики» имели привычку, чуть что, строчить жалобы во все инстанции, а «социально близкие» – люди безответные... Кстати, в результате расследования жалобы товарища Корнимана из органов все-таки vyšлибли «в распоряжение местной парторганизации» – ротация кадров, почти по Дзержинскому. Как уж там парторганизация распорядилась столь ценным кадром, неведомо...

Еще один штрих – это уже из самых «низов» ОГПУ, из практики тех сотрудников, что работали с секретными агентами.

Из письма студента Пучкина А. В. Луначарскому. 1929 г.

⁵¹ Письма во власть. 1928–1939. М., 2002. С. 182.

«Я самый обыкновенный, беспартийный человек, студент-медик III курса Томского университета, сын деревенского фельдшера, теперь уже покойного... В 1925 году я по окончании в своем селе... школы II ступени был назначен учителем в соседнее село. Мне было в то время 20 лет, жизни я еще не знал, жил все время с матерью. И вот я вскоре подвергся грубому допросу со стороны агента Г. П. У., который с револьвером в руках заставил меня подписать согласие на службу тайным агентом... Я отказывался. Ничего не слушая, агент кричит, что сейчас возьмет и увезет меня в г. Барнаул (в 30 верстах), где я найду скорую кончину в подвале. Таким образом он вынудил у меня подпись. С этого и началось все.

Через 2 месяца приезжает другой агент и требует от меня доносов. У меня их нет. Я прошу освободить меня от этой работы... Обещает расстрел в случае отказа и уезжает. Потом я встретил его у себя в селе. Опять начались те же пытки. В это время я уже готовился для поступления на медфак. Он об этом уже знает и обещает стать на дороге. Все-таки в августе м-це 1926 г. выдерживаю конкурсный экзамен и зачислен на первый курс медфака...» В общем, в Томске продолжалось то же самое – вызовы в ГПУ, угрозы, которые никогда не исполнялись... С парня не слезали до самого 1929 года.

«Куда обратиться за помощью? Кто может повлиять на дела этого учреждения? К прокурору, который помещается в одном здании с ГПУ, и, конечно, ему все незаконные дела известны – я думаю, обращаться бесполезно. И вот решил обратиться к вам, товарищ Луначарский...»

Результаты этого обращения неизвестны. Судя по тому, что письмо было обнаружено среди бумаг Луначарского, без сопроводительных надписей, результата не было никакого.

Это все тоже ростки, из которых вырастет «тридцать седьмой год». Этот парень оказался крепким, а другие были не таковы. Отсюда берут начало эти шизофренические процессы, о которых шла речь чуть раньше, «агентурные разработки», из которых потом «тройки» собирали свой конвейер смерти. Эти милые ребята ведь тоже никуда не делись, остались в «органах» вместе со своими методами и, может статься, даже доросли до следователей, остался и их осведомительский аппарат...

Впрочем, при любом строе и при любых порядках «внизу» все равно будут происходить такие эксцессы. Но и наверху обстановочка царила еще та. Контора была склочная на редкость, да и в манерах сотрудники переняли много от подведомственного контингента (сплошь и рядом не сильно от него отличаясь). Несколько милых сценок приводит тот же Шрейдер.

«Я сидел в кабинете начальника административно-организационного управления ОГПУ И. М. Островского... когда к нему зашел работник управления погранохраны Ленинградского полпредства ОГПУ Ф. со знаком “Почетный чекист”, выпущенным к десятилетию органов госбезопасности.

– За какие же заслуги тебя, говнюка, наградили значком? – грубо спросил Островский.

Ф. растерялся и, пробормотав что-то нечленораздельное, поспешил удалиться.

– Видишь, что делается, – мрачно сказал Островский. – Как обесценены значки “Почетный чекист”, введенные Феликсом Эдмундовичем. Какой-то подхалим за привезенную начальству посылку из изъятой контрабанды получает значок...»

«Однажды... я зашел в кабинет Люстингурта (работник Экономического управления. – Авт.) с очередным докладом и застал там начальника первого отделения Каплана, который докладывал о каком-то “страшно вредительском” деле, раскрытом... в системе Мосэнерго. Слушая эту “сказку”, я не выдержал и бросил реплику: “Липа чистой воды!”

– Я тебе покажу липу! – взорвался Люстингурт и что есть силы ударил по столу кулаком. – Сам благодарности получаешь, а нам палки в колеса вставляешь! Люди работают, борются с контрреволюцией, а ты позоришь наш аппарат, покрывая вредителей на своих объектах, да еще стучишь Миронову, что мы якобы липуем!

Началась перебранка со взаимными оскорблениями, а кончилось тем, что Люстингурт истерически завизжал: “Вон из моего кабинета!” – и нецензурно выругался.

Не помня себя от возмущения и обиды, я выхватил револьвер и выстрелил в искаженную бешенством физиономию Люстингурта. Пуля врезалась в стенку в нескольких сантиметрах от его головы. Я бросил револьвер на пол, меня схватили за руки и вывели в секретариат, где я в изнеможении плюхнулся на стул...»

К счастью для Шрейдера, Люстингурта очень не любил полпред по Московской области Реденс, так что дело замяли, а возмутителя спокойствия Шрейдера отправили помощником начальника Московского уголовного розыска. Кстати, обвинения в «липачестве», то есть в фальсификации дел, в «органах» были чем-то вроде классического «сам дурак». Если основываться на этих обвинениях, то в то время вообще «чистых» дел не было, все дутые. Чем и воспользовались впоследствии реабилитаторы...

И, наконец, замечательная сценка на кремлевском банкете.

«Среди приглашенных был старый чекист Василий Абрамович Каруцкий. Каруцкий любил выпить и с годами все более увлекался этим занятием. Естественно, на банкете, где было много спиртного, он был изрядно “на взводе”.

– Ну что, Каруцкий, опять нахлестался? – с усмешкой спросил, подходя к нему, Каганович.

– А ты меня поил, что ли? – грубо оборвал его Каруцкий.

Каганович, уже в те годы привыкший ко всеобщему преклонению, был поражен резким ответом, растерялся и отошел (а может быть, просто не стал связываться? – *Е. П.*). Тогда Островский стал укорять Каруцкого за нетактичное поведение.

– Идите вы все к чертовой матери, жополизы! – огрызнулся Каруцкий. – Он еще будет считать, сколько я выпил!»

Вот таковы были нравы... Ну не все чекисты, конечно, были такими. Персонажи в органах случались... разные! Про Дзержинского, например, худого слышать не приходилось: бесстрашный, честный, бессребреник в заплатанной гимнастерке. Рассказывают, кстати (не знаю, насколько достоверно), что Дзержинский установил такое правило: если сотрудник требовал для арестованного смертной казни, то должен был сам его расстреливать. Многих отрезвляло...

Были и другие. Боровшиеся с наклонностями, «которые являются наследием прошлого и которые изжить почти невозможно...» самым простым способом: удовлетворяя их, чтобы не беспокоили и жить не мешали.

Тут, конечно, самый ходовой пример – Генрих Ягода. Ну, то, что он в честь 10-летия ОГПУ устраивал банкеты в лучших московских ресторанах, стало уже общим местом, это только ленивый не поминал. То, что он решал важные чекистские вопросы на пьянках, в присутствии посторонних собутыльников и неизвестно откуда взявшихся баб – тоже дело житейское. В 1929 году по этому поводу возникла нешуточная склока: второй заместитель Менжинского, начальник иностранного отдела Трилиссер обвинил Ягоду... нет, не в том, что спаивает сотрудников, а в том, что пьянствует с оппозиционерами (один из собутыльников, секретарь Сокольнического райкома Борис Гибер, был «правым»). Ну, надо сказать, что Генрих Григорьевич пил с этим человеком не по «политическим основаниям», а потому, что Гибер возглавлял райком партии, к которому, как первичная организация, принадлежала Лубянка. Но все же дело о ягодинских пьянках вышло наружу.

Склока грохнула нешуточная, дошла до Московского комитета партии. Сам Ягода отделался относительно легко, зато двоим его заместителям-собутыльникам – Погребинскому и Фриновскому, пришлось «прогуляться» на периферию. Впрочем, для равновесия отправили

на Дальний Восток и Трилиссера. «Рыцари революции», не в первый раз и не в последний, понесли московские нравы по стране.

На их место пришли новые «рыцари», не хуже старых – было бы болото, а черти заведутся. Это были все те же выдвиженцы времен Гражданской войны, которые до войны ничему не выучились, а потом некогда было, а пуще того – потребности не было никакой. Так, знаменитый Заковский окончил два класса Либавского училища, Агранов – 4 класса и т. д. На их фоне Ягода со своей гимназией смотрелся чуть ли не профессором.

Потом их имена всплывут во время «большой чистки» – Заковский, Балицкий, Леплевский, Евдокимов. А вокруг каждого из этих персонажей консолидировалась «мафия», связанная не только многолетней совместной службой, но и разного рода сомнительными делами и делишками.

Вот, например, тот самый, уже упоминавшийся Евдокимов. В 1929 году, после пьяной истории с Гибером, он сменил Ягоду на посту начальника секретно-оперативного управления ОГПУ. В дореволюционном прошлом боевик, перебивавший во всех самых террористических партиях – анархистов, эсеров, максималистов, после революции много лет боролся с бандитизмом, имел четыре ордена Боевого Красного Знамени, затем чему-то учился в Социалистической академии. Продержался он в Москве недолго: после очередной склоки, в которой Евдокимов выступил против Ягоды, его «удалили» на Северный Кавказ. Ягоду после этой истории он, скажем так... очень-очень любил. По этому поводу бытовал в «органах» один апокриф (а может быть, и не апокриф).

«Агнесса Ивановна, вдова видного чекиста Миронова-Короля, процитировала рассказ Фриновского, заместителя Ежова: Ягода не соглашался дать нужные показания. Об этом доложили Сталину. Сталин спросил: “А кто его допрашивает?” Ему сказали. Сталин усмехнулся, погасил трубку, прищурил глаза: “А вы, – говорит, – поручите это Евдокимову”.

Евдокимов тогда уже никакого отношения к допросам не имел... Его разыскали, вызвали. Он выпил стакан водки, сел за стол, засучил рукава, растопырил локти – дядька здоровый, кулачищи во!

Ввели Ягоду – руки за спину, штаны сваливаются (пуговицы, разумеется, спороты). Когда Ягода вошел и увидел Евдокимова за столом, он отпрянул, понял все. А Евдокимов: “Ну, международный шпион, не признаешься?” – и в ухо ему... Сталин очень потешался, когда ему это рассказали, смехом так и залился...»⁵²

Невзирая на сомнительную достоверность самой сценки, люди, сочинившие ее, обстановку в «органах» знали хорошо...

Но вернемся к Ягоде. Кроме пьянства, баб и склок, еще он запускать руку в кладовые ОГПУ, где хранились вещественные доказательства, в числе которых были немалые ценности. Впрочем, и просто пожить за казенный счет не брезговал. После ареста выяснилось, что содержание квартир и дач Ягоды обошлось НКВД в одном лишь 1936 году в 1 149 500 рублей. На своих родственников он потратил 165 тысяч, на любовницу (кстати, невестку Горького) – 160 тысяч⁵³. А еще он подкармливал особо избранных сотрудников и «нужных» людей...

Привести, что ли, в сотысячный раз кое-что из протокола обыска на его даче? Вдруг кто еще не читал этого списка?

«...Денег советских – 22 997 рублей 59 копеек... вин разных 1229 бутылок, в большинстве своем заграничных 1897, 1900 и 1902 года изготовления; коллекция порнографических снимков – 3904 штуки; 11 порнографических фильмов; сигарет египетских и турецких – 11 075 штук... мужских пальто, главным образом заграничных – 21... костюмов мужских разных заграничных – 22; гимнастерок коверкотовых из заграничного материала – 32 штуки... каль-

⁵² Соколов Б. Наркомы страха. М., 2001. С. 73.

⁵³ Там же. С. 69.

сон “Егер” – 26... трико дамских шелковых заграничных – 70...» И так далее, и так далее... похоже, Генрих Григорьевич уже попросту «поплыл», войдя в стадию, которую в народе называют словом «прорва»...

Впрочем, Ягода с его пьянками и коллекцией порнографии достаточно уныл. Аптекарь, он и есть аптекарь, выше мелкобуржуазной банальщины его фантазия не поднимается. Ему очень далеко до дворянина Глеба Бокия, выпускника престижного Петербургского Горного института. Вот уж тот развлекался так развлекался. В 1938 году один из его сотрудников – Н. В. Клименков, – рассказывал на следствии (вообще говоря, от этих описаний уже подташнивает – но мимо такого как пройдешь?):

«С 1921 года я работал в спецотделе НКВД. Отдел в то время возглавлял Бокий Глеб Иванович... Последний в одно время сообщил мне, что им в Кучино создана “Дачная коммуна”, в которую входят отобранные им, Бокием, люди...

...При первом моем посещении “Дачной коммуны” мне объявили ее порядки, что накануне каждого выходного дня каждый член “коммуны” выезжает на дачу и, приехав туда, обязан выполнять все установленные “бабьей Бокием” правила. “Правила” эти сводились к следующему: участники, прибыв под выходной день на дачу, пьянствовали весь выходной день и ночь под следующий рабочий день».

Впрочем, пили в «органах», как и в армии, как и в целом по стране, зверски, так что ничего особенного в пьянках не было. Но на даче «чекиста-интеллигента» царила изысканность в духе самого разнузданного декаданса...

«Эти пьяные оргии очень часто сопровождались драками, переходящими в общую свалку. Причинами этих драк было то, что мужья замечали разврат своих жен с присутствующими здесь же мужчинами, выполняющими “правила бабки Бокия”. “Правила” в этом случае были таковы. На даче все время топилась баня. По указанию Бокия, после изрядной выпивки партиями направлялись в баню, где открыто занимались групповым половым развратом.

Пьянки, как правило, сопровождались доходящими до дикости хулиганством и издевательствам друг над другом: пьяным намазывали половые органы краской, горчицей. Спящих же в пьяном виде часто “хоронили” живыми, однажды решили похоронить, кажется, Филиппова и чуть его не засыпали в яме живого. Все это делалось при поповском облачении, которое специально для “дачи” было привезено из Соловков. Обычно двое-трое наряжались в это поповское платье, и начиналось “пьяное богослужение”...»⁵⁴

Еще один свидетель, доктор Гопшиус, дополнил картинку:

«Каждый член коммуны обязан за “трапезой” выпить первые пять стопок водки, после чего члену коммуны предоставлялось право пить или не пить, по его усмотрению. Обязательно было также посещение общей бани мужчинами и женщинами. В этом принимали участие все члены коммуны, в том числе и две дочери Бокия. Это называлось в уставе коммуны “культу приближения к природе”. Участники занимались и обработкой огорода. Обязательным было пребывание мужчин и женщин на территории дачи в голом и полуголом виде...»⁵⁵

Казалось бы, пьют люди, развлекаются непотребным образом в свободное от работы время – ну и пусть себе, кому это мешает? Но дело в том, что Ягода не только пил сам, он втягивал в веселую жизнь окружающих, которые, в свою очередь, учиняли аналогичное уже со своим окружением. Бокий возил на дачу собственных сотрудников. Время от времени, обычно после очередной склоки, на которую была богата контора, в ОГПУ – НКВД происходила «ротация кадров», провинившиеся отправлялись на периферию, неся с собой московский стиль жизни

⁵⁴ Там же. С. 18–19.

⁵⁵ Там же. С. 19.

и московские привычки. Так что контора по своему облику все дальше и дальше отходила от той, которую показывали в кино.

Конечно, далеко не все было так мрачно. Имелись в «органах», и немало, очень даже немало – нормальные, адекватные люди (число ублюдков в обществе все-таки не безгранично). Их было даже большинство, может быть. Но для беспредела вовсе и не надо, «чтобы все». Из многочисленных воспоминаний зеков мы знаем, что порядок в бараке определяла горстка уголовников, а остальные этот порядок принимали. Так и тут. Каждый из этих, будучи начальником, развращал подчиненных. От каждого из пьяных от водки и власти отморозков зависели десятки, а то и сотни человеческих судеб. Которые они решали в тех традициях, к которым привыкли. Каких?

Еще одна «жертва режима» – широко известный старый большевик, член РСДРП с 1901 года Михаил Сергеевич Кедров – тот самый, которого «злодей Берия» расстрелял в 1941 году⁵⁶. Почему-то именно этот человек был большевистским «Фредди Крюгером» для российской эмиграции. С. П. Мельгунов в своей книге «Красный террор в России» писал о его деятельности в 1918 году: «Особо свирепствовал... Особый отдел ВЧК, находившийся в ведении полусумасшедшего Кедрова. Он присылал с “фронтов” в Бутырки целыми пачками малолетних “шпионов” от 8–14 лет. Он расстреливал на местах этих малолетних шпионов-гимназистов»⁵⁷.

Может быть, это тоже сказка – Мельгунов старательно собрал все истории о «красных зверствах», не заморачиваясь достоверностью. Однако сам выбор персонажа тоже кое о чем говорит. Как и то, что едва окончилась Гражданская война, Кедрова вышибли из органов, несмотря на юридическое образование.

Так вот: в свое время Кедров говорил Кривицкому, тому, что впоследствии перебежал за границу: «Вы не знаете, что можно сделать с человеком, когда он у вас в кулаке. Здесь мы имеем дело со всяким, даже с самым бесстрашным. Однако мы ломаем их и делаем из них то, что хотим!»

Это и был метод «ежовых рукавиц».

Приручение «варяга»

Единственный способ избавиться от драконов – это иметь своего собственного.

Евгений Шварц

Когда смотришь на фотографии Ежова того времени, поражает выражение его лица. Неужели это и есть персонаж, заливший кровью страну? Пожалуй, это единственный человек из тогдашней советской верхушки, который так улыбается, открыто и радостно, буквально сияя от счастья.

Нет, как хотите, есть в этом человеке какая-то непонятность...

Николай Иванович Ежов родился 19 апреля (1 мая) 1895 года в Санкт-Петербурге, в семье рабочего. По его словам. На самом деле никаких свидетельств о том, когда он родился, кто его отец и пр., найти не удалось. Да, наверное, не так уж это и важно.

Что важно? Образование – по его собственному выражению, «незаконченное начальное». Понимай, как знаешь: в начальной школе тогда учились где четыре, где три, а где и два

⁵⁶ Подробнее «дело Кедрова» в книге: Прудникова Е. Последний рыцарь Сталина.

⁵⁷ Мельгунов С. Красный террор. М., 1990. С. 30.

года. Профессия – слесарь. Рост – 151 см. Народ тогда был мельче, чем теперь⁵⁸, однако все равно мелок Николай Иванович, почти карлик. Для постижения характера это важно. Низкорослые мужчины, как правило, чрезвычайно амбициозны. Не зря в народе говорят: маленькая блоха, да больно кусает.

В партию большевиков Ежов вступил за несколько месяцев до Октября. Карьеру свою начал в 1919 году, с комиссаров, некоторое время был на партийной работе, потом сделался чиновником. В 1930 году стал начальником Орграспредотдела ЦК – структуры, ведавшей кадрами.

«Идеальный исполнитель» – характеризовал его прежний начальник Орграспредотдела Москвин. «Я не знаю более идеального работника, чем Ежов, – говорил он. – Вернее, не работника, а исполнителя. Поручив ему что-нибудь, можно не проверять и быть уверенным: он все сделает. У Ежова есть только один, правда, существенный недостаток: не умеет останавливаться. Бывают такие ситуации, когда надо остановиться. Ежов не останавливается. И иногда приходится следить за ним, чтобы вовремя остановить».

А затем он нашел, наконец, свою нишу. В 1934 году, на XVII съезде, была создана комиссия партийного контроля. Возглавил ее Каганович, Ежов стал его заместителем и вскоре сменил на этом посту. В Политбюро ему доверяли, окончательно это стало ясно после убийства Кирова, когда именно он был назначен председателем следственной комиссии. 1 февраля 1935 года он стал одним из четырех секретарей ЦК (кроме Сталина и Ежова, в Секретариат входили Каганович и Жданов). По долгу службы Ежов курировал органы НКВД, а осенью 1936 года занял пост наркома внутренних дел. 12 октября 1937 года он стал кандидатом в члены Политбюро.

Что видно из этого списка? А видно, что мы имеем дело еще с одним человеком из сталинской команды, причем, судя по всему, достаточно близким и доверенным человеком. В этом-то и была одна из роковых ошибок Сталина.

Знавшие Ежова люди говорили о нем как о человеке тихом, скромном и внимательном. Например, очень хорошо вспоминала о нем Лиля Брик, подруга Маяковского, а потом жена комкора Примакова.

После самоубийства Маяковского советская писательская общественность постаралась о нем забыть. Тогда Лиля Брик обратилась к Сталину, который на ее письмо написал свою знаменитую резолюцию: «Маяковский был и остается лучшим, талантливейшим поэтом нашей советской эпохи». С этим письмом она пошла к Ежову.

По ее словам, Ежов «был сама любезность. Он встретил ее стоя, продержал у себя сколько нужно, не показывая, что дорожит каждой минутой своего драгоценного времени, все записал, попросил оставить ему бумагу с заметками об издании сочинений поэта: “Оставьте мне вашу шпаргалку!” Позвонил в Моссовет Н. А. Булганину относительно переименования Триумфальной площади в площадь Маяковского... Потом говорил с редактором “Правды” Л. З. Мехлисом, предложил немедленно разработать план по наметкам, сделанным Л. Брик, и обеспечить осуществление этого плана»⁵⁹.

Аналогичные воспоминания оставили и другие люди. Да, по-видимому, Ежов на самом деле был тихим, вежливым, внимательным человеком. Ну, может быть, не в этом была его внутренняя сущность – но в конце концов, какая разница, если он так себя вел! По всей вероятности, так воспринимал его и Сталин. А какие у него были основания думать иначе?

⁵⁸ Средний рост призывников в Санкт-Петербургской губернии, например, был 163 см. Так что все фрейдистские рассуждения о том, что Сталин страдал из-за своего маленького роста, можно отправить «в пользу бедных» – роста он был вполне среднего.

⁵⁹ Брюханов Б., Шошков Е. Оправданию не подлежит. Ежов и ежовщина. СПб., 1998.

Когда Ежова назначили на пост наркома внутренних дел, британский посол доложил в Лондон: «Сталин дал Ежову НКВД, чтобы уменьшить власть этой кошмарной организации. Поэтому назначение Ежова следует приветствовать».

Судя по ситуации, в то время на посту наркома внутренних дел нужен был совершенно особый человек: с одной стороны, бескомпромиссный в борьбе с врагами, которых действительно было немало, а с другой, достаточно устойчивый, чтобы не воспринять славные чекистские «традиции», жалобы на которые сыпались в Кремль в невероятном количестве. Как раз таким человеком был его преемник на посту наркома Берия, сумевший обуздать НКВД. По всей видимости, таким был и Ежов. Если бы все пошло нормально, как задумывалось, он вскоре вошел бы в Политбюро и работал себе, занимаясь органами внутренних дел.

Но не вышло. У Ежова, как оказалось, имелись две уязвимые точки. Он был все-таки в глубине души амбициозен. И он не был профессионалом.

А теперь поговорим немного о кадровой политике Советской власти.

С самого Октября сплошь и рядом было так, что начальником какого-нибудь дела назначали проверенного партийца, из «старых большевиков». Этих людей тасовали, как колоду карт, перемещали с одного дела на другое. Характерный пример – уже знакомый нам Акулов. Во время войны он был партийным работником, затем занимался профсоюзами, был зам. наркома рабоче-крестьянской инспекции, перешел в чекисты, потом в прокуроры, и снова на партию...

Позднее на руководящих постах номенклатурщиков стали сменять профессионалы. Так, Акулова на посту прокурора СССР сменил высококлассный юрист Вышинский, Ежова на посту наркома внутренних дел – чекист-профессионал Берия. Но в 20-х – начале 30-х годов в Советском Союзе существовала номенклатура профессиональных *управленцев*, которых кидали с одного поста на другой, часто совершенно несходный. Это было *правило*.

Как вы думаете, каким образом вновь назначенный начальник входил в курс дела, в котором не очень-то разбирался? Ну конечно же, его обучали подчиненные.

В наследство от своего предшественника Ежов получил уже изрядно разложившийся аппарат и, вместо того чтобы привести чекистов в чувство, сам воспринял их «славные» традиции. Ну, и чему те бойцы, которых развел в аппарате Ягода, могли научить нового наркома? Да, часть из них Ежов арестовал – но другие-то остались! До сих пор Николай Иванович видел «органы» снаружи, а теперь оказался внутри структуры. И сразу познакомился с такими вещами, как следствие, сроки, доказательства, признания.

– Как же вы с такими работаете? – наверняка спрашивал он Фриновского, глядя на какого-нибудь арестованного.

– Да проще простого! – смеялся бывший заместитель Ягоды. – Хлопнуть водки, врезать по почкам – и будет шелковый!

Берия, знавший оперативную и следственную работу не понаслышке, ответил бы что-нибудь вроде: «Ты мне не вкручивай. Я сам знаю, когда надо бить, а когда не надо. Больно умные вы все тут...» Да он и вопроса бы такого не задал, и Фриновский бы с ним другим тоном говорил.

А что мог ответить Ежов?

Без сомнения, до прихода в НКВД он не был таким, каким стал впоследствии. Однако вниз идти легко. Матерые чекисты, первым из которых как раз и стал взятый Ежовым в заместители Фриновский, обработали нового наркома, привили ему свои ценности. Ценности были простыми, как три копейки. Чем больше врагов сдадим, тем лучше. Жизнь человеческая – пустяк, не стоит создавать себе проблем. Врагов надо бить – тогда расколются. Водка чекисту – первый друг. Мужики были крутые, сильные... настоящие, таким море по колено, от того,

что ты над ними начальствуешь, голова кружится. И Николай Иванович, незаметно для себя, подчинился своим подчиненным, потом начал участвовать в допросах, затем самолично избивать арестованных...

Похоже, наука поначалу давалась нелегко. Он, до тех пор не замеченный в особом пристрастии к спиртному, стал много пить. Хотя, конечно, мужики ягодинской закваски могли спойть даже ящерицу, которая, как говорят, вообще ничего не пьет.

С другой стороны, и сам Ежов был непрост. 10 апреля 1939 года, после ареста, в его квартире провели обыск. Проводивший его капитан докладывал, среди прочего:

«При обыске в письменном столе в кабинете Ежова в одном из ящиков мною был обнаружен незакрытый пакет с бланком «Секретариат НКВД», адресованный в ЦК ВКП(б) Н. И. Ежову, в пакете находилось четыре пули (три от патронов к пистолету «Наган» и одна, по-видимому, к револьверу «Кольт»). Пули сплющены после выстрела. Каждая пуля была завернута в бумажку с надписью карандашом на каждой: «Зиновьев», «Каменев», «Смирнов» (причем в бумажке с надписью «Смирнов» было две пули). По-видимому, эти пули присланы Ежову после приведения в исполнение приговора над Зиновьевым, Каменевым и др.».

Во время расстрела этих людей Ежов в «органах» еще не работал, был тихим и вежливым. Пули ему прислали приводившие приговор в исполнение чекисты. Чем так насолили председателю комиссии партийного контроля именно эти люди? Почему именно их пули он, отправивший на смерть десятки тысяч, хранил у себя дома как дорогую память?

...В общем, бравым чекистам было за что зацепить нового наркома. И зацепили. И стал он вынашивать о-о-очень интересные планы...

Но об этом – чуть-чуть ниже...

Глава 6

Момент истины «партийной гвардии»

Истина в России всегда имеет характер фантастический.
Ф. М. Достоевский

Вся беда в том, что к весне 1937 года Ежов оказался в положении «сам себе контролер». Сталин думал, что он справится. А он не справился, и оказавшаяся без узды контора пошла вразнос.

Ведь в чем основное противоречие любой полиции? В том, что она вроде бы стоит на страже справедливости, но о ее работе судят не по уровню справедливости в обществе, а по количеству выявленных преступников. И любая полиция, естественно, стремится к тому, чтобы их было как можно больше. Справедливость как таковая ее не волнует. А вот для того, чтобы полицейские ловили кого надо, а не шили дела кому попало, как раз и существуют самые разные виды надзора.

А поскольку с надзором в СССР было плохо, то власти, предвидя опасный момент, решили его усилить и поставили во главе НКВД *контролера*. В общем-то, не самое плохое решение...

Подвел, как в большинстве катастроф, человеческий фактор...

Так кто все же санкционировал пытки?

*Короли знают о делах своих министров не больше, чем рогоносцы
о делах своих жен.*
Вольтер

Все время существования, с самого 1917 года, в правоохранительных органах Советской России применялись так называемые «физические методы» воздействия. И все время власть с этой практикой боролась, жестоко и неуклонно.

В основном в таких эксцессах все же оказывалась замечена милиция, где с кадрами было еще хуже, чем везде. В начале 30-х годов зампред ОГПУ Г. Е. Прокофьев, начальник милиции, издал приказ № 00359, касательно избиений и грубости. Там прямо говорилось, что в ряде управлений избиения заключенных, да и просто граждан, грубость по отношению к населению вошли в систему.

Наримановский район. Уполномоченный Сивов избил заключенного до того, что тот сошел с ума. Коллегией ОГПУ Сивов приговорен к 10 годам концлагерей (максимальный по тому времени срок). Емецкий район Северного края. Делопроизводитель Покровский избил задержанного и револьвером нанес четыре раны в голову и одну в ногу (10 лет концлагерей). Пензенская область. Командир взвода Зайцев развлекался тем, что раздевал детей от 12 до 15 лет, порол крапивой, а потом бил резиновой палкой (10 лет лагерей). В конце концов озверевший от своих работничков Прокофьев приказал вместе с преступниками отдавать под суд и их начальников. Если и помогло, то ненадолго...

В 1934 году письмо некоего Ревиса, заключенного соловецких лагерей, о преступных методах ведения следствия, добралось до Политбюро. По этому поводу Сталин писал Куйбышеву и Жданову: «Обращаю ваше внимание на приложенные документы... Возможно, что содержание обоих документов соответствует действительности. Советую:

а) поручить комиссии в составе Кагановича, Куйбышева и Акулова проверить сообщение в документах;

б) вскрыть до корней недостатки “следственных приемов” работников бывшего ОГПУ;
в) освободить невинных пострадавших, если таковые окажутся;
г) очистить ОГПУ от носителей специфических “следственных приемов” и наказать последних “не взирая на лица”.

Дело, по-моему, серьезное и нужно довести его до конца»⁶⁰.

Брались за эти дела, и доводили до конца, о чем свидетельствует возраставшее из года в год количество осужденных работников органов внутренних дел, но что толку, если беззакония было – море. Да к тому же сплошь и рядом происходили такие, например, истории. В 1929 году семеро работников ОГПУ были исключены из партии и преданы суду за незаконный расстрел арестованного. Их отправили в Северные лагеря, поручив каждому «ответственную работу в лагерной обстановке». Один из них, например, возглавлял экспедицию. «В результате самоотверженного труда» уже в 1931 году все они были освобождены и восстановлены в ОГПУ. Надо полагать, раскаялись. И, конечно, когда им дали право бить и стрелять, они сами этого не делали и товарищей удерживали. Смешно, правда?

Впрочем, в «органах» любого рода всегда били, бьют и всегда будут бить. Но это, как правило, отдельные эксцессы. А нас интересуют пытки как система – когда это началось?

...Рассказывая о «зверствах чекистов» по ходу дела «Весна» (аресты офицеров в 1930–1931 годах), очень плохо настроенные к Советской власти исследователи все-таки говорят исключительно об угрозах, бесконечных допросах, многомесячном тюремном заключении. Свидетельств того, что подследственных *били*, там не обнаружено – если бы были, то украинские, например, исследователи, которые, повторяю, «большевиков» ненавидят люто, этого уж всяко бы не упустили.

...Бывшие чекисты – перебежчики ни в коей мере не являются людьми, заслуживающими доверия. По одной простой причине: их мемуары всегда еще и коммерческие проекты. А чтобы твою книгу покупали, в ней надо угождать вкусам читателя и громоздить ужасы. Чем они и занимались. Тем ценнее свидетельство Вальтера Кривицкого о подготовке «первого московского процесса» (август 1936 г.) В своей книге «Я был агентом Сталина» он поведал о том, как начальник иностранного отдела Слуцкий после допроса видного троцкиста Мрачковского делился с Кривицким своим «опытом инквизитора». Непонятно, с какого перепугу начальника внешней разведки стали использовать в таком качестве – ну да ладно... Главное: в чем именно заключался этот опыт. Слуцкий вел допрос Мрачковского на протяжении 90 часов. Чем они занимались? Читали показания других арестованных и спорили о политической ситуации в стране. Слуцкий говорил: «Я довел его до того, что он начал рыдать. Я рыдал с ним, когда мы пришли к выводу, что все потеряно, что единственное, что можно было сделать, это предпринять отчаянное усилие предупредить тщетную борьбу недовольных “признаниями” лидеров оппозиции». К концу допроса оба – и следователь, и подследственный – были в одинаково невменяемом состоянии, но признание Слуцкий получил.

В эту историю можно верить, а можно не очень. Опытнейший разведчик, начальник ИНО, рыдающий на допросе вместе с подследственным – это, конечно, сильно! Но что важно? Даже в 1939 году Кривицкий, которому «органы» были знакомы не понаслышке, в качестве «жестокости обращения» приводит всего лишь 90-часовой допрос, причем у одного и того же следователя, так что «пытке» подвергались оба.

Арестованный летом 1936 года Астров говорил об исключительной корректности тех, кто с ним работал. Его не то что никто пальцем не тронул, но даже обращались только на «вы».

Так что, как видим, это совсем не те методы, которые нам известны как «методы тридцать седьмого». А когда начались *те*?

⁶⁰ Цит. по: Мозохин О. Право на репрессии. С. 202–203.

Впервые более-менее достоверное упоминание о «физическом воздействии» я встретила в случае с комбригом Медведевым. Ситуация была следующая. Начало мая 1937 года, НКВД полным ходом разматывает «заговор военных», которые в любую минуту могут выступить. Срочно нужен формальный повод для того, чтобы начать арестовывать заговорщиков. Тогда чекисты откапывают где-то некоего комбрига Медведева, еще в 1933 году уволенного из армии за троцкизм, и начинают вытаскивать из него показания. Медведев упорствует, и Ежов приказывает его бить. После пяти дней допросов Медведев начинает давать показания на Фельдмана, от ареста которого и потянулась цепочка к остальным. Неизвестно, знали ли об этом в Политбюро. Ежов, надо полагать, знал.

А потом чекисты поняли, что это можно использовать как метод.

Поняли они это, конечно, не сами по себе – им наверняка дали понять. Поскольку применять пытки как систему без санкции вышестоящих органов – риск отчаянный. Рано или поздно все это выйдет на поверхность, и тогда уж точно никому мало не покажется.

Так что санкции на применение «физических методов» наверняка были. Вопрос только: чьи именно?

...Немногие документы вызывают столько споров, как знаменитая шифровка Сталина о разрешении пыток. Впервые этот документ предал гласности все тот же Хрущев в своем незабвенном докладе.

«Когда волна массовых репрессий в 1939 году начала ослабевать, когда руководители местных партийных организаций начали ставить в вину работникам НКВД применение физического воздействия к арестованным, – Сталин направил 10 января 1939 года шифрованную телеграмму секретарям обкомов, крайкомов, ЦК нацкомпартий, наркомам внутренних дел, начальникам Управлений НКВД. В этой телеграмме говорилось:

«ЦК ВКП(б) разъясняет, что применение физического воздействия в практике НКВД было допущено с 1937 года с разрешения ЦК ВКП(б)... Известно, что все буржуазные разведки применяют физическое воздействие в отношении представителей социалистического пролетариата и притом применяют его в самых безобразных формах. Спрашивается, почему социалистическая разведка должна быть более гуманна в отношении заядлых агентов буржуазии, заклятых врагов рабочего класса и колхозников. ЦК ВКП(б) считает, что метод физического воздействия должен обязательно применяться и впредь, в виде исключения, в отношении явных и неразоружающихся врагов народа, как совершенно правильный и целесообразный метод».

Таким образом, самые грубые нарушения социалистической законности, пытки и истязания, приводившие, как это было показано выше, к оговорам и самооговорам невинных людей, были санкционированы Сталиным от имени ЦК ВКП(б)».

О подлинности этой бумаги спорят до сих пор. Во-первых, все, исходящее от Хрущева, изначально вызывает сомнения. Сейчас вроде бы найден подлинник телеграммы, но и ему верить до конца не приходится, поскольку это могла быть и вброшенная в архив фальшивка, которых легион. Тем более что существует только упоминание о некоей санкции, а ее саму не нашел даже фонд «Демократия», готовивший подборку документов «Лубянка», – уж можно не сомневаться, они-то все протоколы перелопатили, и если бы отыскали, то не упустили...

И все же при прочтении его целиком, а не тех цитат, которые выдернул Хрущев, этот документ, в общем-то, не кажется неправдоподобным. Итак, вот она, знаменитая шифровка, целиком, без купюр.

Шифротелеграмма И. В. Сталина секретарям обкомов, крайкомов, ЦК нацкомпартий, наркомам внутренних дел, начальникам УНКВД. 10 января 1939 г.

«ЦК ВКП стало известно, что секретари обкомов – крайкомов, проверяя работников УНКВД, ставят им в вину применение физического воздействия к арестованным как нечто преступное. ЦК ВКП разъясняет, что применение физического воздействия в практике НКВД было допущено с 1937 года с разрешения ЦК ВКП. При этом было указано, что физическое воздействие допускается как исключение, притом в отношении лишь таких явных врагов народа, которые, используя гуманный метод допроса, нагло отказываются выдать заговорщиков, месяцами не дают показаний, стараются затормозить разоблачение оставшихся на воле заговорщиков, – следовательно, продолжают борьбу с Советской властью также и в тюрьме. Опыт показал, что такая установка дала свои результаты, намного ускорив дело разоблачения врагов народа. Правда, впоследствии на практике метод физического воздействия был заглажен мерзавцами Заковским, Литвиным, Успенским и другими, ибо они превратили его из исключения в правило и стали применять его к случайно арестованным честным людям, за что и понесли должную кару. Но этим нисколько не опорочивается сам метод, поскольку он правильно применяется на практике. Известно, что все буржуазные разведки применяют физическое воздействие в отношении представителей социалистического пролетариата, и притом применяют его в самых безобразных формах. Спрашивается, почему социалистическая разведка должна быть более гуманной в отношении заядлых врагов рабочего класса и колхозников. ЦК ВКП считает, что метод физического воздействия должен обязательно применяться и впредь, в виде исключения, в отношении явных и неразрушающихся врагов народа, как совершенно правильный и целесообразный метод. ЦК ВКП требует от секретарей обкомов, крайкомов, ЦК нацкомпартий, чтобы они при проверке работников НКВД руководствовались настоящим разъяснением.

Секретарь ЦК ВКП(б) И. Сталин».

Смутное это, надо сказать, дело. С одной стороны, правительства того времени ни в коем разе не придавали священной ценности так называемым «правам человека». Если ради того, чтобы размотать заговор, надо выбивать показания из подследственного – так значит, надо их выбить, и дело с концом. С другой, напоминая, этот документ – ссылка на санкцию, а где оригинал, то есть сама санкция? Ни одного упоминания о том, что кто-то видел оригинал, не существует.

А с третьей стороны, авторы хрущевских фальшивок, которые тоже были все из той же конторы и имели о происходящем *свое мнение*, как правило, старались дать будущему читателю ключик. На первый взгляд все вроде бы безупречно, но есть несообразность, которая все перевертывает, значок для посвященных...

Здесь тоже есть несообразность – три фамилии чекистов. У Сталина к тому времени имелся большой выбор арестованных костоломов, но более неудачный подбор персоналий для иллюстрации придумать трудно. Дело в том, что Заковский был арестован в апреле 1938 года за участие в заговоре, Литвина никто не арестовывал, он покончил с собой осенью 1938 года, а Успенский в то время находился в бегах. Стало быть, ни об одном из них нельзя было сказать, что они «понесли должную кару» за зверства на допросах и создание «липовых» дел. Хотя, повторюсь, к тому времени было арестовано уже достаточно видных чекистов, имена которых можно было бы вписать в это письмо.

На июньском пленуме ЦК 1957 года вопрос о санкции был поднят Хрущевым. Ему ответил Молотов.

«Молотов. Применять физические меры было общее решение Политбюро. Все подписывали.

Голос. Не было такого решения.

Молотов. Было такое решение.

Голос. Покажите.

Молотов. Оно было секретное. У меня его нет.

Хрущев. Расскажи, как было подписано. Повтори.

Каганович. Все члены Политбюро подписались за... В отношении шпионов применять крайние меры физического воздействия...

Хрущев. Хочу дать одну справку. Каганович и Молотов, очевидно, не откажутся повторить, что у нас был такой разговор. Накануне XX съезда или после съезда, по-моему, Каганович сказал, что есть документ, где все расписались о том, чтобы бить арестованных. Каганович предложил этот документ изъять и уничтожить. Дали задание Малину (зав. общим отделом ЦК. – Е. П.) найти этот документ, но его не нашли, он уже был уничтожен... Ты тогда даже рассказывал, в какой обстановке писали это решение и кто подписывал.

Каганович. Да, я рассказал. Сидели все тут же, на заседании, документ был составлен от руки и подписан всеми...

Хрущев. Кто написал этот документ?

Каганович. Написан он был рукой Сталина».

Итак, вот еще одна версия. Санкцию дало Политбюро, а потом кто-то документ изъяс. Интересно, кто? Сталин? Но какой был в этом смысл, если уже в январе 1939 года его существование перестало быть секретом. Тем более что подлинник шифровки сохранился.

Или это было сделано после смены власти? Летом 1937 года в Политбюро входили, поименно: Андреев, Ворошилов, Каганович, Калинин, Косиор, Микоян, Молотов, Сталин, Чубарь. Ворошилов, Каганович, Микоян и Молотов были во властных структурах и во время XX съезда. Любой из них мог – но, опять же, зачем? И почему не вспомнили о шифровке?

Странно, что, по обыкновению, не свалили все на Берию...

Как бы то ни было, оригинал решения не найден до сих пор. И единственный аргумент «за» – это упрямое молотовское: «Было такое решение!»

«Ежовые рукавицы», как они есть

*Встретив его на том свете, Сатана, должно быть, заметил ему:
«Ты, однако, вышел далеко за пределы моих инструкций!»
Поццо ди Борго, дипломат*

Но даже если этот документ – правда, то система «работы» с арестованными резко отличалась от того, что в нем говорится. Какое там «месяцами не дают показаний»? «Физические методы» в ежовском НКВД были поставлены на конвейер. Как выглядела получившаяся система, рассказал после своего ареста первый заместитель наркома Фриновский.

«Следственный аппарат во всех отделах НКВД разделен на “следователей-колольщиков”, “колольщиков” и “рядовых” следователей.

Что из себя представляли эти группы и кто они?

“Следователи-колольщики”... бесконтрольно применяли избиение арестованных, в кратчайший срок добивались “показаний” и умели грамотно, красочно составлять протоколы.

К такой категории людей относились: Николаев, Агас, Ушаков, Листенгурт, Евгеньев, Жупахин, Минаев, Давыдов, Альтман, Гейман, Литвин, Леплевский, Карелин, Керзон, Ямницкий и другие.

Так как количество сознающихся арестованных при таких методах допроса изо дня в день возрастало и нужда в следователях, умеющих составлять протоколы, была большая, так называемые “следователи-колольщики” стали, каждый при себе, создавать группы просто “колольщиков”.

Группа “колольщиков” состояла из технических работников. Люди эти не знали материалов на подследственного, а посылались в Лефортово, вызывали арестованного и приступали

к его избиванию. Избиение продолжалось до момента, когда подследственный давал согласие на дачу показания.

Остальной следовательский состав занимался допросом менее серьезных арестованных, был предоставлен самому себе, никем не руководился.

Дальнейший процесс следствия заключался в следующем: следователь вел допрос и вместо протокола составлял заметки. После нескольких таких допросов следователем составлялся черновик протокола, который шел на “корректировку” начальнику соответствующего отдела, а от него еще не подписанным – на “просмотр” быв. Народному комиссару Ежову и в редких случаях – ко мне. Ежов просматривал протокол, вносил изменения, дополнения. В большинстве случаев арестованные не соглашались с редакцией протокола и заявляли, что они на следствии этого не говорили, и отказывались от подписи.

Тогда следователи напоминали арестованному о “колольщиках”, и подследственный подписывал протокол. “Корректировку” и “редактирование” протоколов, в большинстве случаев, Ежов производил, не видя в глаза подследственных, а если видел, то при мимолетных обходах камер или следственных кабинетов.

При таких методах следствия подсказывались фамилии.

По-моему, скажу правду, если, обобщая, заявлю, что очень часто показания давали следователи, а не подследственные.

Знало ли об этом руководство наркомата, т. е. я и Ежов? – Знали.

Как реагировали? Честно – никак, а Ежов даже это поощрял...»

Само собой, Фриновский старается спихнуть с себя как можно больше на Ежова – система, мол, зародилась сама собой, нарком ее «даже» поощрял, а остальные не запрещали. Человек со стороны, может, и поверит, что санкция ЦК на применение пыток была, а вот систему никто не организовывал, сама появилась, как мыши в доме, да... Поверил ли ему старый чекист Берия – вопрос риторический.

Но систему Фриновский в целом обрисовывает четко. И тут сразу возникают два интересных вопроса. Первый – откуда следователи берут фамилии, которые подсказывают на допросах, и что это за люди?

Тут есть два ответа – и думаю, что оба верные. Во-первых, в любых «органах» всегда существуют агентурные разработки. Вот только беда – на суд их не вынесешь, поскольку привести в суд агента или даже назвать его имя – значит его раскрыть. А эти дела проходили не через «тройки», а через суды. И тогда органы шли на то, чтобы *легендировать* показания. То есть, зная от агентов, что некий гражданин Иванов является членом организации, нескольких других членов той же организации заставляли его называть.

Ну, и во-вторых, так подставляли людей, которых надо было почему-то убрать. Причины тут могли быть самые разные: личные счеты, служебное рвение, или та истина, что имеет фантастический характер. Вот эти, уж точно, были не виноваты – по крайней мере, в том, в чем их обвиняли...

Второй вопрос – на что доблестные чекисты вообще рассчитывали? Ведь долго так развлекаться нельзя, подобные вещи быстро выйдут наружу, и тогда никому мало не покажется... А советское правительство никогда не страдало излишней сентиментальностью. В 1930 году за «перегибы» сажали, не церемонясь, и ясно было, что теперь, соответственно с посуровевшим временем, будут уже не сажать, а стрелять, это и к бабке не ходи...

Команда, может статься, просто резвилась, благо позволено, – *а на что рассчитывали вожаки?*

Ну и, само собой, «внизу» было то же самое, с поправкой на нравы – хотя куда уж тут поправлять...

В одном лишь все том же Западно-Сибирском крае, выполняя указания товарища Миронова, «раскрыли» 11 «контрреволюционных организаций». Самая могучая из них была «Бело-

гвардейско-монархистская организация РОВС», насчитывавшая более 20 тысяч (!) членов. Остальные уже мельче, в пределах нескольких тысяч или нескольких сотен. В целом в Западной Сибири оказалось около 35 тысяч «подпольщиков». (Миронов в августе был назначен послом в Монголию, но и там не унялся: в насчитывавшей менее миллиона человек стране раскрыл суперзаговор, по делу которого было арестовано более 10 тысяч человек – из них почти 8 тысяч лам, – и собирался арестовать еще 7 тысяч человек, из которых 6 тысяч были ламами. Судить монгольских «заговорщиков», естественно, тоже должны были «тройки»⁶¹.)

Надо ли говорить о методах? Писать об этом снова? Зачем? О «зверствах НКВД» уже создана целая литература, отсылаю читателя к ней, если кому охота...

Когда власти стали понимать, что в стране происходит что-то не то? То есть, конечно, с самого начала они знали, что имеет место быть некоторое количество фальсифицированных дел, по поводу чего Сталин сказал: «Лес рубят – щепки летят». По-видимому, где-то начиная с зимы 1937–1938 годов, после инспекционной поездки члена Политбюро Андреева по стране, стали *догадываться*, что размеры всей этой «липы» куда больше, чем можно было предполагать. А вот когда начали *понимать*?

...Первые чекистские головы полетели еще весной 1938 года. Тогда же замелькали и обвинения в создании дутых дел. А зимой 1939 года начали арестовывать работников НКВД уже конкретно за то, что они наворотили. 31 января – 13 чекистов-железнодорожников за необоснованные аресты;

3 февраля – начальник райотдела НКВД Сахарчук за преступные методы ведения следствия; 5 февраля – группа работников Особого отдела Балтфлота...⁶² В том же январе был арестован и неумный Миронов – в 1940 году его расстреляли. Головы прокуроров тоже полетели еще в мае 1938-го – после упоминавшегося совещания, на котором Вышинский так честил омского прокурора.

В «органах» началась глобальная «зачистка». За 1939 год были уволены 7372 человека (22,9 % от общей численности). 66,5 % из них – за должностные преступления, контрреволюционную деятельность и по компрометирующим материалам. Руководящих кадров чистка коснулась сильнее: из 6174 человек было убрано 3830 (62 %). Увольнениями дело не ограничивалось, сменивший Ежова Берия сажал и стрелял со всей непреклонностью старого чекиста, еще в 20-е годы возненавидевшего этих отморозков.

Но мы забыли о «массовых операциях». По ним ведь тоже велась проверка. В Политбюро шли донесения от Берии, письма от Вышинского. Вроде следующего (приводится с небольшими сокращениями):

Из письма Вышинского Сталину. 1 февраля 1939 г.

«...Расследованием, произведенным помощником Главного военного прокурора т. Китаевым и группой работников НКВД СССР, установлено:

1) Бывший начальник Белозерского оперсектора УНКВД лейтенант госбезопасности Власов... встал на путь подлогов и фабрикации фиктивных дел. В этих целях, Власов и работники оперсектора, сержант госбезопасности Воробьев, старший лейтенант чекист запаса Емин, сотрудник Левашов и прикомандированный к оперсектору начальник пограничной школы в Ленинграде капитан Антипов прибыли в исправительно-трудовую колонию № 14⁶³ под видом “медицинской комиссии”, якобы для отбора и направления осужденных в другие колонии.

⁶¹ Биннер Р., Юнге М. Как террор стал «большим». М., 2003. С. 40.

⁶² Мухин Ю. Убийство Сталина и Берии. М., 2002. С. 114.

⁶³ Среди массовых операций была и операция по ликвидации «антисоветского элемента» в тюрьмах и колониях.

Отбрав здесь из отбывших наказание 100 человек, Власов и его сотрудники составили подложные протоколы допросов обвиняемых, якобы сознавшихся в тяжчайших государственных преступлениях. Подписи обвиняемых на этих протоколах были получены под видом подписей на “свидетельствах о болезни”.

Сфабрикованные таким образом дела были переданы на рассмотрение во внесудебном порядке на Тройку при УНКВД по Вологодской области, и более 100 человек были расстреляны.

2) Власов, Емин, Воробьев, Левашов и начальник Белозерского НКВД Портнаго во время допросов доходили до изуверства, применяя к допрашиваемым всевозможные пытки. Дело дошло до того, что во время допросов этими лицами четверо допрашиваемых были убиты.

3) Следствием установлено значительное количество случаев совершенно незаконных и неправильных постановлений троек и осуждения лиц ни в чем не повинных... Таких примеров преступных действий Тройки УНКВД по Вологодской области следствием установлено значительное количество.

4) При исполнении приказа Народного Комиссара внутренних дел СССР № 485 о репрессировании участников всякого рода шпионских и националистических организаций, ряд работников Вологодского УНКВД... производили без всяких оснований аресты лиц, носящих нерусские фамилии. В отношении этих лиц затем составлялись фиктивные протоколы, фабриковались дела, которые и разрешались во внесудебном порядке. За указанные выше преступления арестованы (8 фамилий)...

...Обвиняемых Власова, Лебедева и Проскурякова, являющихся зачинщиками и организаторами изложенных выше вопиющих преступлений, полагал бы приговорить к высшей мере наказания – расстрелу, остальных – к длительным срокам лишения свободы».

Получив пару десятков таких вот донесений, поскольку проверки шли по всей стране, правительство, надо полагать, поняло, наконец, что произошло. Одно дело, когда ублюдки-следователи фабрикует дела, трусы-прокуроры не делают свое дело, и мерзавцы судьи подмывают приговоры. Это мрачно, но бывает. За это можно арестовывать, сажать, стрелять и первых, и вторых, и третьих. Но совсем другое дело – осознать и признать, что в течение года сотни тысяч советских граждан были попросту *убиты*. Их убивали отморозки, которым нравилось это делать и которым наконец дали волю. Причем убивали официально, с разрешения центральной власти, которая ради этого позволила нарушить ею же написанные законы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.